

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 3
(июль—сентябрь)

2019

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº 3

(JULY — SEPTEMBER)

2019

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№3 (19) (июль — сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
№3 (19) (July — September)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая — кандидат исторических наук, главный редактор;

Н.А. Нарочницкая — доктор исторических наук;

Е.Н. Рудая — кандидат исторических наук;

В.Г. Федотова — доктор философских наук;

Л.Н. Шишелина — доктор исторических наук;

П.П. Яковлев — доктор экономических наук;

А.В. Щербина — кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2019

Содержание:

Крым в истории и современной политике (продолжение)

Екатерина НАРОЧНИЦКАЯ. Крымский вопрос и позиция Франции: критический дискурс французских элит	7
Элизео БЕРТОЛАЗИ. Италия — Крым: история и современность	25
Ульрике РАЙСНЕР. Политические нарративы на тему Крыма в немецкоязычных СМИ ...	34
<hr/>	
Наталья ТРАВКИНА, Владимир ВАСИЛЬЕВ. Углубляющийся кризис политической системы США: причины, признаки, последствия	53
Петр ЯКОВЛЕВ. Время европейских тревог: Евросоюз в меняющейся системе координат	68
Элла ЗАДОРОВИЧ. Взгляды британского геополитика на славянский вопрос. К 100-летию выхода книги Х.Д. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность»	83
Татьяна ВОЛОКИТИНА. Дата, изменившая историю страны. К 75-летию событий 9 сентября 1944 г. в Болгарии	95
Антон КРУТИКОВ. «Пока наша власть не окрепнет». Большевики и украинский национальный вопрос в 1917–1923 гг.	115
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Проблемы деиндустриализации в США	130
Authors	148
Abstracts and Keywords	149

Contents:

Crimea in History and Current Politics (continued)

Ekaterina NAROCHNITSKAYA. The Crimean Issue: Official French Policy under Criticism from Domestic Elites	7
Eliseo BERTOLASI. Italy — Crimea: history and modernity	25
Ulrike REISNER. Political Narratives on Crimea in German Language Media	34
<hr/>	
Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV. Deepening Crisis of the US Political System: Causes, Signs and Consequences	53
Petr YAKOVLEV. The Time of European Discontent: The EU's changing framework	68
Ella ZADOROZHNYUK. The British Geopolitician's Views on the Slavic question. For the 100th anniversary of Halford John Mackinder's «Democratic Ideals and Reality»	83
Tatiana VOLOKITINA. A date that changed national history. For the 75th anniversary of the events of 9 September 1944 in Bulgaria	95
Anton KRUTIKOV. “Until our government is stronger...”. Bolsheviks and the Ukrainian national question in 1917–1923	115
Vladimir KONDRATEV. Deindustrialization Issues in the United States	130
Authors	148
Abstracts and Keywords	149

КРЫМ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-7-24

УДК 327; 341

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Крымский вопрос и позиция Франции. критический дискурс французских элит

Аннотация. Признание де-юре российского статуса Крыма не стоит в повестке политических дискуссий во Франции. Вместе с тем заметная часть французского общества, включая его элитные группы, не разделяет построенное на антироссийских постулатах видение украинских и крымских событий. Консолидированная евроатлантическая линия, с которой в основном солидарны официальное руководство страны и ее доминирующие элиты, вызывает скепсис и критику не только в бизнес-среде, но и в политических, военных, дипломатических и экспертных кругах Франции. Более того, эти разногласия способствуют кристаллизации нового размежевания, оттесняющего на задний план классическое разделение на правых и левых.

Ключевые слова: воссоединение Крыма с Россией, крымский референдум 2014 г., крымские события, украинский конфликт, позиция Франции по крымскому вопросу, внешняя политика Франции, «аннексия Крыма», «новая холодная война».

Возвращение Крыма в состав России имеет собственную историческую, этнокультурную, идентитарную, демократическую, геополитическую, концептуально-правовую основу, вне зависимости от коллизий сегодняшней украинской реальности. Вместе с тем актуализация крымской проблемы, политическая реализация воссоединения, международное восприятие и значение этого события были неразрывно связаны с насильственной сменой украинской власти и стоящими за этим вопросами большой мировой политики. Именно поэтому крымский референдум и внутриукраинский раскол стали детонаторами самого серьезного международного кризиса на европейском континенте за последние полвека. С тех пор статус крымского полуострова и конфликт на востоке Украины находятся в центре противоречий между Россией и Западом, общее обострение которых нередко называют «новой холодной войной».

До февраля 2014 г. Франция держалась по большей части в стороне от американских и европейских проектов перетягивания Украины в орбиту евроатлантического объединения. Более того, французы, чья активность здесь ограничивалась оппозицией непосредственному расширению НАТО и ЕС на постсоветском пространстве, сдерживали евроатлантический «дранг нах остен» хотя бы в этом отношении. Однако с момента

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна – ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, директор Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор журнала и портала «Перспективы», кандидат исторических наук; ye_naroch@inbox.ru.

миссии «европейского треугольника» в Киев в кульминационный момент «майданной революции», вовлеченность Парижа в международные процессы на украинском направлении резко возросла, а его роль стала более противоречивой. Инициировав «нормандский формат» урегулирования донбасского конфликта и внося немалый вклад в достижение компромиссных Минских соглашений, французская дипломатия тем не менее в главном полностью вписалась в коллективную евроатлантическую стратегию. Нормандский процесс стал терять динамику и в итоге забуксовал [см.: Нарочницкая Украинский конфликт и Крым...].

Франция приняла участие во всех антироссийских санкциях Евросоюза, поддержала исключение РФ из «большой восьмерки», отмену саммитов ЕС — Россия, прекращение диалога между Москвой и Брюсселем по концептуальным вопросам и т.п. В отношении Крыма официальный Париж проводит всестороннюю (экономическую, дипломатическую, культурную и проч.) блокаду — принятые на уровне ЕС так называемые «запретительные меры». Выход полуострова из состава Украины и его присоединение к России подчеркнута не признаются; все последующие преобразования в крымском регионе оцениваются сугубо негативно. Французский МИД с демонстративной регулярностью воспроизводит тезисы о «незаконности аннексии Крыма», осуждении проводимых на полуострове «нелегитимных выборов», своей «озабоченности милитаризацией полуострова и ухудшением положения с правами человека, особенно крымских татар» и т.д. [см. напр.: *L'annexion...*].

Однако восприятие этой проблематики во французском обществе, включая элитные группы и политический класс, далеко не однозначно. Особый интерес представляют критические и альтернативные по отношению к правительственному курсу подходы, остающиеся в тени политически и медийно доминирующего дискурса.

Впрочем, хотя принятая в ведущих СМИ парадигма в освещении крымской и украинской тематики солидарна с официальной западной линией, даже они держат дистанцию по отношению к самым радикальным вариантам евроатлантического дискурса. Во французском политическом лексиконе по крайней мере не именуют ни Крым, ни Донбасс «оккупированной территорией», а вооруженные формирования и население неподконтрольных Киеву ДНР/ЛНР — «бандитами», «террористами», «оккупантами» и российскими «марионетками». Между тем такая терминология не редкость в США и Канаде, а в Польше, Хорватии, других странах «новой Европы» она в широком ходу. Во Франции услышать подобное можно разве что от представителей ЦВЕ либо прокиевски настроенной части украинской диаспоры и лишь в отдельных случаях от самих французов. Нормой там является говорить о «сепаратистских» или «пророссийских» регионах Востока Украины. А это подразумевает, что хотя бы реальность внутриукраинского противостояния сама по себе сомнению не подвергается. Как правило, не ставится под вопрос и характер волеизъявления населения Крыма — в отличие от формальной законности крымского референдума и конкретных цифр.

В подавляющем большинстве случаев даже непредвзято относящиеся к России французы именуют изменение статуса Крыма в 2014 г. «аннексией» — “*annexion*”, с добавлением слова «незаконная» («*illégal*») или без него. Здесь стоит обратить внимание на два немаловажных терминологических нюанса. Первый состоит в том, что во

французском языке понятие “*annexion*” не обязательно подразумевает незаконность и в любом случае не имеет той крайне негативной окраски, которая свойственна русскому термину «аннексия». Разницу легко увидеть, сравнив соответствующие статьи на двух языках в Википедии. Сайт французского Национального центра текстуальных и лексических ресурсов также приводит совершенно нейтральное международно-правовое определение “*annexion*”: «любой акт, зафиксированный в договоре или не зафиксированный, в силу которого вся территория одного государства либо ее часть, вместе с находящимися на ней населением и богатствами, переходит под суверенитет другого государства» [Annexion]

Второй нюанс заключается в том, что в романо-германских языках, включая французский, русскому понятию «законный» в принципе соответствуют два нетождественных понятия — *légal* (не противоречащий закону, юридически законный, легальный) и *légitime* (легитимный, морально законный и признаваемый таковым). Возможность расхождения между формально-юридической законностью и морально-политической легитимностью широко признана не только политической мыслью, но и социальными науками, причем приоритет отдается легитимности, как законности более высокого порядка. (Об этом различии и связанных с ним многоплановых дилеммах применительно к движениям за отделение от государства нам уже доводилось детальнее писать в наших статьях о сепаратизме и сецессии¹). Так вот, во французском нарративе о незаконности крымского референдума 2014 г. речь почти всегда идет о формально-юридической, процедурной незаконности (*illégalité*), тогда как легитимность (*légitimité*) этого акта обычно либо оставляется за кадром, либо оценивается скорее иначе.

Во Франции, где до недавнего времени качество гуманитарного образования находилось на весьма высоком уровне, сравнительно немало тех, кто имеет адекватное представление об истории Крыма, его стратегической и символической значимости для России, спорных обстоятельствах передачи полуострова Украине, а затем распада СССР, национальном составе и настроениях крымского населения.

Полемика вокруг событий 2014 г. дополнительно способствовала интересу к этим сюжетам и их освещению в неконтролируемом медийными элитами сегменте информационного пространства. И далеко не все французы осуждают «крымскую весну», даже считая «аннексию» Крыма незаконной — точнее, формально незаконной с точки зрения действующего международного права, в котором, при всех известных коллизиях, двойственности, нормативных дискуссиях, разногласиях и двойных стандартах в оцен-

1 Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. ИНИОН РАН. 2015. №1. С. 32-55. — URL: cyberleninka.ru/article/n/mnogoobraznyu-separatizm-problema-tipologii-i-evropeyskie-realnosti (дата обращения: 08.08.2019); Она же. Понимание сепаратизма: об амбивалентных соотношениях сецессионизма, автономизма, регионализма // Там же. — С. 14-31. — URL: cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-separatizma-ob-ambivalentnyh-sootnosheniyah-setsessionizma-avtonomizma-regionalizma (дата обращения: 08.08.2019); Она же. Государство и вызов сепаратизма: между сецессией, автономией и новым регионализмом // Перспективы. Электронный журнал. 2015. № 3. С. 20-37. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/c18/3_2015-06.11.pdf (дата обращения: 08.08.2019).

ке конкретных случаев, превалирует принцип территориальной целостности государств. Казус такого восприятия заставляет вспомнить слова Н.М. Данилевского: «...иногда незаконность, то есть формальная, внешняя несправедливость, прикрывает собою такую внутреннюю правду, что всякое беспристрастное чувство и мнение принимают сторону мнимой несправедливости» [Данилевский, с. 8]. Собственно, эти слова русского мыслителя и относились не к чему иному, как к соотношению легальности и легитимности.

Что касается социологических данных о позициях французов по Крыму, то они удивительно скудны для столь острого международного сюжета в стране, где еженедельно проводится и публикуется множество опросов на разные темы. Сам этот факт дает основание предположить серьезное несовпадение общественного восприятия крымских и украинских событий с их официальной и медийной интерпретацией. А результаты немногих опросов, имеющиеся в публичном доступе, при всей их бессистемности (по-разному поставленные вопросы), во многом подтверждают такое предположение.

Старейший социологический центр Франции — Французский институт общественного мнения (IFOP) — всего дважды за прошедшие пять с половиной лет обнародовал итоги обследования позиций французов по связанным с Крымом вопросам. В январе 2015 г. опрос не касался непосредственно Крыма, но показал явное несогласие большинства французов с санкционной политикой: 81% респондентов высказался за поддержание хороших отношений с Россией; 76% видели в антироссийских санкциях «американскую инициативу, к которой присоединились европейские страны, а значит и Франция»; 52 % не считали санкции «эффективным средством для урегулирования конфликта между Украиной и Россией»; 64% высказались за поставку России военных кораблей «Мистраль», вокруг которых тогда развернулись ожесточенные споры [Français, la perception... pp. 6,8,11].

Однако в декабре 2018 г. в ходе опроса для коллоквиума, организаторами которого были прокиевские неправительственные организации, всего 22% респондентов (в возрастных группах до 35 лет — 33%) назвали присоединение Крыма к России оправданным (“justifié”); по мнению 78%, оно было неоправданным. Впрочем, уверенных в правильности последней оценки оказалось менее трети опрошенных — 29%, большая часть (49%) выбрала вариант «скорее неоправданно» [Le regard... pp. 12–13].

Вместе с тем, согласно еще одному социологическому исследованию, которое тот же IFOP провел в апреле 2019 г. по заказу агентства Sputnik, доля французов, считающих Крым российской территорией, за последние три года увеличилась до 37%; не признают его принадлежность к России 34%, а 29% не смогли отдать предпочтение ни одному из ответов [Le nombre...]. То есть лишь треть французского населения полностью разделяет точку зрения официального Парижа, более трети же придерживаются существенно иной позиции. Результаты этого опроса, в отличие от предыдущего, на сайте IFOP так и не появились.

Суммируя все эти данные, можно заключить, что французское население в немалой степени расколото, а отчасти либо колеблется, либо индифферентно в крымском во-

просе, при этом ведущей тенденцией становится признание де-факто российского статуса Крыма. В подходе к санкциям против России расхождение с правительственной линией еще резче. И все это — на фоне длительной антироссийской кампании ключевых СМИ, которая не может не оказывать определенного воздействия.

Наличие полярных подходов проявляется и на уровне гражданского общества: во Франции, подобно другим странам, возникли ассоциации и сети, активно поддерживающие как Евромайдан и постмайданный украинский режим, с одной стороны, так и волеизъявление Крыма и борьбу Донбасса, с другой. В интернете, особенно на видеоплатформе YouTube, довольно широко представлена альтернативная картина украинских и крымских событий, которая время от времени прорывается в традиционное медиапространство. Невзирая на протесты посольства Украины, платный телеканал Canal+ показал документальный фильм французского режиссёра Поля Морейра «Украина: Маски революции» (“Ukraine, les masques de la révolution”). Стоит упомянуть и появление на французском книжном рынке таких аналитических работ, как «Украина: в чем ошиблась Франция» Ксавье Моро и «Русская весна» Александра Латцы (изданных, заметим, независимыми издательствами не Франции, а Швейцарии и Монако) [Moreaux; Latsa].

Но широкий разброс взглядов в масштабе всего электората — обычное явление, а влияние фактора общественного мнения на внешнеполитические решения, за исключением особых ситуаций, минимально. В случае с Крымом и украинским конфликтом важнее состояние умов в элитных группах общества, тем более что именно они являются основными субъектами общественно-политического дискурса, именно они вербально артикулируют, концептуально развивают и транслируют подавляющую часть нарративов. Французские элиты же оказались весьма далеки от консенсуса в отношении линии, которую в связи с Крымом и Украиной избрало политическое руководство Франции.

Своего рода «верхушкой айсберга» критического дискурса на эту тему стали диссидентские позиции целого ряда именитых представителей французского истеблишмента. В их числе оказались два бывших президента страны — Валери Жискар д’Эстен и Николя Саркози, бывшие премьеры — Доминик де Вильпен и Франсуа Фийон, экс-министры Жан-Пьер Шевенман, Юбер Ведрин, Ролан Дюма и многие другие.

Независимо от различий и нюансов в правовой оценке присоединения Крыма к России, все они отнеслись к этому событию с определенной долей понимания, рассматривая его в контексте истории, геополитики, ответственности западных стран за косовский прецедент и украинскую смуту, а также того, что Д. де Вильпен назвал «высшими национальными интересами государства» [см. Villepin]. Кто-то формулировал это довольно прямо, кто-то давал понять косвенно, отмежевавшись от антироссийской кампании. Во французской политике, писал, например, де Вильпен, «спектр ответов на кризисы сводится к триптиху осуждение—санкции—исключение», «мораль заполняет пустоту, оставленную дипломатией», взято «равнение на США», тогда как «есть только один выход... — возобновление диалога...» [там же].

Ю. Ведрин еще в первой декаде марта предлагал срочно искать выход из украинского кризиса, для чего вернуться к достигнутому в Киеве соглашению от 21 февраля, а также декларировать необходимость финляндизации Украины и ее федерализации с предоставлением Крыму «почти полной автономии». «Все знают историю и особый случай Крыма, что не оправдывает использованных (Россией) методов давления. — признал бывший глава французской дипломатии. — Он не должен был передаваться Украине по капризу Хрущева. Или надо было исправить это в момент получения независимости» [Védrine]. После крымского референдума Ведрин сделал акцент на «общенациональной поддержке», которую «аннексия Крыма получила в России, потому что в глазах российских граждан Путин исправил историческое недоразумение», и добавил, что остается «принять к сведению этот акт, даже если сейчас это звучит шокирующе в юридическом плане» [Hubert Védrine...].

Ж.-П. Шевенман не только представил непредвзятый анализ предшествующих Крыму событий на Украине, но и в качестве специального представителя президента Ф. Олланда в России налаживал переговоры по урегулированию донбасского конфликта. В отношении Крыма публичные формулировки этого опытейшего политика, облеченного официальной миссией, были тщательно сбалансированны и полны многозначительных нюансов. «Хотя Крым до 1954 г. принадлежал России, — писал он, — ...решение организовать его присоединение, даже прикрытое референдумом... противоречило принципу уважения территориальной целостности государств, который Россия постоянно подтверждала, в частности, когда этот принцип был погран отторжением Косово от Югославии». Оно было «непропорциональной реакцией» на «то, что могло восприниматься и как “революция”, и как переворот в Киеве». Это решение было продиктовано «стратегическими интересами России в Причерноморье», которые «г-н Путин поставил выше всех остальных соображений». Давний сторонник «европейской Европы» и партнерства с Россией, Шевенман призвал европейцев извлечь из украинского кризиса урок, «стать независимой силой в многополярном мире» и «не выталкивать Россию из “Запада”, а вместе с ней определить взаимоприемлемые правила игры, способные восстановить разумное доверие» [Chevènement].

Некоторые прямо атаковали стоящие за «новой холодной войной» американские интересы. На партийном форуме Союза за народное движение (нынешних «Республиканцев») в феврале 2015 г. Н. Саркози произнес слова, которые мейнстримные СМИ осудили за «повторение путинской риторики», а большая часть зала встретила аплодисментами: «Разлад между Европой и Россией — драма. Если его желают американцы, это их проблема и их право... но мы не хотим воскрешения холодной войны между Европой и Россией» [цит. по: Vitkine]. Более того, лидер главной оппозиционной партии признал как правомочность крымского референдума, так и его итоги: «Крым выбрал Россию, мы не можем его за это упрекать... Если Косово имело право стать независимым от Сербии, я не вижу, как можно утверждать, что Крым не имеет права покинуть Украину и присоединиться к России» [Там же].

Еще один бывший глава Пятой республики, 89-летний В. Жискара д'Эстен пошел еще дальше, выступив вразрез с коллективной евроатлантической позицией по всем ас-

пектам крымско-украинского досье. Он не раз повторял, что «возвращение» Крыма в Россию соответствует Истории и «было одобрено большинством его населения», что «Крым никогда не был украинским», а беспрецедентная передача полуострова Н. Хрущевым в состав Украины уже в то время заставила его (Жискар д'Эстена) подумать, что «эта искусственная зависимость долго не продлится» [La France, l'Europe, le monde...]. Комментируя в связи с событиями 2014 г. принцип нерушимости границ, бывший президент напомнил о юридически зыбких обстоятельствах крушения СССР: «...распад СССР происходил беспорядочно и сам вызвал крушение границ!». «Метод Владимира Путина мог бы быть иным, — подвел итог экс-президент. — Но сегодня вопрос о Крыме следует оставить» [Там же].

Анализ украинских событий патриархом французской политики, принадлежащим к потомственной аристократии и вставшим в силу возраста и статуса выше политкорректности, заслуживает быть процитированным по всем ключевым пунктам: «Проблема востока Украины сложнее. Не стоит забывать, что Украина долгое время была русской, а Киев являлся столицей Руси... Надо уяснить, что же в реальности произошло в украинской столице. Какую роль в «майданной революции» сыграло ЦРУ? В чем состоял смысл последовательно антироссийской политики, проводившейся Барак Обама? Почему Соединенные Штаты захотели продвинуть своих пешек на Украине? Есть ли в США влиятельное украинское лобби? ... Украинская власть, несомненно была негодной и коррумпированной... Но ситуация там остается сложной, и надо признать, украинский транзит малодемократичен. Игрой заправляют руководимые олигархами кланы. Что касается Соединенных Штатов, то они, по всей видимости, поддерживали и поощряли движение мятежников. А затем США инициировали политику санкций против России — политику, которая попирает международное право. ...американцы заинтересованы в том, чтобы спровоцировать обвал российской экономики... для Европы же русские являются партнерами и соседями» [Там же].

Отдельные голоса против поднявшегося шквала обвинений в адрес Кремля раздавались даже в кругах, от которых этого трудно было ожидать. Яркий пример — публикация Жака Аттали под красноречивым заголовком «Неужели они все посходили с ума?». «Безумие со стороны Запада делать из проблемы Крыма повод для конфронтации с Россией, — предостерегал он, — ... Из-под моего пера никогда не выходило ни слова в поддержку нынешнего российского режима и его международной стратегии. Я руководствуюсь исключительно интересами Запада, а точнее Европы. По-моему, не в интересах Европы бросаться в противостояние с Россией... Будущим историкам... будет крайне сложно понять, почему мы пошли на чреватую страшными последствиями эскалацию, выступая против волеизъявления русскоязычной провинции, которая не один век была российской и которую в 1954 г. передали другой провинции Советского Союза по капризу тогдашнего генсека КПСС Николая (так в оригинале. — Е.Н.) Хрущева» [Attali].

Ж. Аттали фактически признал и легитимность крымского референдума, и убедительность его результатов, и двойные стандарты западной политики: «Большинство населения Крыма никогда полностью не признавало присоединение к Украине и всег-

да стремилось сохранить автономию по отношению к киевским властям, что нашло отражение в первой украинской Конституции 1992 г. Сегодня Крым и Россия, воспользовавшись хаосом, вызванным приходом к власти в Киеве откровенно антироссийского правительства, решили быть вместе... На каком основании отказывать жителям Крыма, пожелавшим избрать свою судьбу... в то время как мы готовы позволить шотландцам провести подобное голосование...? ...Во имя стабильности принципа национального государства? Но разве навязывали этот принцип Чехословакии, Югославии, иракскому Курдистану, Газе?... Ясно, что если меньшинство не чувствует себя защищенным против крайностей со стороны большинства, то оно имеет право взять свою судьбу в собственные руки» [Там же]. Возражая тем, кто проводил параллель между крымскими событиями и аннексией Чехословакии III Рейхом в 1938 г., Аттали отметил, что угрызения совести в связи с западной политикой «умиротворения» Гитлера заповздали, а «современная ситуация напоминает не 1938, а 1919 год», и если вспоминать об уроках истории, так о том, «к чему привело желание унижить и изолировать Германию после Первой мировой войны» (подобно тому как стараются унижить и изолировать Россию) [Там же].

Выступление Ж. Аттали, который имеет репутацию идейного гуру леволиберального глобализма и одной из влиятельнейших закулисных фигур французской политики, можно считать индикатором того, что возобладавшая линия в связи с Крымом и Украиной вызывает тревогу не только у ностальгирующих по голлизму французов, но и у рационально мыслящих представителей доминирующей касты.

В масштабе всего партийно-политического спектра трещины еще заметнее. Разногласия по этим вопросам имеются и в других странах ЕС, но во Франции они, пожалуй, глубже и нагляднее, чем где бы то ни было на Западе, за исключением разве что Италии. Принципиальное несогласие с официальным курсом, за рамками повсеместно оспариваемых экономических санкций, демонстрирует не только «крайне правый» фланг в лице Национального объединения (бывшего «Национального фронта») Марин Ле Пен. В разных масштабах оно есть и в других сегментах политического поля: от правоконсервативных и правосуверенистских партий и течений до части сторонников Жан-Люка Меланшона на левом фланге.

Особенно значимы здесь два явления. Во-первых — возрождение во Франции того, что можно назвать левым патриотизмом или, используя французское обозначение, суверенизмом. Часть новых левых расходится с левоцентристами и большинством лево-радикалов в отношении к национально-государственным ценностям, пониманию глобальных процессов и соответственно — многих внешнеполитических проблем. Этим предопределяется их подход к международной роли современной России и взаимодействию с ней.

Общий накал антироссийской кампании на Западе, кажущийся парадоксальным после крушения коммунизма и исчезновения советской сверхдержавы, проистекает отнюдь не только из разгоревшихся геополитических appetitов и исторических счетов. (У Франции, например, не было и нет оснований для русофобии на подобной почве,

здесь такие взгляды всегда имели сугубо идеологическую природу.) Нетерпимость к России сегодня получила иной, не менее если не более мощный источник: в России не без оснований видят один из оплотов этатизма, суверенитета, других преемственных начал цивилизации, плюралистической мировой архитектуры в противовес пост-модернистскому вестернизму и глобализму.

Новая линия размежевания — между условными суверенистами-реалистами и ультрапрогрессистами-глобалистами — разделила французских левых в том числе в оценке украинских и крымских событий. Отсутствие симпатий к российскому политическому режиму не помешало восходящей «звезде» левого лагеря Ж.-Л. Меланшону признать, что «порты Крыма жизненно важны для безопасности России» и что «русские предпринимают защитные меры против авантюристической путчистской власти, в которой недопустимый вес получили неонацисты» [цит. по: Jean-Luc Mélenchon : ce qu'il...]. Отказ президента Ф. Олланда от поставки России кораблей «Мистраль» Меланшон назвал «недопустимым предательством», «решением, которое окончательно делает страну вассалом США и воинственной политики НАТО» [Mélenchon].

С новой ведущей парадигмой идейного конфликта в западных обществах связано и второе явление. Речь идет о расколе главного правоцентристского объединения «Республиканцы» — одной из двух партий, попеременно правивших страной с 1970-х годов. Внутри него давно существовали разногласия системного характера, охватывавшие в том числе стратегию Франции и Европы на международной арене. Рост протестных настроений в обществе, неприятие многих мейнстримных установок среди правого электората, запрос в этой среде на возвращение к духу голлизма — все это буквально вытолкнуло полулатентные внутрипартийные противоречия на поверхность. В этом смысл неожиданной победы посулившего «смену вех» Ф. Фийона на первичных выборах, сделавшей его официальным кандидатом «Республиканцев» в президентской гонке 2017 г. Этим же объяснялись последующая травля Фийона, переход части партийной элиты на сторону Э. Макрона и победа последнего.

Закономерным образом, общестратегические противоречия проектировались на крымско-украинский узел в отношениях с Россией. Бывший советник Н. Саркози Анри Гено, один из тех, кто «восстал» против мейнстримного кредо в рядах «Республиканцев», дал это понять совершенно ясно: «Де Голль стремился проводить политику, основанную на реальностях. Закрывая глаза на реальности — исторические, культурные, демографические, географические... мы обрекаем себя на провал... Такой провал мы наблюдаем в международной политике, в конфликте между Россией и Украиной, где Европа и Соединенные Штаты не приняли во внимание географию и культуру» [Guaino].

Заметную роль в мобилизации оппонентов правительственного курса сыграл бывший министр транспорта, а затем депутат Национального собрания (НС) от «Республиканцев», сопредседатель ассоциации «Франко-российский диалог» Тьерри Марьяни. По его инициативе нижняя палата парламента Франции приняла в апреле 2016 г. резолюцию, призывавшую правительство отменить санкции против России и воспротивиться их продлению Евросоюзом. Резонансной демонстрацией несогласия с официальной

линией стали организованные Т. Марьяни визиты в Крым французских парламентариев. В очередной раз делегация французских политиков во главе с ним побывала в Крыму в 2019 г. на праздновании пятой годовщины воссоединения с Россией. Один из ее участников, бывший депутат НС, мэр Бриен-Ле-Шато Николя Дюик объявил о намерении подписать соглашение о побратимстве между его городом и Евпаторией. Несколько бывших и действующих сенаторов и депутатов разных уровней присутствовали в Крыму в качестве наблюдателей на выборах президента РФ в марте 2018 г.

Помимо российской идентичности Крыма и его стратегического значения для безопасности России, французские защитники «крымской весны» обосновывают ее правомерность дальнейшим ходом событий на Украине. Как подчеркивал, среди многих других, Пьер Жантале, руководитель молодежной организации движения «Народные правые», созданного Т. Марьяни, выход из состава Украины «позволил Крымскому полуострову избежать ситуации, в которой сегодня находится Донбасс, то есть войны... это было верное решение, которое позволило жить в мире» [Voyage en Crimée...].

В президентской кампании 2017 г. отношения с Россией стали главным предметом разногласий в сфере международной политики. 7 из 11 кандидатов, собравшие в первом туре в общей сложности две трети голосов избирателей, противостояли антироссийскому тренду, настаивая на важности конструктивного партнерства с Москвой. Из четырех лидеров первого тура трое — М. Ле Пен, Ф. Фийон и Ж.-Л. Меланшон — критиковали правительство Франции и Евросоюз за следование в русле американской стратегии на Украине, призывали к отмене санкций и занимали особые позиции по Крыму.

Лидер «Непокоренной Франции» опроверг всю западную версию украинского конфликта. Со свойственным ему ораторским даром, он определил Евромайдан как «социальную революцию, конфискованную национализмом и ультранационализмом», за которыми стоят США, рвущиеся остановить закат своей империи «расширением НАТО вплоть до российской территории», чтобы «проложить в Европе новую границу» и «зажать в тиски сразу и Россию, и Китай». Перед лицом провокаций киевских радикалов, вышедших из-под контроля «кукловодов», и «имея основания не верить европейцам», говорил Меланшон, «г-н Путин заручился гарантией в виде Крыма, который всегда был русской землей, пока его не отдал Хрущев». Францию он сравнил с «пуделем, семенящим рядом с большим североамериканским поездом», тогда как Россия является ее «историческим союзником», европейцы призваны быть «посреднической силой», а конфронтация вокруг Украины, где расположено множество АЭС, создает опасность экологической катастрофы и третьей мировой войны [Jean-Luc Mélenchon. LCI].

М. Ле Пен, чья партия Национальный фронт в 2014 г. прислала наблюдателей на крымский референдум, констатировала юридическую законность присоединения полуострова к РФ. Ф. Фийон формулировал свою позицию в компромиссно-реалистическом духе. Он делал акцент на необходимости совместить уважение государственных границ с правом народов на самоопределение, на том, что «Крым является русским исторически, культурно и лингвистически», что «бесполезно упрямо требовать от Рос-

сии оставить Крым», ибо «этого не будет никогда», и предложил поискать решение в рамках специальной конференции под эгидой ООН [François Fillon: la Crimée...].

Важно, однако, четко осознавать, что дипломатическое признание присоединения Крыма к России де-юре не стоит в повестке политических дискуссий во Франции. От таких предложений воздерживаются даже сторонники сближения с Россией. М. Ле Пен после избирательной кампании 2017 г. не поднимала тему признания российского статуса Крыма и в преддверии выборов в Европарламент предпочла отклонить приглашение на Ялтинский международный экономический форум. Ж.-Л. Меланшон, уходя от прямого ответа на вопросы, «прав ли был Путин» и «должен ли Крым быть возвращен Украине», подчеркивал, что он «против того, чтобы трогать границы в Европе», и что «это относится не только к Косово, но и ко всем» [Jean-Luc Mélenchon. LCI]. Позицию французского МИД в формально-юридическом плане не оспаривает ни одна фракция Национального собрания, включая представителей «Непокоренной Франции». Симптоматично мнение одного из ее депутатов, вице-председателя парламентской «группы дружбы» с Россией Мишеля Ларива: «По Крыму... сближение позиций (с российскими парламентариями) будет трудным: разум подсказывает, что позиция Франции должна оставаться неизменной. Надо сохранять позицию под прикрытием международного права...» [цит. по: Saleck].

Осторожность в этом вопросе тем более характерна для дипломатического сообщества. Вместе с тем профессионалы в международных делах яснее кого-либо представляют место Крыма в истории и современной геостратегии; взаимосвязь между сменой власти в Киеве, проектами экспансии НАТО и судьбой российского Черноморского флота; дилеммы, вставшие перед Россией в 2014 г.; а также необратимость свершившегося воссоединения. Разумеется, понимание этих реалий само по себе отнюдь не исключает жесткой линии в отношении России. В любом случае дипломатическая служба не предполагает участия в публичном дискурсе за рамками официальной позиции. Однако, судя по умонастроениям отставных дипломатов и неформальным признакам, в этой среде не являются редкостью признание той или степени ответственности Запада за крымский кризис и ошибочности его курса на Украине.

Характерно в этом плане выступление бывшего постоянного представителя Франции при ООН Алена Дежамме на коллоквиуме в фонде «Республика» [Chevènement, Dejammet]. Оценив российское «вмешательство в дела Крыма» как «посягательство на фундаментальный принцип международного права», он отметил, что последовавшее за этим изменение границ является «аннексией для одних и возвращением Крыма России для других, подобно тому, как в 1860 г. говорили о возвращении Ниццы и Савойи — Франции». Царящую в западных СМИ атмосферу французский дипломат назвал «удручающей», а звучащие в них оценки общего характера политики В. Путина неадекватными. «Чтобы понять, что привело к этому кризису», он предложил «вернуться к исходной точке» — началу 1990-х годов и проследить политику Запада: «Русские, которые сами распустили империю и положили конец коммунизму, могли бы быть приобщены тогда к победе. Запад не только не приобщил их к общей победе, он решил, что победил он и только он... Россией пользовались, когда речь шла о всевозможных

операциях, которые не всегда были ей так уж интересны ...но она подписывала, голосовала... Она следовала за Западом и начала тревожиться, лишь когда ООН занялась расчленением Югославии. ...Со стороны Европы... позже появилась программа Восточного партнерства, которую хотели Швеция и Польша и которая не включала Россию... Но все это меркнет по сравнению с капитальным явлением, которым стало расширение НАТО... Эта политика... и усилия по развертыванию систем ПРО вблизи российских границ... вызвали тревогу у России... Как могли русские не чувствовать себя подозреваемыми и отторгаемыми, видя, что к ним приближается военно-оборонительная организация со всей ее сетью предназначенных для ведения войны объектов и армейских маневров? Хотел ли Запад нормальных отношений с Россией? Вряд ли русские могли так считать» [Там же].

Для экспертов, а к ним относятся и дипломаты, не составляет секрета, что присоединение Крыма в создавшемся раскладе было во многом продиктовано стратегическими императивами безопасности, связанными с фактором НАТО. Французы же склонны учитывать законные российские интересы, особенно перед лицом экспансии НАТО, ибо американоцентричная атлантическая система не отвечает их собственным представлениям об оптимальной европейской архитектуре. Интересно, что бывший посол в России Жан де Глиниасти, оставивший этот пост перед самым стартом Евромайдана, с сожалением намекает на пассивность дипломатии Ф. Олланда в капитальном вопросе о НАТО. «Возможно, — предполагает он, — чтобы избежать нынешней ситуации, хватило бы официального заявления Франции и Германии о том, что любая форма включения Украины в НАТО исключена» [Gliniasty]. Не означает ли это, что такой демарш обсуждался в дипломатическом ведомстве и высшем руководстве Франции в начале 2014 г.? Если да, то кто его предлагал и кем и почему он был отвергнут? Обо всем этом пока остается лишь гадать.

В кризисе вокруг Украины и Крыма к тому же видят результат дестабилизирующего влияния, которое оказали и оказывают на международную систему интервенционистские тренды в политике США и их союзников, усилившиеся после окончания холодной войны. А. Дежамме, например, в связи с Крымом говорил о примере, поданном самим Западом, который «работал над отделением Косово» уже тогда, когда его представители подтверждали в СБ ООН территориальную целостность Сербии. «То же полное двуличие» Запад, по словам посла Франции, явил, используя силу под аккомпанемент миротворческой риторики: сначала в Косово, где после «демилитаризации» края албанская Армия освобождения Косово фактически сохранила вооружение и играла роль «вежливых зеленых людей», а затем в Ливии, где ооновский мандат на создание «свободной от полетов зоны» оказался прикрытием наземной интервенции [Chevènement, Dejammet].

В принципиальном плане, немалое влияние во внешнеполитическом сообществе Франции сохраняет идея стратегического партнерства Европы и России. «Клуб 20-ти», объединяющий бывших министров иностранных дел и высокопоставленных дипломатов, в 2016 г. призвал «возобновить политический диалог и диалог в сфере безопасности с Москвой», подчеркивая, что «согласие между Европой и Россией является им-

перативом для обеих сторон» и что «украинское дело не должно быть препятствием» [Club des Vingt... p. 32].

Сходные настроения и критическое восприятие евроатлантического курса в связи с Украиной и Крымом есть в военных кругах и структурах безопасности. Голлистские идеи самостоятельности и особой международной роли Франции всегда находили в этой среде больший отклик, чем в других категориях элиты. Кроме того, геополитическое мышление и реализм в таких профессиях гораздо востребованнее, нежели идеология. А с точки зрения геополитики французским интересам никак не отвечают ни новая «холодная война» с Россией, ни расширение НАТО, ни консолидация американского лидерства в евроатлантическом сообществе, ни укрепление в нем восточноевропейского полюса, ни напряженность в азовско-черноморском бассейне, ни тем более перспектива силового вовлечения в военные столкновения в этом неприоритетном для французов регионе. Но именно такие последствия принесла или потенциально несет с собой игра США и ЕС вокруг Украины. Наконец, интересу к сотрудничеству с Россией способствует все более актуальная для Франции и всей Западной Европы угроза джихадистского исламизма и терроризма, хорошо осознаваемая теми, кто профессионально знаком с этой проблематикой.

Французские военные пытались оппонировать американцам при обсуждении украинской ситуации в атлантических структурах — впрочем, без особого успеха. Об этом в комиссии по обороне Национального собрания рассказал сам глава французской военной разведки генерал Кристоф Гомар: «...нам пытались выкручивать руки по вопросу Украины. ...Реальная трудность с НАТО состоит в том, что американская разведка там главенствует ...НАТО объявила, что русские собираются вторгнуться на Украину, в то время как по данным Управления военной разведки (Франции. — Е.Н.) ничто не подтверждало эту гипотезу. Мы констатировали, что русские не развернули ни командных пунктов, ни логистических средств... позволяющих предпринять военное вторжение, не было никакого перемещения подразделений второго эшелона. Будущее показало, что правы были мы» [Audition du general...]

Участвующие в публичном дискурсе аналитики — выходцы из разведывательных и военных ведомств нередко высказывают не просто скептический, а диаметрально противоположный официальному взгляд на украинский конфликт и крымский вопрос. Директор Французского центра исследований проблем разведки Эрик Денесе, чьи работы не раз удостоивались престижных профессиональных премий, еще в марте 2014 г. опубликовал подробный разбор «односторонней и предвзятой», по его словам, «версии украинской революции, предлагаемой западными дипломатами и масс-медиа». «Как можно осуждать «силовую акцию» Путина, не осуждая при этом незаконный и насильственный характер государственного переворота в Киеве? — писал он, подводя итоги. — ...Как можно, ранее потребовав независимости Косова от Белграда, запрещать Крыму идти тем же путем...? ...Приходится констатировать, что Запад признает международное право только в тех случаях, когда это его устраивает, и нарушает его, если это идет вразрез с его интересами. При этом делаются попытки оправдать свои действия ссылками на абстрактные категории “добра” и “зла”, ведя настоящую информационную войну» [Денесе].

Столь же решительно противоречит мейнстримному дискурсу другой признанный специалист в сфере разведки генерал Жан-Бернар Пинатель. По его словам, в Крыму «Путин всего лишь ответил силовой акцией на другую силовую акцию, которая произошла на Украине при попустительстве европейцев и поддержке Соединенных Штатов»; «американцы первыми поглумились над основополагающими принципами, которые они теперь защищают»; а «украинский президент (П. Порошенко — Е.Н.) при молчаливом согласии большинства западных политиков и СМИ ведет настоящую войну против части собственного населения с той же жестокостью, которую ставят в вину сирийскому диктатору» [Pinatel]

«Это мы должны сделать шаг навстречу России и снять санкции, — признает и глава аналитического фонда GeoPragma, эксперт по геополитике и полковник запаса Каролин Галактерос. — Потому что с Крымом, как известно всем, поделаться ничего нельзя и рассчитывать не на что. Мы сделали свой ход в игре и устроили переворот на Украине (Франция как минимум с ним согласилась)... и мы проиграли, примерно как в Сирии. Вместе с Майданом мы на серебряном блюде преподнесли Москве возможность вернуть Крым, незаконно отданный в 1954 г. Украине украинцем Хрущевым» [Galactéros].

Еще один яркий пример — анализ событий генералом Жан-Клодом Алларом из Института стратегических и международных исследований: «Россия установила контроль над Крымом, потому что были затронуты ее жизненно важные интересы. Надо было подумать... прежде чем толкать Россию на эту крайность. Перед лицом США, которые хотят перетянуть Украину в свой лагерь, чтобы надежно заблокировать Россию на западе ... именно Европа должна была осознать, что Россия стремится развиваться и ей необходимы пути транзита газа через Украину» [Général Jean-Claude Allard...]. Что касается Донбасса, уточняет Аллар, то «тень России над этим противостоянием не должна закрывать реальность: речь идет о гражданской войне, порожденной отказом части украинцев принять американский "deal" и желающих получить особый статус...» [Allard]

«Санкционная война» с Россией непопулярна в предпринимательских кругах, которых влечет гигантский потенциал российского рынка и раздражают политические ограничения на внешнеэкономическую деятельность, тем более — зависимость в этом плане от США. По оценке Франко-российской торгово-промышленной палаты, общий объем убытков французского бизнеса в результате антироссийских санкций и ответных контрсанкций измеряется миллиардами евро [Дюбьен]. Часть французских экспортеров была вынуждена переориентироваться на иные рынки сбыта, однако ни одна из более 600 компаний Франции, инвестирующих в России, не ушла отсюда. Решительным борцом с антироссийскими санкциями был президент корпорации «Тоталь» Кристоф де Маржери, трагически погибший 20 октября 2014 г. в результате необычной авиакатастрофы в аэропорту «Внуково». К противникам санкционного давления на Россию принадлежит ряд других топ-менеджеров крупнейших французских компаний (Анри Проглио, Жан-Франсуа Сирелли, Серж Дассо и др.). О масштабах таких настроений среди французских элит свидетельствует размах споров вокруг судьбы франко-российского контракта по «Мистралам» — на протяжении нескольких месяцев 2014–2015 гг. эта тема не сходила с повестки дня даже медийных дискуссий. С учетом капиталов-

ложений, Францией является одним из лидеров в ЕС по объему экономических связей с Россией, а их сокращение в 2014-2015 гг. сменилось тенденцией к восстановлению. Все это говорит о серьезности и устойчивости запроса на нормализацию отношений с Россией со стороны французских деловых кругов.

Наконец, критический дискурс на тему противостояния Запада и России в связи с Украиной и Крымом получил за эти годы широкое развитие в экспертно-академическом сообществе Франции. Учитывая обширный массив источников, наличие целой палитры критических лейтмотивов, детальность анализа и другие особенности политологического дискурса, эта тема требует отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что большинство исследователей и экспертов, квалифицируя присоединение Крыма к России как «незаконную аннексию», дистанцируются от односторонних оценок причин и хода событий. В разных комбинациях та или иная доля ответственности за кризис 2014 г. возлагается на Запад, США, НАТО, Европейский союз, брюссельскую бюрократию, отдельные европейские страны, включая Германию, саму Францию и особенно Польшу, а также украинских радикалов и Киев.

* * *

Заметность оппозиции западной линии в крымском и украинском вопросах не должна заслонять остальную часть реальности: во Франции немало сторонников жесткого антироссийского курса, «экспорта демократии» и евроатлантизма, которые доминируют как минимум политически и медийно. Эти установки, обычно сопутствующие друг другу, представлены в правых и левых партиях, на разных этажах социальной вертикали и в разных профессиональных категориях. Соответствующая система взглядов родилась задолго до 2014 г., она имеет давнюю историю, в некоторых параметрах — многовековую, а в XXI столетии, как уже говорилось, у нее появился и новый идейно-философский фундамент. Для ее приверженцев события в Крыму закономерно стали очередным резонансом отстаивать «твердый отпор» «российскому экспансионизму» в рамках солидарной евроатлантической стратегии.

Вместе с тем во Франции отчетливо дают о себе знать наследие голлизма, богатый опыт исторических, культурных, дипломатических связей с Россией, традиции ментальной независимости и рефлексии. И хотя признание де-юре российского статуса Крыма не стоит здесь в повестке политических дискуссий, построенное на антироссийских постулатах видение украинских событий и крымского вопроса многими не принимается. Его не разделяет значительная часть политического класса, истеблишмента, академического мира, да и рядовых французов, среди которых усиливаются антисистемные настроения. Антироссийский фундаментализм вызывает скепсис в прагматической бизнес-среде. Не имеет он монополии ни в административных, ни в военных, ни в дипломатических кругах, ни даже в медийной сфере, особенно с учетом многочисленных альтернативных средств информации и коммуникации, оперирующих в интернете.

Сопоставление разногласий вокруг Украины и Крыма с общим контекстом позиций по широкому спектру внутри- и внешнеполитических проблем выявляет важную зако-

номерность. Восприятие украинских и крымских событий в решающей степени определяется геополитическими и идейно-ценностными предпочтениями. Прямо или опосредованно оно связано с иными спорными сюжетами — такими как отношение к России, США, НАТО и ЕС; европейская международно-политическая архитектура и место в ней Франции; будущее французской и европейской цивилизации; структура мироустройства. В свою очередь, этот фактор способствует кристаллизации нового мировоззренческого и политического размежевания, которое приходит на смену классическому делению на правых и левых.

Все это, как и негативные последствия украинской политики Запада для французских геополитических интересов, стимулирует среди французских элит — наряду с антироссийским евроатлантическим вектором и в противовес ему — протест против зависимости от США и поиск иной формулы самопозиционирования Франции и Европы в мире.

Литература

- Данилевский Н.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. 1991.
- Денесе Э.* Украина: мир, вывернутый наизнанку! / Перевод с французского Е. Ароврина // Перспективы. 24.03.2014. — URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/politika/ukraina_mir_vuvernutyj_naiznanku_2014-03-24.htm (дата обращения: 09.04.2019).
- Дюбьен А.* Французы не ушли, потому что видят перспективы России / Интервью Н. Портяковой // Известия. 31.08.2018. URL: iz.ru/782525/nataliia-portiakova/frantcuzy-ne-ushli-potomu-chto-vidiat-perspektivy-rossii (дата обращения: 09.04.2019).
- Министерство экономического развития РФ. Портал внешнеэкономической информации. Распределение по странам // URL: ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/countries_breakdown/ (дата обращения: 09.04.2019).
- Нарочницкая Е.* Украинский конфликт и Крым: испытание французской дипломатии // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №1 (17). С. 20-37. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/22a/1_2019-_1_20_37.pdf (дата обращения: 09.04.2019).
- Нарочницкая Е.А.* «Суверенизм» против «глобализма»: выборы 2017 г. через призму идейно-ценностного конфликта // Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. М. 2018. С. 152–160.
- Allard J.-C.* Ukraine : l'Europe doit se demander si Kiev satisfait les principes démocratiques // L'Obs. 09.02.2015. — URL: leplus.nouvelobs.com/contribution/1321444-ukraine-l-europe-doit-se-demander-si-kiev-satisfait-les-canons-democratiques.html (date of access: 09.04.2019).
- Annexion // Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. — URL: <https://cnrtl.fr/definition/annexion> (date of access: 09.04.2019).
- Attali J.* Sont-ils tous devenus fous? // L'Express. 23.03.2014. — URL: blogs.lexpress.fr/attali/2014/03/23/sont-ils-tous-devenus-fous/ (date of access: 09.04.2019).
- Audition du général Christophe Gomart, directeur du renseignement militaire, sur le projet de loi relatif au renseignement. Commission de la défense nationale et des forces armées. Mercredi 25 mars 2015. Séance de 9 heures. Compte rendu n°49 // Assemblée Nationale. — URL: assemblee-nationale.fr/14/cr-cdef/14-15/c1415049.asp (date of access : 09.04.2019).

- Chevènement J.-P.* Crise ukrainienne, une épreuve de vérité // Le Monde diplomatique. Juin, 2015. — URL: monde-diplomatique.fr/2015/06/CHEVENEMENT/53060 (date of access: 09.04.2019).
- Chevènement J.-P., Dejammet A.* Accueil de Jean-Pierre Chevènement et Introduction de Alain Dejammet. Interventions de M. Jean-Pierre Chevènement, Président de la Fondation Res Publica, et M. Alain Dejammet, Président du Conseil scientifique de la Fondation Res Publica, au colloque «La Russie en Europe» du 23 septembre 2014 // Fondation Res Publica. — URL: fondation-res-publica.org/Accueil-de-Jean-Pierre-Chevenement-et-Introduction-de-Alain-Dejammet_a844.html (date of access: 09.04.2019).
- Club des Vingt. Péchés capitaux. Les 7 impasses de la diplomatie française. P. 2016.
- Galactéros C.* Galactéros Caroline: «Isoler la Russie pour complaire à notre grand allié était un calcul stupide». Propos recueillis par Desuin H. // L'Incorrect. 19.08.2019. — URL: lincorrect.org/caroline-galacteros-isoler-la-russie-pour-complaire-a-notre-grand-allie-etait-un-calcul-stupide/ (date of access : 09.04.2019).
- Français, la perception du conflit ukraino-russe et la livraison de navires de guerre à la Russie. Sondage IFOP pour La Tribune. Janvier 2015. — URL: ifop.com/media/poll/2912-1-study_file.pdf (date of access: 09.04.2019).
- François Fillon: «la Crimée est un territoire russe» // Sputnik. 20.04.2017. — URL: fr.sputniknews.com/france/201704201030990272-fillon-crimee-russie/ (date of access: 09.04.2019).
- Général Jean-Claude Allard: «L'Ukraine zone charnière entre Américains et Russes» // La Depeche. 19.07.2014. — URL: ladepeche.fr/article/2014/07/19/1921229-general-jean-claude-allard-ukraine-zone-charniere-entre-americaains-russes.html (date of access: 09.04.2019).
- Giscard d'Estaing V.* La France, l'Europe, le Monde... Entretien avec Valéry Giscard d'Estaing // Politique internationale. N°146 Hiver 2015. — URL: politiqueinternationale.com/revue/print_article.php?id=1346&id_revue=146&content=texte (date of access: 09.04.2019).
- Gliniasty J. de.* Ukraine : Le piège du tout ou rien // Iris. 22.12.2017. — URL: iris-france.org/105437-ukraine-le-piege-du-tout-ou-rien/ (date of access: 09.04.2019).
- Guaino H.* De Gaulle, la France et moi // Le Figaro. 03.04.2015. — URL: http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2015/04/03/31001-20150403ARTFIG00419-henri-guaino-de-gaulle-la-france-et-moi.php (date of access: 09.04.2019).
- Hubert Védrine: «Pour les Russes, Poutine a corrigé une aberration en Crimée» // YouTube. Les Echos. 17.03.2014. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=ulIZdf2QLjM&feature=youtu.be (date of access: 04.03.2019).
- Jean-Luc Mélenchon.* LCI. 27.04.2014. — URL: youtube.com/watch?v=mQYQoUlqUDg (date of access: 09.04.2019).
- Jean-Luc Mélenchon : ce qu'il a vraiment dit sur la Russie, Poutine et la Syrie // Marianne. 04.04.2017. — URL: marianne.net/politique/jean-luc-melenchon-ce-qu-il-vraiment-dit-sur-la-russie-poutine-et-la-syrie (date of access: 18.07.2019).
- Latsa A.* Un printemps russe. Genève. 2016.
- Legouté D.* Intervention armée russe en Crimée: Jean-Luc Mélenchon parle de «mesures de protection prévisibles» // Le Lab, Europe1. 02.03.2014. — URL: lelab.europe1.fr/Intervention-armee-russe-en-Crimee-Jean-Luc-Melenchon-parle-de-mesures-de-protection-previsibles-13181 (date of access: 09.04.2019).
- Mélenchon J.-L.* Navires Mistral: François Hollande commet une trahison insupportable // Le Blog de Jean-Luc Mélenchon. 03.09.2014. — URL: jean-luc-melenchon.fr/2014/09/03/navires-mistral-francois-hollande-commet-une-trahison-insupportable/ (date of access: 09.04.2019).

- Moreau X.* Pourquoi la France s'est trompée en Ukraine. Editions du Rocher. 2015.
- Le nombre de Français considérant la Crimée comme russe augmente // Sputnik. 13.05.2019. — URL: fr.sputniknews.com/international/201905131041101555-le-nombre-de-francais-considerant-la-crimee-comme-russe-augmente/ (date of access: 09.04.2019).
- Pinatel J.-B.* USA-Chine des budgets militaires en forte croissance, pourquoi faire? // Geopolitique. Geostrategie. 27.07.2019. — URL: geopolitique-geostrategie.fr/crimee-poutine-joue-moment-brejnev-loccident-moment-sudetes%20%20; (date of access: 09.04.2019).
- Pinatel J.-B.* La véritable raison pour laquelle les États-Unis se préoccupent tant de l'Ukraine tout en se foutant éperdument des Ukrainiens // Atlantico. 24.07.2014. — URL: atlantico.fr/decryptage/1673075/la-veritable-raison-pour-laquelle-les-etats-unis-se-preoccupent-tant-de-l-ukraine-tout-en-se-foutant-eperdument-des-ukrainiens-jean-bernard-pinatel (date of access: 09.04.2019).
- Pour Marine Le Pen, l'annexion russe de la Crimée n'est pas illégale // L'Express. 03.01.2017. — URL: lexpress.fr/actualite/politique/fn/pour-marine-le-pen-l-annexion-russe-de-la-crimee-n-est-pas-illegale_1865383.html (date of access: 18.07.2019).
- Le regard des Français sur l'Ukraine. 2018. — URL: ifop.com/wp-content/uploads/2018/12/116047-Rapport.pdf (date of access: 18.07.2019).
- Résolution invitant le Gouvernement à ne pas renouveler les mesures restrictives et les sanctions économiques imposées par l'Union européenne à la Fédération de Russie. 28 avril 2016 // Assemblée Nationale. — URL: assemblee-nationale.fr/14/ta/ta0721.asp (date of access: 18.07.2019).
- Saleck H.* Groupe parlementaire franco-russe: «il existe des sujets susceptibles de nous rapprocher» // Sputnik. 13.09.2019. — URL: fr.sputniknews.com/france/201909131042093039-groupe-parlementaire-franco-russe-il-existe-des-sujets-susceptibles-de-nous-rapprocher/ (date of access: 18.07.2019).
- Védrine H.*: cinq propositions pour sortir de la crise ukrainienne // L'Obs. 08.03.2014. — URL: nouvelobs.com/rue89/rue89-le-grand-entretien/20140308.RUE2532/hubert-vedrine-cinq-propositions-pour-sortir-de-la-crise-ukrainienne.html (date of access: 18.07.2019).
- Villepin D. de.* «La France gesticule... mais ne dit rien» // Le Monde diplomatique. Décembre 2014. — URL: monde-diplomatique.fr/2014/12/DE_VILLEPIN/51014 (date of access: 27.09.2019).
- Vitkine B.* Crise ukrainienne: Nicolas Sarkozy reprend la rhétorique du Kremlin // Le Monde. 09.02.2015. — URL: lemonde.fr/europe/article/2015/02/09/crise-ukrainienne-nicolas-sarkozy-reprend-la-rhetorique-du-kremlin_4572863_3214.html (date of access: 09.04.2019).
- Voyage en Crimée: la diplomatie française remerciera les parlementaires! // Sputnik. 03.08.2015. — URL: https://fr.sputniknews.com/points_de_vue/201508031017348324 (date of access: 18.07.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-25-33

УДК 341; 342; 327; 93

ЭЛИЗЕО БЕРТОЛАЗИ

Италия — Крым: история и современность

Аннотация. 18 мая 2016 г. в Венеции Совет региона Венето первым в Европейском союзе признал воссоединение Крыма с Россией. Эта резолюция проложила путь к аналогичным действиям других итальянских региональных учреждений: 29 июня 2016 г. в Генуе Совет региона Лигурии утвердил признание Крыма, 5 июля настала очередь регионального совета Ломбардии. Венето и Лигурия неслучайно пошли на этот шаг, для этого имеются вполне конкретные исторические причины — в Крыму в средние века успешно существовали венецианские и генуэзские колонии.

Ключевые слова: Крым, Венето, Лигурия, венецианские колонии, генуэзские колонии, партия «Лига» (Лига Севера).

В последние годы Крым оказался в центре международного внимания. Политический кризис на Украине в 2014 г. привел к тому, что Крым вошел в состав России. Это вызвало конфликт между Москвой и Западом, который не признает законность крымского референдума. Конфликт в некоторых аспектах напоминает сценарий Крымской войны, когда в середине XIX в. царская Россия противостояла беспрецедентному союзу между Османской империей, Великобританией, Францией и Королевством Сардиния. Сегодня постсоветская Россия противостоит Соединенным Штатам, Европейскому союзу и НАТО в неразрешимом, казалось бы, конфликте, в котором ни одна из вовлеченных сторон пока не добилась окончательной победы.

Напряженная ситуация вокруг Крыма, как и в прошлом, объясняется фундаментально значимым местом, которое он занимает между Средиземноморьем и Евразией.

В течение долгой и беспокойной истории полуострова его заселяли многие народы: таурийцы, киммерийцы, скифы, греки, готы, датчане, византийцы, евреи, армяне, генуэзцы, венецианцы, татары и русские. Ни один из них окончательно так и не связал свое имя с Крымом, но все они оставили здесь важные исторические свидетельства своего пребывания. Крым похож на сложную мозаику, одни элементы которой постоянно заменялись другими. Культурная неоднородность, пожалуй, является его фундаментальной характерной чертой.

Сведения об авторе: БЕРТОЛАЗИ Элизео — эксперт Института высших геополитических исследований и смежных наук (Рим, Италия) (IsAG), учредитель ассоциации «Венето — Россия», почетный член ассоциации «Ломбардия — Россия», доктор филологии по культурной антропологии (Италия), ebertolasi@mail.ru.

С начала XIII в. генуэзцы и венецианцы, воспользовавшись окончательным распадом Византийской империи после падения Константинополя в 1204 г., стали создавать свои колонии на Черноморском побережье, включая Крым, продолжая и в этом регионе свое взаимное политическое и торговое соперничество [Ferrari, Pupulin]. Обе морские республики, Венеция и Генуя, основали здесь поселения: Чембало (Балаклава), Лупико (Алупка), Солдая (Судак), Черкио (Керчь) и, конечно, Каффу (Феодосия), которая стала главным городским центром региона. Несмотря на немногочисленность, эти поселения были весьма активны.

Доминировали в Крыму генуэзцы. Около двух веков они главенствовали в политической и экономической жизни прибрежных городов, население которых всегда отличалось многоэтничностью. В этот период генуэзцы наладили отношения как с восстановленной в 1261 г. Византийской империей, так и с Золотой Ордой, которая около середины XIII в. возникла как автономное государство в самой западной части монгольской империи. Генуэзцы, греки и армяне жили бок о бок в прибрежных городах Крыма, поддерживая выгодное, хотя и непростое, сотрудничество с татарами, доминировавшими в северной части полуострова.

Говоря о присутствии итальянцев в Крыму в последующие столетия, к венецианцам и генуэзцам следует добавить еще и представителей юга Италии.

С научной точки зрения приморско-сельская община итальянцев Крыма изучалась в 1930-х годах советским лингвистом и этнографом Владимиром Федоровичем Шишмарёвым в рамках более широкого исследования, которое охватывало романские меньшинства в СССР, имевшиеся на Юге Украины, Понтийском побережье и Северном Кавказе. Его работы на эту тему были собраны и опубликованы в 1975 г. в книге «Романские поселения на юге России» [Шишмарев], в которой анализировались влахские, французские и итальянские группы.

Основная часть труда этнографа посвящена семьям, эмигрировавшим из итальянской области Апулия в 1870-е годы. (В миграционном притоке итальянцев в Крым выделяются два периода: 1780 — 1830 гг. и после 1870 г.) Уклад жизни этих моряков описан так: они почти всегда владели огородом и домом, «который не отличается от домов других полусельских жителей Керчи». Выделялись же они манерой одеваться, а также кулинарными пристрастиями и устным народным творчеством.

Хотя В. Шишмарёв изучал историю иммиграции этой группы, его исследования в основном носили диалектологический характер. То, что привлекло советского лингвиста на побережье Крыма, на самом деле было «остатками» диалекта южной Италии. В докладах, написанных во время полевых работ в 1930-х годах, Шишмарёв описывал диалект апулийской общины Керчи, смешанный с русским языком.

Обратимся теперь к венецианскому присутствию в Крыму, представление о котором крайне важно для понимания особых отношений между регионом Венето (Венеция) и Крымом на современном этапе.

Наследники древней цивилизации — венецианцы — были великими путешественниками. Светлейшая Республика Венеция, времена которой охватывают 1100 лет (697–1797), как известно, достигла весьма высокого уровня развития и благосостояния. При этом венецианцами двигал не только неукротимый дух приключений, но и многовековая традиция торговли, связанная с желанием поднять уровень жизни, обогащая ее красивыми вещами. Для венецианцев Черное море и Крым были не столько «придатком Средиземноморья», сколько «морским мостом в Азию», через который пролегли торговые пути.

В самом деле, еще до XIV столетия венецианцы посещали Тану, расположенную в устье реки Дон в Азовском море. Венецианцы восстановили этот город и обеспечили его развитие. Крым, благодаря своему географическому положению, также всегда играл важную роль в деятельности венецианских торговцев к востоку от Черного моря.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что нынешние усилия, предпринимаемые регионом Венето в поддержку Крыма, являются своего рода «возвращением к прошлому», точнее — к той земле, где когда-то широко присутствовали предки жителей этого итальянского региона.

К сожалению, правительство Италии продолжает поддерживать режим санкций против России, введенных Европейским союзом и США, которые относятся к Италии как к колонии. Италия уже потеряла порядка 7 млрд евро из-за безрассудной политики антироссийских санкций. В ситуации тяжелого экономического кризиса (который поразил Италию в последние годы) санкции против Москвы стали для итальянской экономики фактически самоубийством.

18 мая 2016 г. Совет региона Венето первым в Европейском союзе официально признал Крым частью России [Consiglio regionale...]. Соответствующая резолюция была принята вопреки позиции ЕС и Запада в целом. Между тем Евросоюз считал и продолжает считать крымский референдум незаконным и вводит все новые санкции против России. Со стороны Венето нужна была большая смелость, чтобы принять альтернативное решение. Инициатором этого акта стал депутат Совета региона Венето Стефано Вальдегамбери.

Принятая Советом региона Венето резолюция обязывала председателя Совета Роберто Чамбетти обратиться к правительству и национальному парламенту Италии, а также к брюссельским инстанциям с предложением заново рассмотреть отношения Европейского союза с Российской Федерацией и последствия антироссийских санкций, которые не только наносят ущерб экономике, но и отрицательно влияют на международную безопасность.

Несмотря на символический характер венецианской резолюции, она вызвала настоящую бурю. Сразу же последовала реакция посла Украины в Италии, который направил открытое письмо депутатам Совета Венето, выразив свое разочарование [Lettera aperta...]. В письме украинский посол предлагал региональным депутатам отказаться

от своей инициативы, что по сути являлось недопустимым вмешательством иностранного представительства в вопросы, связанные с политическим выбором Италии.

Об этом свидетельствовал и Риккардо Барбисан, заместитель главы партийной фракции «Лиги Севера» в Совете Венето: «В письме нас просили не проводить голосование. Мы восприняли это как попытку нас запугать, но она не имела желаемого эффекта... Если они совершают действия такого рода, это говорит об их уверенности в том, что у них есть влиятельные защитники. Но мы не сгибаемся. Мы уважаем принципы ООН, относящиеся к самоопределению народов. Мы считаем, что те, кто говорят по-русски, думают по-русски, едят по-русски, хотят расплачиваться рублем, могут свободно проводить референдум о том, какой международный статус им выбрать вместо того, чтобы оставаться в государстве, где их специфика не уважается. Это основополагающий принцип» [Santi No sanzioni...].

Возникает вопрос: каковы же причины принятия Советом Венето этой резолюции? По моему мнению, тут есть два определяющих фактора.

Безусловно, это решение связано с большими экономическими потерями из-за режима санкций в отношении России. Санкции обернулись настоящей катастрофой для экономики Венето, для экспорта в Россию, особенно в мебельном и агропродовольственном секторах.

Однако есть и другой фактор, который следует учитывать. Совет региона Венето занял такую позицию, потому что ему близко желание народа Крыма получить независимость от Украины. Венецианский народ тоже давно стремится к автономии или даже независимости от Итальянской Республики. 22 октября 2017 г. в Венето прошел референдум по вопросу об автономии. Результат оказался ошеломляющим, с очевидной победой тех, кто «за» более широкую автономию — 98% при явке 57,2% [См.: Referendum sull'autonomia...].

Причем в регионе Венето (7 провинций) на тот момент проживало 4 068 560 человек, имеющих право голоса, однако правительство Италии потребовало внести в списки около 330000 венецианцев, проживающих за границей, что увеличивало списочный состав избирателей на 8,11%. Для инициаторов референдума это стало очевидно неблагоприятным условием, учитывая низкую вероятность того, что проживающие за границей венецианцы смогут приехать в Венето для голосования. Тем не менее даже в этих обстоятельствах явка в регионе Венето заметно превысила кворум, требуемый для действительности референдума (50% + 1 человек)¹.

Для Венето эта победа автономистов имела очевидную историческую значимость. Выбранная дата голосования имела важный символический смысл: 22 октября 1866 г.

1 В отличие от Ломбардии, где в тот же день проводился аналогичный референдум и где явка не превысила 40%. — Прим. ред. [См.: Referendum sull'autonomia...]

Италия в результате спорного плебисцита аннексировала Венето (см. прим. ред.¹). В 2017 г., 151 год спустя, жители Венето громко заявили о своем желании вернуть себе автономию. И в настоящее время, благодаря тому, что в состав итальянского правительства входят представители партии «Лига» Маттео Сальвини, уже определяются параметры этой автономии.

Инициативы, реализуемые регионом Венето в отношении Крыма, не исчерпываются признанием полуострова частью России. 14-16 октября 2016 г. в Крыму побывала большая делегация, состоявшая из региональных советников от различных регионов Италии — Венето, Ломбардии, Лигурии, Тосканы и Эмилии-Романьи, — а также представителей итальянского бизнес-сообщества [Delegazione di consiglieri...]. Возглавили делегацию президент Совета Венето Р. Чамбетти и региональный депутат Венето С. Вальдегамбери.

Важнейший эффект признания Крыма частью России регионом Венето состоит в том, что этот факт послужил примером для других итальянских регионов. Вторым регионом страны, который последовал за Венето, не случайно стала Лигурия — область, территория которой некогда управлялась Генуэзской Республикой. Венеция и Генуя, имевшие в Средние века свои колонии на Крымском полуострове, ныне объединились в признании крымского референдума 2014 г.

По инициативе регионального лидера Лиги Севера Алессандро Пиана, региональный Совет Лигурии в Генуе 29 июня 2016 г. практически единогласно высказался против санкций в отношении России, и признал право Крыма на самоопределение [Approvata...]. (Принятая резолюция предполагала также создание «Комитета против санкций в отношении РФ, за признание права населения Крыма на самоопределение и в защиту традиционной продукции Лигурии» [ibid]. — Прим. ред.).

Эдоардо Рикси, советник по вопросам экономического развития и секретарь Лиги Севера в Лигурии, подчеркнул, что решение регионального Совета мотивировано не только стремлением добиться снятия санкций, наносящих ущерб лигурийским производителям, но и «историческими отношениями между Генуей и Крымом» [Santi Via sanzioni...].

Через несколько дней, 5 июля 2016 г., настала очередь Ломбардии. Региональный Совет в Милане также проголосовал за предложение Лиги Севера признать Крым частью России и требовать отмены антироссийских санкций [Bertolasi Una nuova...].

1 Передача Венеции возникшему в 1861 г. Итальянскому королевству была согласована европейскими державами в ходе дипломатической подготовки к австро-пруско-итальянской войне 1866 г., в секретном договоре (апрель 1866 г.) между бисмарковской Пруссией и Итальянским королевством при поддержке Франции, в качестве компенсации за участие Италии в военных действиях против Австрии. Плебисцит в Венеции 21-22 октября 1866 г. одобрил присоединение к Италии почти единогласно, но условия его проведения и убедительность официальных результатов критикуются рядом историков. — Прим. ред.

Следует отметить, что лидер Лиги (до 2018 г. — Лига Севера) М. Сальвини еще до того, как стать вице-премьером и министром внутренних дел Италии, не скрывал своих симпатий к России и Крыму. В июле 2018 г. в интервью *Washington Post* он заявил, что считает Крым частью России [См.: *Italy has done a lot... Matteo Salvini...*]. За этим предсказуемо последовала истерическая реакция Киева. Посла Италии вызвали в украинский МИД, чтобы выразить протест [Коментар МЗС України...]. Ранее, в октябре 2014 г., когда М. Сальвини был только лидером партии Лига Севера, он к неудовольствию Киева посетил Крым. Более того, Сальвини квалифицировал демонстрации, которые в начале 2014 г. привели к смене власти на Украине, как «фальшивую революцию»¹.

25 октября 2018 г. в знаменитом Ливадийском дворце в Ялте к созданной за год до этого международной ассоциации «Друзья Крыма» присоединилось 36 стран. На встрече, в частности, присутствовали представители Италии, Армении, Австрии, Болгарии, Китая, Германии, Греции, Израиля, Японии, Норвегии, Словакии, Туниса и Турции. Президентом Ассоциации был избран словацкий политик Ян Чарногурский (премьер-министр Словацкой Федеративной Республики с мая 1991 г. по июнь 1992 г., до распада Чехословакии). В числе присоединившихся к ассоциации «Друзья Крыма» со стороны Италии находился региональный депутат Венето С. Вальдегамбери [Бывший премьер-министр...].

Партнером ассоциации «Друзья Крыма» будет ассоциация «Венето — Россия». Цель таких ассоциаций в настоящее время состоит в содействии деятельности СМИ и других структур, направленной на информирование общественности о серьезных нарушениях основных прав человека по отношению к крымскому народу, вызванных жесткими санкциями, введенными США и Европейским союзом.

Не только делегации политических деятелей, но и предприниматели Венето неоднократно посещали и продолжают посещать Крым. В ходе одного из таких визитов по случаю участия в VIII международном аграрном форуме «АгроЭкспоКрым», состоявшемся в Ялте 15–17 февраля 2018 г., президент ассоциации «Венето — Россия» Пальмарино Дзюккателли подписал меморандум о сотрудничестве с генеральным директором выставочной компании «ЭкспоКрым» Сергеем Семерецким [Bertolasi Veneto...].

По словам П. Дзюккателли, «в настоящее время приоритетным является адаптация как можно большего количества компаний Венето к социально-экономическим реалиям Крыма для того, чтобы они могли внести значимый в инновационно-технологическом плане вклад в проекты развития этой прекрасной земли». «В Венето, — отметил он, — мы ощущаем крайне негативный эффект введенных США и ЕС антироссийских

1 В интервью газете «Вашингтон пост» М. Сальвини не согласился с корреспондентом, назвавшим крымский референдум фальшивым. «Был референдум, и 90 процентов людей проголосовали за возвращение Крыма в состав Российской Федерации, — сказал он... Сравните это с фальшивой революцией на Украине, которая была псевдореволюцией, финансируемой иностранными державами — подобно революциям Арабской весны. Существуют исторически русские зоны с русской культурой и традициями, которые на законных основаниях принадлежат Российской Федерации» [Matteo Salvini...]

санкций, которые нанесли большой ущерб многим нашим фирмам. Возможности Крыма открывают широкие перспективы для расширения и роста нашего бизнеса, чему мы, конечно, очень рады. ... И наш личный опыт показывает, что ситуация совершенно отличается от той, которую рисуют разные СМИ, подконтрольные НАТО и ЕС». На вопрос «Вы не боитесь санкций?» П. Дзокателли ответил: Нет! Есть те, кто угрожает, кто стремится к конфликту с Крымом и с Россией — мы, наоборот, предлагаем дружбу. Мы верим в сотрудничество и создаем рабочие места ... чего нам бояться? Своим примером мы хотим показать, что русским можно доверять» [Ibid].

Итальянское правительство также не забывает об итальянцах Крыма. В настоящее время их в Крыму насчитывается более 300 человек, большинство из которых проживают в Керчи, где в 2008 г. была основана Ассоциация «С.Е.Р.К.И.О.» (Comunità degli Emigrati in Regione di Krimea — Italiani di Origine / Сообщество эмигрантов в Крымском регионе — итальянского происхождения); председателем итальянской общины Крыма является историк Джулия Джаккетти-Бойко [Bertolasi La Giornata...].

После возвращения Крыма в состав России в официальном Указе от 21 апреля 2014 г. о мерах по реабилитации депортированных народов итальянцы, к сожалению, не упоминались [Указ Президента Российской Федерации от 21.04.2014...]. Однако по случаю встречи с С. Берлускони в Ялте в 2015 г. президент В. Путин своим указом обновил список реабилитированных народов, признав итальянскую общину Крыма в качестве депортированного меньшинства [Указ Президента Российской Федерации о мерах...].

В ознаменование трагедии депортации, 27 января 2019 г. в Керчи был отмечен «День памяти итальянских жертв репрессий и депортации». Итальянская община Крыма ежегодно отмечает эту дату с 2009 г. В 2019 г. в мемориальных мероприятиях в Керчи принял участие депутат парламента Италии Вито Коменчини от партии Лига, уже посещавший Крым, и в частности Керчь, в августе 2018 г.

В заключение хотел бы процитировать слова председателя Комиссии Совета Федерации РФ по информационной политике Алексея Пушкова о российско-итальянских отношениях: «Россия исторически поддерживает хорошие отношения с Италией и с ее политическим миром. Еще до того, как появилась “Лига Севера”, у нас уже были хорошие отношения с целым рядом итальянских политиков. Я встречался с Наполитано (бывший президент Италии) и со многими другими, были и остаются прекрасными отношения с Берлускони. Поэтому я не стал бы выделять Сальвини из ряда итальянских политиков, с которыми Россия поддерживает и готова поддерживать хорошие отношения... “Лига Севера” — одна из ведущих политических партий страны, и Сальвини, как мне кажется, завоевал уже довольно большой авторитет не только в самой Италии, но и за ее пределами. Он выглядит как политик нового типа, он обладает решительностью, не боится занимать позицию. Да, он навлекает на себя критику, его атакуют, это так, но это черта лидера. Он имеет и поддержку — и это тоже черта лидера»¹.

1 Интервью А. Пушкова Э. Бертолази (личный архив автора).

Литература

- Бывший премьер-министр Словакии возглавил совет ассоциации «Друзья Крыма» // РИА Новости. 26.10.2018. — URL: ria.ru/20181026/1531574174.html (дата обращения: 14.06.2019).
- Интервью А. Пушкова Э. Бертолази (личный архив автора).
- Коментар МЗС України у зв'язку з недружніми висловлюваннями Міністра внутрішніх справ Італії М.Сальвіні щодо України // Міністерство закордонних справ України. 20.07.2018. — URL: mfa.gov.ua/ua/press-center/news/66346-komentar-mzs-ukrajini-u-zvjazku-z-nedruzhnimi-vislovlyuvannyami-ministra-vnutrishnih-sprav-italiji-msalyvini-shhodo-ukrajini (date of access: 01.04.2019).
- Указ Президента Российской Федерации о мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 12.09.2015 г. N 458) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102349183 (дата обращения: 01.04.2019).
- Указ Президента Российской Федерации от 21.04.2014 г. № 268 О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития // Крым. История России. — URL: rusarchives.ru/dokumenty/ukaz-prezidenta-rossiyskoj-federacii-o-merah-po-reabilitacii-armyanskogo-bolgarskogo (дата обращения: 01.04.2019).
- Шушмарев В.Ф.* Романские поселения на юге России: Научное наследие. Л. 1975.
- Approvata all'unanimità la mozione della Lega Nord per l'istituzione in Liguria di una commissione contro le sanzioni // SawonaNews. 29.06.2016. — URL: savonanews.it/2016/06/29/leggi-notizia/argomenti/politica-2/articolo/approvata-allunanimita-la-mozione-della-lega-nord-per-listituzione-in-liguria-di-una-commissione.html (date of access: 01.04.2019).
- Bertolasi E.* La "Giornata del ricordo" a Kerch. 29 gennaio '42, la deportazione degli italiani di Crimea // Sputnik. 29.01.2019. — URL: it.sputniknews.com/opinioni/201901297181686-giornata-del-ricordo-deportazione-italiani-crimea/ (date of access: 01.04.2019).
- Bertolasi E.* Una nuova tappa verso la Russia. Anche la Lombardia riconosce la Crimea // Sputnik. 06.07.2016. — URL: it.sputniknews.com/italia/20160706/3052790/russia-lombardia-riconosce-crimea.html (date of access: 01.04.2019).
- Bertolasi E.* Veneto e Crimea sempre più vicine // Sputnik. 14.03.2018. — URL: it.sputniknews.com/opinioni/201803145770546-Veneto-Crimea-Italia-Russia-vicine/ (date of access: 01.04.2019).
- Consiglio regionale. Approvata risoluzione per riconoscimento diritto di autodeterminazione della Crimea // Consiglio regionale del Veneto. 18.05.2016. — URL: consiglioveneto.it/crvportal/pageContainer.jsp?n=80&p=80&c=5&e=88&t=1&idNotizia=30326 (date of access: 01.04.2019).
- Delegazione di consiglieri regionali e imprenditori italiani sfida sanzioni: è in Crimea // Sputnik. 14.10.2016. — URL: it.sputniknews.com/economia/201610143488214-Italia-business-cooperazione-Russia/ (date of access: 01.04.2019).
- Ferrari A., Pupulin E.* La Crimea, tra Russia Italia e Impero Ottomano. Venezia. 2017.
- Italy has done a lot — maybe too much' // The Washington Post. 19.07.2018. — URL: washingtonpost.com/outlook/italy-has-done-a-lot--maybe-too-much/2018/07/19/dc81a292-8acf-11e8-8aea-86e88ae760d8_story.html?noredirect=on (date of access: 01.04.2019).
- Lettera aperta dell'Ambasciatore ucraino in Italia // Sputnik. 20.05.2016. — URL: it.sputniknews.com

com/mondo/201605202721345-lettera-aperta-ambasciatore-ucraino-italia/ (date of access: 01.04.2019).

Matteo Salvini riconosce la Crimea come russa: irritazione di Kiev // La prima pagina. 22.07.2018. — URL: laprimapagina.it/2018/07/22/matteo-salvini-riconosce-la-crimea-come-russa-irritazione-di-kiev/ (date of access: 01.04.2019).

Referendum sull'autonomia del Lombardia // Regione del Lombardia. — URL: regione.lombardia.it/wps/portal/istituzionale/HP/istituzione/autonomia-della-lombardia/referendum-autonomia (date of access: 01.04.2019).

Santi T. No sanzioni, sì Crimea. Il voto veneto è solo l'inizio? // Sputnik. 20.05.2016. — URL: it.sputniknews.com/opinioni/201605202721672-veneto-voto-sanzioni-crimea/ (date of access: 01.04.2019).

Santi T. Via sanzioni alla Russia, anche la Liguria si fa sentire // Sputnik. 12.06.2016. — URL: it.sputniknews.com/italia/201606122876953-via-sanzioni-liguria-si-fa-sentire/ (date of access: 01.04.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-34-52
УДК 341; 342; 327; 93

Ульрике Райснер

Политические нарративы на тему Крыма в немецкоязычных СМИ

Аннотация. Политические нарративы немецкоязычных СМИ на тему Крыма были проанализированы с использованием разработанного автором метода фрактальной дескрипции. Дискурсивный анализ 720 публикаций, вышедших в пяти ведущих изданиях Германии, Швейцарии и Австрии в 2014 и 2019 гг., показал, что освещение проблемы Крыма отличалось непоследовательностью и слабым наполнением фактами. Многие принципиально важные вопросы даже не затрагивались. Попытки классифицировать события в Крыму, вписав их в широкие предметные области современной истории, политики, геостратегии, практически полностью отсутствуют и по сей день.

Ключевые слова: Крым, события 2014 г. в Крыму, политические нарративы, немецкоязычные СМИ, фрактальная декомпозиция, интерпретация политики России, санкции против России.

Причина успеха медийных пропагандистских систем кроется в том, что у многих людей недостает времени, решимости либо энергии вести постоянную борьбу, необходимую, чтобы избавиться от искусственно навязываемых представлений.

Ноам Хомский

1. Введение. Крым как нарратив в истории

Когда речь заходит о нарративах, нельзя обойтись без ссылок на исторический и общественно-политический контекст. Если говорить о политическом нарративе, возникшем в последние пять лет в связи с Крымским полуостровом, невозможно и непозволительно обойти вниманием нарративы, существовавшие ранее, и их исторический контекст. Таким образом, первым вопросом для исследователя должен стать следующий: *какие исторические отсылки использовала немецкоязычная пресса до 2014 г.?*

Ответ на этот вопрос столь же короток, сколь и прост. До 2014 г. немецкоязычная пресса опиралась в своих исторических отсылках на Крымскую войну 1853–1856 гг. и значение Крыма во Второй мировой войне — прежде всего, на Ялтинскую конференцию, задавшую курс на установление нового европейского порядка.

Сведения об авторе: РАЙСНЕР Ульрике (REISNER Ulrike) — преподаватель Центра менеджмента, Вена, Австрия, политический аналитик, u.reisner@gmx.at.

Крымская война 1853–1856 гг. считается первой войной *современного типа*, если не первой войной *индустриальной эпохи*. По мнению историков, осада Севастополя стала первым шагом к современной позиционной войне, а также первой крупномасштабной окопной войной. Согласно принятой в немецкоязычных исторических кругах точке зрения, Крымская война была в первую очередь состязанием техники, тыловой организации и промышленных потенциалов, в меньшей степени — военного искусства. Те, кто воевал в Севастополе, сражались в первой в истории битве материально-технических средств. Результатом технических преобразований стало огромное число жертв в этом конфликте. Люди погибали не только от голода, жажды, эпидемий и неправильной обработки ран, но и вследствие механизации и применения появившихся к тому времени систем вооружений.

В середине XIX в. изобретение телеграфа сделало возможным передачу новостей с театра военных действий на Черном море в европейские столицы всего за несколько часов. Посредством новых изобразительных средств, таких как литография и газетные иллюстрации, вести о военных событиях выходили без промедлений. Таким образом, с Крымской войной связывают и рождение современного способа освещения военных действий. Впервые фотография, все еще находившаяся в зачаточном состоянии, стала полезным источником информации как для военных, так и для общества.

В своем труде, посвященном отражению Крымской войны в визуальной культуре, Ульрих Келлер подвел принципиально новый фундамент под эту точку зрения, показав многогранность сплетений войны и информационной политики: *«Помимо графических газетных иллюстраций, новым, сенсационным изобразительным носителем данных о Крымской войне стала фотография. Последняя претендовала на способность описывать события более правдиво, чем перо и кисть, но в итоге оказалась средством, открывающим столь же бесконечный простор для манипуляций»* [Keller, p. 31].

Менее века спустя Крым снова оказался в центре геополитических интересов и медийного внимания: с 4 по 11 февраля 1945 г. главы трех государств — участников антигитлеровской коалиции — Франклин Рузвельт (США), Уинстон Черчилль (Великобритания) и Иосиф Сталин (СССР) — встретились в приморском курортном городе Ялта, чтобы обсудить раздел Германии, распределение сфер влияния в Европе после окончания Второй мировой войны и военные действия против Японии. Фото трех лидеров держав-победительниц *само по себе превратилось в нарратив о новом европейском порядке*.

Прошло почти ровно 70 лет, и Крым внезапно опять попал на первые полосы мировых СМИ. После его присоединения/сецессии/аннексии¹ в ходе крымского кризиса 2014 г. статус полуострова остается предметом споров. В то время как Россия, де-факто

1 Данная статья посвящена исключительно теме политического нарратива и не касается оценки событий 2014 г. с точки зрения международного права. Поэтому здесь приведены три наиболее часто употребляемых в СМИ термина в отношении изменения статуса Крыма. Далее в тексте будет использоваться нейтральное понятие «присоединение».

удерживающая контроль над Крымом с 2014 г., рассматривает полуостров в качестве двух субъектов РФ (Республика Крым и город федерального значения Севастополь), Украина и большая часть международного сообщества продолжают считать Крым автономной республикой в составе Украины.

2. Методология исследования

2.1. Концептуальные параметры. Для проведения эмпирической части исследования были определены следующие параметры:

а) из-за необходимости ограничить объем исследуемого материала, в выборку немецкоязычных СМИ были включены пять ведущих печатных изданий: Германия — «Цайт» (*Die Zeit*), «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung, FAZ*) и «Зюддойче цайтунг» (*Süddeutsche Zeitung, SZ*); Австрия — «Прессе» (*Die Presse*); немецкоязычная Швейцария — «Нойе цюрхер цайтунг» (*Neue Zürcher Zeitung, NZZ*).

б) был полностью изучен электронный архив данных печатных СМИ за 2014 г., а также за период с января по апрель 2019 г. Поиск проводился по ключевому слову «Крым». Детальному анализу подвергались заголовки и предисловия, но не полные тексты статей.

в) в разделе 3 представлены основные принципы метода фрактальной дескрипции (МФД). Эта модель была разработана автором специально для проведения анализа политического дискурса.

2.2. Операционализация. С методологической точки зрения, трудность заключается в операционализации. Для целей исследования были адаптированы теория дискурса, разработанная Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф [Laclau, Mouffe] на основе концепции дискурса Мишеля Фуко, а также соответствующее предложение по ее операционализации. Лакло и Муфф разделяют *знаки* на «элементы» и «моменты» в зависимости от их значения. Элементом называют обозначаемое, которому в различных дискурсах могут приписываться весьма разные значения. Согласно теории Лакло-Муфф, подобные *нарративные элементы* способны временно складываться в определенного вида дискурсы и, таким образом, преобразовываться в *нарративные моменты*. Следовательно, дискурс представляет собой попытку зафиксировать определенный смысл нарративных элементов и преобразовать их в нарративные моменты. В общественных процессах дискурсы выполняют задачу формирования, изменения или консолидации идентичности субъекта и других общественных структур. Скопление нарративных моментов в дискурсе (*узловые точки*) способствует консенсусному конструированию смысла и общих идей участников дискурса. *Нарративные узловые точки* выполняют функцию построения сообщества и, как следствие, делают возможным его ограждение от отличных от него элементов.

Для эмпирического анализа были определены следующие величины: независимая переменная — Крым; зависимая переменная — медийное освещение. Были поставлены три вопроса: какие нарративные элементы преобразуются в нарративные моменты в репортажах СМИ по крымской теме; есть ли узловые точки в типовых сценариях опи-

сания событий; меняется ли массмедийный дискурс в сторону появления новых нарративных элементов или моментов и формируют ли они новые/различающиеся модели (паттерны)?

2.3 Самоподобие, нарративы и воображаемые порядки. В процессе дискурсивного анализа использовался теоретический *принцип самоподобия*, способного становиться эффективным механизмом передачи информации. Согласно теории Ричарда Докинза, изложенной в 1976 г. в книге «Эгоистичный ген» («The Selfish Gene») [Dawkins], *мем* (от греч. *mimema* — подобие) можно описать как *единицу культурно значимой информации, распространяемой путем имитации*. К мемам применимы основные положения эволюционной теории Дарвина: повторяющееся копирование информации — *репликация*, вероятность видоизменений (*мутация*), *отбор* определенных вариантов в ущерб другим. Если Докинз прав, то *мемы* (а среди них и рассказы, анекдоты, мифы, религии, теории, языки, ключевые слова, правовые системы и пр.) преследуют собственные эгоистичные цели и по мере возможности размножаются.

Вирусные мемы содержат в себе команды к копированию, которые имеют разную степень эффективности. Некоторые связанные с репликацией угрозы или перспективы превалируют над другими (становятся *вирусными*). При этом все мемы конкурируют в борьбе за внимание человека, ограничителями для которого служат его опыт и скептицизм [Blackmore]. Как и в случае других репликаторов, мемы, выделяющиеся из общей массы высокой способностью к размножению, точности воспроизведения и долговечности, чувствуют себя более уверенно. Именно эти мемы производят наибольшее число точных и долговечных копий самих себя.

Подобные нарративные модели представляют собой основные компоненты того, что Юваль Ной Харари именует *существующим воображаемым порядком* [Harari]. *Воображаемый порядок* — это то, что день за днем посредством нарративов, искусства, языка, пропаганды, архитектуры, моды и многого другого практически неразрывно ассоциируется в умах людей с реальным миром.

3. Метод фрактальной дескрипции (МФД)

«Фрактал — это фигура, состоящая из частей, в некоторой степени повторяющих целое».

Бенуа Мандрельброт

3.1. Исходные положения. В данном исследовании тема Крыма как политического нарратива была подвергнута фрактальному анализу. Метод фрактальной дескрипции (МФД) и его внедрение в анализ политического дискурса разрабатывались автором в течение трех лет в сотрудничестве с Гельмутом Деттером, бывшим преподавателем Венского технического университета, специалистом по микросистемной технике, которому принадлежала первоначальная идея.

Считается, что сложные сетевые системы — а именно они характерны для сферы политических структур и процессов, следует рассматривать на основе методов холистического (целостного) подхода. Предполагается, что такой подход позволяет уловить все аспекты контекста в их целостности и сформулировать выводы. Однако, как показывает практика, принятые модели мышления имеют тенденцию либо максимально упрощать сложные процессы и процедуры, либо расчленять их на отдельные части. Обычно это сводит многогранные проблемы к линейному, схематичному виду. Главную трудность при анализе политического дискурса создает множественность влияющих параметров (факторов), которые необходимо принять во внимание. Поскольку задача их учета слишком громоздка для классических методов мышления, целесообразно использование математических моделей. МФД открывает возможность мультидисциплинарного описания комплексных и гибридных политических проблем, поскольку этот метод позволяет учитывать растущее число параметров.

Использование МФД в анализе политического дискурса предполагает три этапа: 1) *кабинетное исследование* (базовой информации по теме); 2) *консультации с экспертами*; 3) *описание вопроса посредством фрактальной декомпозиции*.

Опыт применения МФД показал, что эффективным инструментом на третьем этапе является метод мозгового штурма, целью которого является отбор влияющих параметров (факторов). Влияющие параметры взвешиваются с точки зрения степени их воздействия для выделения трех важнейших из них. Исходя из этого, влияющие параметры пошагово вводятся во фрактальную модель. Данный метод позволяет описать ключевой вопрос, обусловленный тремя главными определяющими параметрами, выявленными на первом структурном уровне, и затем детализировать его на последующих уровнях (см. ниже рис. 1).

Влияющие параметры должны быть установлены с высокой степенью точности. Сокращение количества параметров до трех обусловлено тем, что в естественных науках *трипод* представляет собой стабильную конструкцию. Самоподобие фрактала делает возможным более детальное описание влияющих параметров.

Описание будет удачным лишь в том случае, если три основных влияющих параметра оптимальным образом коррелируют с вопросом. Как показала практика, фракталы могут быть достоверно продолжены на четвертом, пятом или даже шестом структурных уровнях, если три влияющих параметра первого уровня описывают вопрос с высокой точностью.

3.2. Отсылки к Лакло-Муфф и Докинзу

Метод фрактальной дескрипции доказал свою ценность для дискурсивного анализа, поскольку он легко совмещается с теорией дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. Чем больше фрактал фрагментируется на более низкие уровни (структурные уровни 4 — 6), тем ближе мы подходим тому, что может быть названо *нарративными элементами*.

На третьем структурном уровне нарративные элементы соединяются в *нарративные моменты*, на втором и первом — в *узловые точки*, которые, как отмечалось выше, способствуют конструированию консенсусных смыслов и общих представлений, характерных для политических нарративов (в данном случае) на тему Крыма.

Становится очевидной и связь с теорией Р. Докинза: самоподобие нарративных элементов на нижних структурных уровнях приводит к формированию вирусных мемов, продолжающих самовоспроизводиться по принципу самоподобия. Чем более похожи произведенные копии друг на друга, тем они долговечнее и успешнее.

3.3. Введение во фрактал «Крым»

В политических нарративах на тему Крыма важную роль играет медийное освещение проблемы. *Тип и масштабы медийного освещения в значительной мере определяют, какие нарративные элементы воспроизводятся и закрепляются, а какие нет.* Как показано ниже, применительно к Крыму некоторые элементы имеют гораздо больше шансов закрепиться, чем другие.

Как следует из всего вышесказанного, детальный анализ политического нарратива представляет собой весьма сложную объемную задачу. Поэтому описанный здесь фрактал представлен лишь до третьего структурного уровня включительно.

Разберем следующий пример с помощью рисунка 1.

В верхней части фрактала на уровне второго структурного круга (выделенного бледно-голубым цветом) можно увидеть термин «история» (исторические отсылки). Это *нарративная узловая точка*, выявленная в ходе дискурсивного анализа. Она состоит главным образом из трех *нарративных моментов*: отсылок к миропорядку, установленному после Второй мировой войны; к державным притязаниям России; к концепту Русского мира — в понимании немецкоязычных СМИ. Согласно их представлениям, Русский мир, будучи изначально культурным концептом, используется — в своей идеологизированной версии — для обоснования российского влияния на постсоветском пространстве. Идея Русского мира акцентирует внимание на социально связующей роли русского языка и литературы, русского православия и общей восточнославянской идентичности.

В ходе дискурсивного анализа удалось выявить (особенно для 2014 г.) ряд нарративных элементов, касающихся Русского мира, которые в силу самоподобия и частоты использования в заголовках немецкоязычных СМИ образовали нарративные моменты. Приведем три из многочисленных примеров такого рода:

- «Призыв к старшему брату» («Франкфуртер альгемайне цайтунг» 2/2014) [Schmidt]
- «Украинские демонстрации за русское отечество» («Нойе цюрхер цайтунг», 28 фев., 2014) [Wechlin]
- «Крым как целительный бальзам для русской души» («Прессе», 1 апр., 2014) [Havryliv]

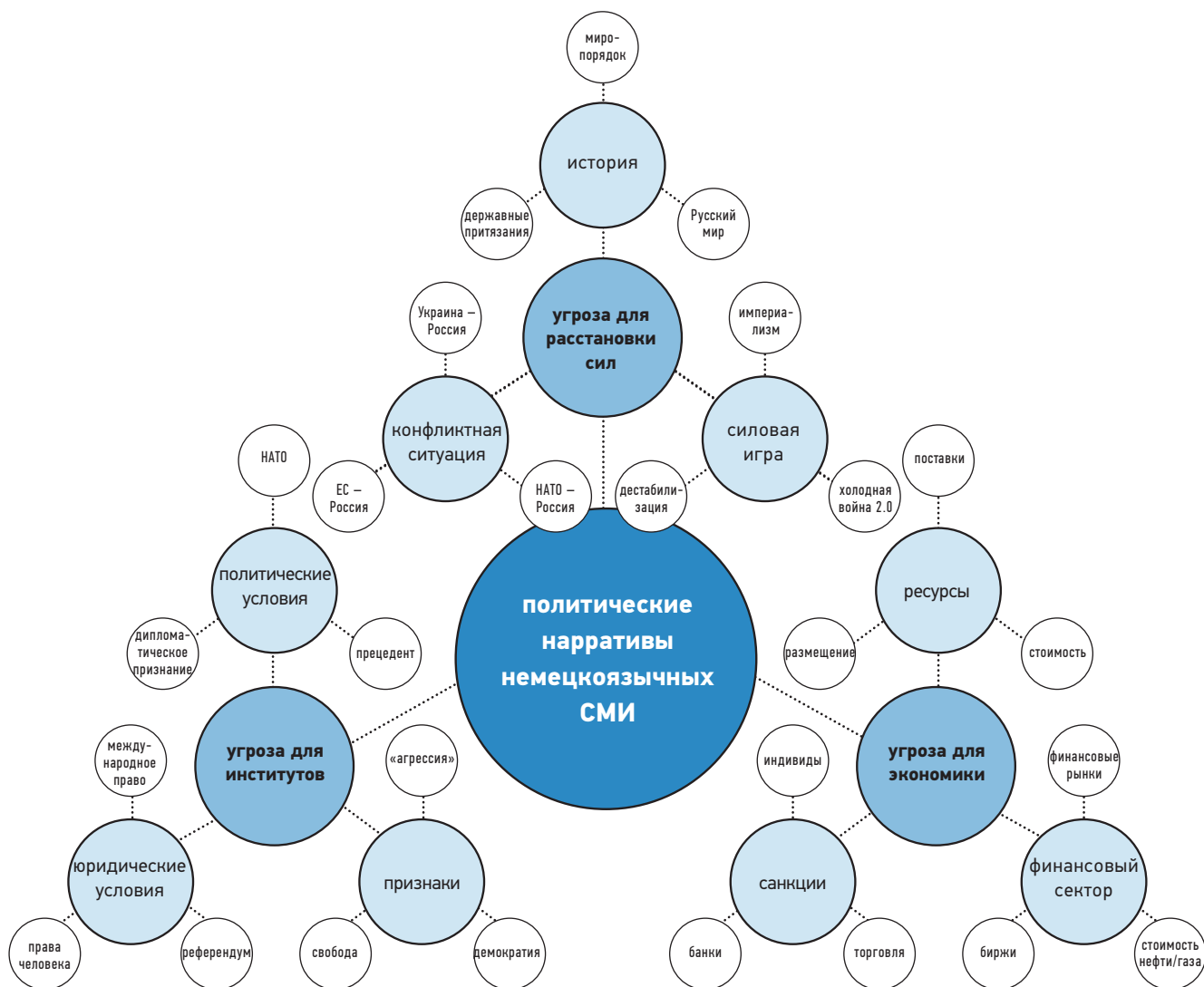

Рис. 1. Политический нарратив на тему Крыма в немецкоязычных СМИ, проанализированный по методу фрактальной дескрипции (уровни 1–3).

Эти и подобные слоганы, выявленные в заголовках рассматриваемых СМИ, были отнесены к самоподобным нарративным элементам более низких уровней, составляющим нарративный момент «Русский мир», который вместе с нарративными моментами «миропорядок после Второй мировой войны» и «российские державные притязания», в свою очередь, образует нарративную узловую точку «исторические отсылки».

3.4. Временные рамки и результативность. Количественные результаты поиска по ключевому слову «Крым» в выбранных СМИ за 2014 г. представлены в таблице 1¹.

¹ Сравнивая количество опубликованных материалов по Крыму в отдельных изданиях, необходимо учитывать, что «Цайт» выходит еженедельно, тогда как СМИ вроде «Зюддойче цайтунг» передают ещё и новостные сводки. В результате поиск по сайту «Зюддойче цайтунг» выдает гораздо большее число результатов, хотя часто речь идет о неоднократных обновлениях одного и того же заголовка.

Таблица 1

	Всего	Включены в анализ
«Прессе»	220	59
«Франкфуртер альгемайне цайтунг»	289	29
«Зюддойче цайтунг»	1535	333
«Цайт»	6	6
«Нойе цюрхер цайтунг»	669	52

На третьем структурном уровне было выявлено в общей сложности 27 нарративных моментов (таблица 2), которым соответствовали свои нарративные элементы более низких уровней. Эти 27 моментов представлены в левом столбце таблицы 2; в зависимости от их встречаемости в целом за 2014 г., они окрашены в различные градации цвета.

Особую важность имела детализация результатов поиска по месяцам. Она ясно показала, что наибольшее число (399) заголовков на крымскую тему появилось в марте 2014 г., после чего численность сообщений о Крыме резко сократилась¹.

На рисунке 1 представлен разработанный для данного дискурсивного анализа фрактал, фрагментированный до третьего структурного уровня.

В следующем разделе полученные результаты рассматриваются более детально.

4. Политические нарративы на тему Крыма в немецкоязычных СМИ: фрактальная декомпозиция

Ниже описываются три основные *нарративные узловые точки* дискурса о Крыме и их фрактальная декомпозиция (до третьего уровня, то есть до *нарративных моментов*)².

4.1. Угроза для расстановки сил. В этой тематической зоне результативность поиска оказалась весьма высокой — 239 заголовков. Примечательно, что в нарративной узловой точке «*угроза для расстановки сил*» моменты и элементы политического нарратива смешивались с экономическими моментами и элементами. Немецкоязычные СМИ, особенно в начале 2014 г., искали объяснение происходившим в Крыму событиям. Это объясняет концентрацию нарративных элементов и моментов *в сфере исторических отсылок*. В феврале и марте 2014 г. появилось несколько комментариев, в которых использовались нарративные элементы, связанные с понятием «Русский мир»,

1 Необходимо отметить, что в некоторых случаях в одном и том же заголовке содержатся различные нарративные элементы, а также что некоторые нарративные элементы можно отнести к нескольким нарративным моментам. Поэтому итоговое количество выявленных элементов (617) превосходит число отобранных для анализа заголовков (479).

2 Фрактальная дескрипция проводилась с учетом результатов предварительно проведенного кабинетного исследования проблематики и сопутствующих консультаций с экспертами.

Таблица 2

Результаты поиска по ключевому слову «Крым» и 27 нарративным моментам

2014	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сен.	Окт.	Ноя.	Дек.	Всего
миропорядок	0	1	12	1	1	1	3	0	1	0	0	1	21
державные притязания	0	3	16	3	1	2	2	0	1	0	1	2	31
Русский мир	0	1	21	3	1	1	0	2	0	0	0	1	30
Украина – Россия	0	5	24	3	3	2	3	4	2	0	1	0	47
ЕС – Россия	0	2	20	4	1	0	2	0	2	2	0	1	34
НАТО – Россия	0	2	15	2	0	0	0	0	0	1	0	0	20
империализм	0	1	3	0	2	0	2	2	1	0	0	0	11
дестабилизация	0	5	16	0	0	0	1	0	0	2	0	1	25
холодная война 2.0	0	0	11	1	1	2	1	0	0	1	0	3	20
НАТО	0	0	15	2	1	1	0	0	2	2	2	2	27
дипломатическое признание	0	0	12	1	1	0	0	0	0	0	0	0	14
прецедент	0	0	9	0	1	0	0	0	2	0	0	0	12
международное право	0	0	17	1	1	0	0	0	0	0	0	0	19
права человека	0	3	9	1	1	0	0	0	0	0	0	0	14
референдум	0	1	15	1	0	0	0	0	1	0	0	0	18
агрессия	0	5	27	4	0	0	0	0	1	0	0	1	38
свобода	0	2	10	1	0	1	0	0	2	0	0	0	16
демократия	0	3	12	2	0	1	0	0	1	0	0	0	19
поставки	0	0	6	0	1	2	0	0	0	2	0	1	12
замещение	0	0	7	0	1	2	0	0	0	2	1	0	13
цена	0	0	2	0	0	0	0	2	0	2	1	0	7
индивидуумы	0	0	19	1	1	0	1	3	2	0	0	0	27
банки	0	0	26	2	1	0	1	3	2	0	2	1	38
торговля	0	0	26	1	1	0	1	3	2	1	2	2	39
финансовые рынки	0	0	11	0	1	1	0	0	0	0	2	2	17
биржи	0	0	21	2	1	1	0	0	0	0	0	1	26
цена нефти/газа	0	0	17	1	1	1	0	0	0	1	1	0	22
Всего	0	34	399	37	23	18	17	19	22	16	13	19	617

0–14

15–29

30–44

45–60

однако преобладали статьи с информацией по истории Крыма. В этом плане необходимо отметить два события, оказавших серьезное влияние на медийное освещение крымской темы в немецкоязычных СМИ весной 2014 г.: во-первых, приближавшееся 100-летие начала Первой мировой войны и, во-вторых, российский День Победы 9 мая 2014 г. Оба эти события усилили исторические нарративные моменты в медийном дискурсе.

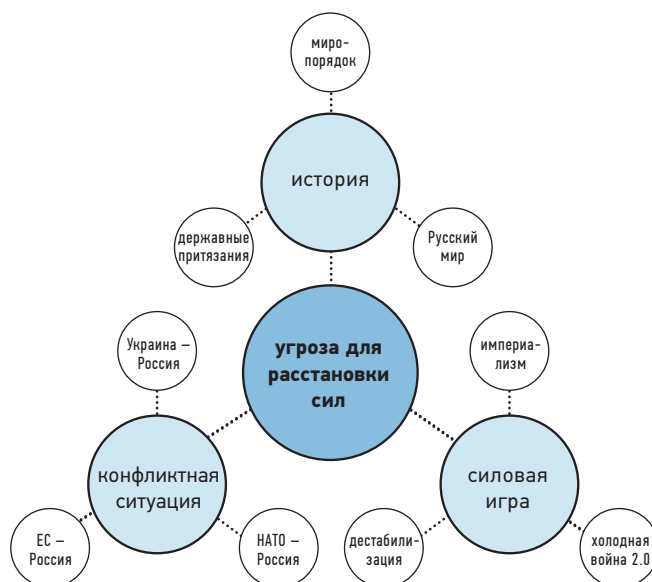

Рис. 2. Фрактальная декомпозиция влияющего параметра «угроза для расстановки сил» (уровни 2–3)

Что касается нарративной узловой точки «конфликтная ситуация», здесь по мере роста внимания СМИ к конфликту в Донбассе усиливался нарративный момент «Украина-Россия». При этом весной 2014 г. единой политической позиции по проблеме Крыма не наблюдалось — как должно было бы быть и сегодня[Umland].

Следует подчеркнуть, что уже в марте 2014 г. имелись очевидные расхождения между общественным восприятием крымских событий и их медийным представлением. Немецкоязычные СМИ все больше говорили — особенно после референдума — о российских великодержавных притязаниях, дестабилизации и новой форме холодной войны. Однако одновременно с этим публиковались результаты опросов общественного мнения, из которых явствовало, что большинство населения Германии выступает за признание присоединения Крыма к РФ как свершившегося политического факта, за ведение переговоров с Россией по линии дипломатии и, по возможности, за отказ от введения санкций [Koalition... Graça Peters, Jauch].

Таблица 3

Примеры заголовков (в переводе с немецкого)

Мотив	Заголовок	Источник
исторические отсылки		
миропорядок, установленный после Второй мировой войны	«Испытание для Запада» [Hildebrandt, Thumann, Ulrich]	«Цайт», 11/2014
притязания на мировое господство	«Геополитическая игра В. Путина» [Reiter]	«Прессе», 25 марта 2014
Русский мир	«Призыв к старшему брату» [Schmidt]	«Франкфуртер альгемайне цайтунг», 2/2014
конфликтная ситуация		
Украина–Россия	«Давление Путина на Украину колоссально» [Kornelius]	«Зюддойче цайтунг», 16 апреля 2014
ЕС–Россия	«Лицемерный ЕС» [Dieter]	«Нойе цюрхер цайтунг», 11 марта, 2014
НАТО–Россия	«Обама хочет осадить Москву» [Obama...]	«Нойе цюрхер цайтунг», 18 марта 2014
игра силой		
империализм	«Путин демонстративно проводит празднование в Крыму» [Putin lässt...]	«Зюддойче цайтунг», 9 мая 2014
дестабилизация	«Война нервов за Крым» [Nervenkrieg...]	«Нойе цюрхер цайтунг», 3 марта, 2014
холодная война 2.0	«Холодная война вернулась» [Hannes]	«Прессе», 14 марта 2014

4.2. Угроза для институтов. В этой области общий результат составляет 177 заголовков.

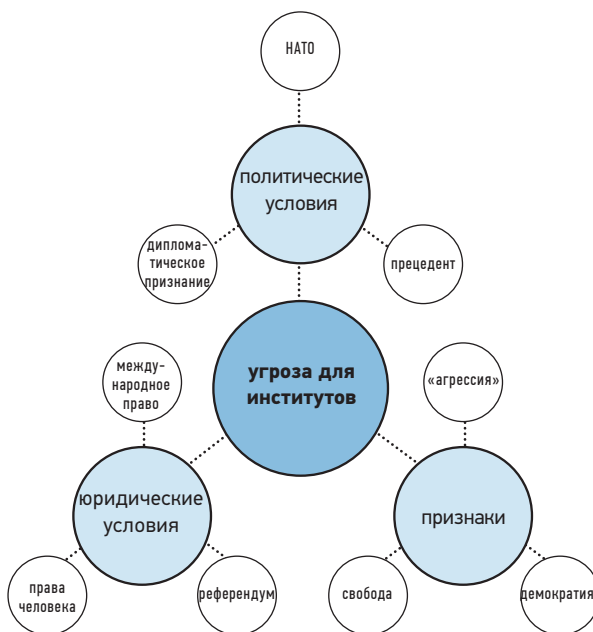

Рис. 3. Фрактальная декомпозиция влияющего параметра «угроза для институтов» (уровни 2–3)

Интересно, что на начальном этапе весны 2014 г., нарративный момент НАТО играл подчиненную роль в сообщениях о крымских событиях. Это можно объяснить тем, что 28 марта 2014 г. новым генеральным секретарем Альянса был назначен Йенс Столтенберг и вокруг этого события образовался своего рода информационный вакуум. События в Крыму и на Востоке Украине произошли на фоне жарких дебатов о стратегическом позиционировании НАТО, и поэтому СМИ с энтузиазмом восприняли эти события как повод вновь подтвердить значимость НАТО («Глава НАТО Столтенберг назвал крымский кризис сигналом к пробуждению», SZ, 19 марта 2014 г.).

Что касается крымских событий как возможного политического *прецедента*, то обнаружили лишь отдельные упоминания такого характера в связи с предстоящим референдумом о независимости Шотландии, назначенным на сентябрь 2014 г. Однако ведущие немецкоязычные СМИ предпочитали поменьше затрагивать эту тему.

Таблица 4

Примеры заголовков (в переводе с немецкого)

Мотив	Заголовок	Источник
политические аспекты		
НАТО	«США хотят усилить присутствие НАТО в Восточной Европе» [USA wollen...]	«Зюддойче цайтунг», 27 марта 2014
дипломатическое признание	«Генеральная ассамблея ООН осуждает аннексию» [UN-Vollversammlung...]	«Франкфуртер альгемайне цайтунг», 27 марта 2014
прецедент	«Ящик Пандоры» [Büchse...]	«Зюддойче цайтунг», 23 марта 2014
правовые аспекты		
международное право	«Меркель: Россия нарушает международное право» [Merkel: Russland...]	«Франкфуртер альгемайне цайтунг», 3/2014
права человека	«Столкновения между русскими и татарами в Крыму» [Boy]	«Франкфуртер альгемайне цайтунг», 2/2014
референдум	«Отсутствие наблюдателей на выборах в Крыму» [Keine...]	«Нойе цюрхер цайтунг», 12 марта 2014
ценности		
агрессия	«Путин объявил о поощрениях для военных» [Putin kündigt...]	«Зюддойче цайтунг», 19 апреля 2014
свобода	«Крым перекрыт перед референдумом» [Die Krim...]	«Нойе цюрхер цайтунг», 13 марта 2014
демократия	«Крым принимает новую конституцию» [Krim gibt...]	«Зюддойче цайтунг», 11 апреля 2014

Долгое время немецкоязычные СМИ были крайне осторожны, затрагивая правовые аспекты крымской проблемы. Время от времени появлялись лишь нарративные элементы на тему исторических параллелей с Косово. Нарративные моменты, связанные с «международным правом», сложились после того, как Международный уголовный суд в ноябре 2016 г. опубликовал отчет о результатах предварительного расследова-

ния событий в Крыму и на востоке Украины. Нарративные элементы из этого отчета были явным образом заимствованы немецкоязычными СМИ [Untersuchungen...]. Число результатов, связанных с нарративным моментом «референдум», как ни странно, оказалось не выше среднего — СМИ были совершенно не уверены в том, как именно следует интерпретировать события марта 2014 г.

Очень сильно выраженным нарративным моментом, заметным уже с февраля 2014 г., стала «агрессия». Частота его появления была выше средней — в особенности в качестве антонима понятию «мир». Соответствующие ему нарративные элементы имели отношение не только к президенту РФ, российским военным или российскому народу, одобряющему внешнюю политику государства. СМИ также относили это к тем, кого они в обвинительном тоне называли «понимающими Россию», поскольку те не оценивали события в Крыму исключительно в негативном ключе. Любопытно, что в 2014 г. в немецкоязычных СМИ встречались также попытки представить сближение США и Кубы в качестве демократической ненасильственной альтернативы присоединению Крыма Россией.

4.3. Угроза для экономики. В этой области поиск дал 201 результат. Вероятно, самыми спорными в массмедийном дискурсе оказались вопросы экономической стабильности, а также поставок российской сырой нефти и природного газа. Первые статьи, в которых рассматривался поиск замены российским энергоресурсам, стали появляться уже в феврале—марте 2014 г. Первоначально тема санкций освещалась с предельной осторожностью. Прежде всего, публиковались статьи, в которых выражалась обеспокоенность или подчеркивалось, что большинство немцев настроено против экономических санкций. Ситуация начала понемногу меняться только с момента фактического введения санкций против России Соединенными Штатами. Тем не менее тема санкций

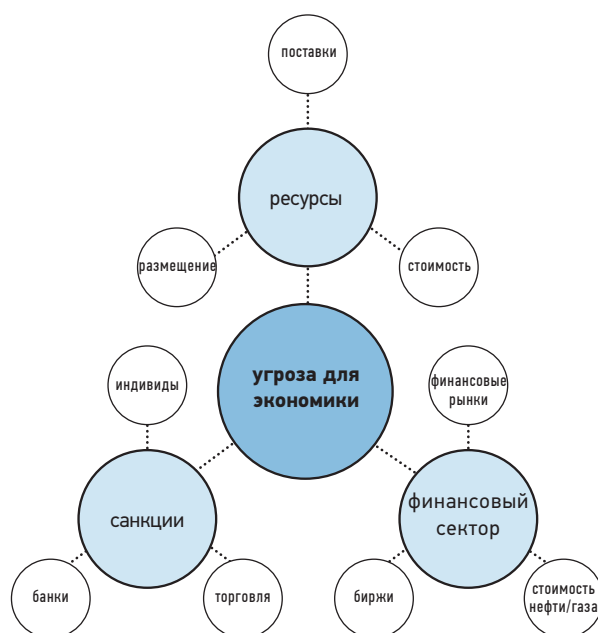

Рис. 4. Фрактальная декомпозиция параметра «угроза экономике» (уровни 2–3)

до сих пор рассматривается немецкоязычными СМИ в критическом ключе. Объясняется это тем, что санкции ударили (и продолжают ударять) по множеству компаний Германии и Австрии. Ведущие СМИ не могут игнорировать этот факт.

Как уже говорилось, в нарративном моменте «политический порядок» смешаны элементы политического и экономического нарратива. Неудивительно, что в феврале 2014 г. чаще обычного встречались статьи о состоянии фондовых бирж, биржевых курсах, стоимости российских государственных ценных бумаг и ценах на сырую нефть. По материалам СМИ создавалось впечатление, что европейские элиты больше озабочены дестабилизацией экономического, нежели политического миропорядка.

В начале лета 2014 г., когда стало очевидно, что конфликт на Востоке Украины не удастся быстро урегулировать, нарративная узловая точка «угроза для экономики» стала пополняться новыми нарративными элементами. Немецкоязычные СМИ обратились к пагубному влиянию крымского кризиса на российскую экономику. Во второй половине 2014 г. увеличилось количество статей на тему экономического кризиса в России. В результате возник нарратив о том, что продолжающийся экономический кризис в России повлек за собой внутренний политический кризис, бороться с которым президент Российской Федерации намерен с помощью все более агрессивной внешней политики и экспансии. В последующие годы этот нарратив только нарастал.

Таблица 5

Примеры заголовков (в переводе с немецкого)

Мотив	Заголовок	Источник
ресурсы		
поставки	«Энергетика — ахиллесова пята обеих сторон» [Die Energie...]	«Нойе цюрхер цайтунг», 20 марта 2014
замещение	«Германия рассматривает возможность добычи сланцевого газа» [Energie...]	«Прессе», 30 марта 2014
цена	«Растут ли цены на газ в Австрии?» [Ukraine: Steigen...]	«Прессе», 4 марта 2014
санкции		
индивидуальные	«Америка вводит дополнительные санкции против приближенных Путина» [Amerika weitet...]	«Нойе цюрхер цайтунг», 18 марта 2014
банки	«Россия закрывает четыре банка в Крыму» [Russland schließt...]	«Зюддойче цайтунг», 21 апреля 2014
торговля	«Компании готовятся к реваншу Москвы» [Sanktionen: Firmen...]	«Прессе», 19 марта 2014
финансы		
финансовые рынки	«Атака на банки» [Höller]	«Прессе», 4 марта 2014
ценные бумаги	«Москва “выжимает” Wall Street» [Moskau...]	«Нойе цюрхер цайтунг», 4 марта 2014
цены на нефть/газ	«G7 хочет ослабить газовое оружие России» [G7-Staaten...]	«Зюддойче цайтунг», 6 мая 2014

4.4. Оценка медийного освещения темы в 2019 г. Для периода с января до середины апреля 2019 г. поиск по ключевому слову «Крым» в пяти включенных в исследование ведущих СМИ выдал 241 результат: «Прессе» — 47, «Франкфуртер альгемайне цайтунг» — 59, «Зюддойче цайтунг» — 89, «Цайт» — 24 и «Нойе цюрхер цайтунг» — 28.

По случаю пятилетней годовщины присоединения Крыма к России во всех исследуемых изданиях появились статьи на эту тему. Вместе с тем были выявлены и другие связанные с Крымом темы, сопоставимо широко представленные в медийных заголовках: инцидент в Керченском проливе, продолжающиеся политические споры вокруг проекта газопровода «Северный поток — 2», 70-я годовщина создания НАТО, а также имевшие массовый резонанс события, вроде отказа Украины от участия в песенном конкурсе «Еurovision — 2019».

В 2019 г. обозреватели немецкоязычных СМИ рассматривают присоединение Крыма к России как событие, которое на протяжении последних пяти лет предопределяло российскую внутреннюю и внешнюю политику [Heller; Meister]. Особенно часто звучал уже упоминавшийся нарратив о том, что присоединение Крыма призвано служить «спасательным кругом» в ситуации кризиса легитимности российского руководства.

В целом же политические нарративы по крымской теме в 2019 г. группировались вокруг таких моментов, как «миропорядок после Второй мировой войны», «дестабилизация», «агрессия» и «холодная война 2.0». В экономическом плане немецкоязычные СМИ продолжали писать о санкциях и их влиянии как на европейскую, так и на российскую экономику.

5. Заключение

Итак, в рамках дискурсивного анализа политического нарратива на тему Крыма в немецкоязычных СМИ, были проанализированы 720 заголовков (479 в 2014 г. и 241 в 2019 г.) в пяти различных изданиях. Ниже представлены основные выводы:

а) В целом открывшаяся картина нарративов по крымской тематике является дифференцированной. В частности, наблюдалось, что в феврале и марте 2014 г. экономические нарративы, сосредоточенные на угрозе санкций и связанных с ними последствий для экономического и финансового мира, преобладали над политическими, в которых речь шла о распределении влияния или институциональных аспектах присоединения Крыма к Российской Федерации.

б) Только с лета 2014 г., в связи с конфликтом на Востоке Украины, сложился устойчивый, хотя и скудный, спектр политических нарративов. В рамках этих нарративов присоединение к России Крыма квалифицировалось как *агрессивное поведение России, вмешательство в политическое и военное устройство Восточной Европы, нарушение международного права и попытка властей сохранить легитимность в условиях продолжающегося экономического и внутривнутриполитического кризиса в России*. Те же нарративы были обнаружены в период с января по середину апреля 2019 г.

в) Примечательно, что в феврале-марте 2014 г. немецкоязычные радиоканалы не давали политических интерпретаций событий, происходивших в Крыму. Заявления, зву-

чавшие в правительственных кругах стран ЕС, были столь же скупы, как и официальные заявления со стороны НАТО. Конец этому этапу *красноречивого молчания* был положен только после официального объявления США о введении антироссийских санкций.

В целом освещение крымской темы ведущими немецкоязычными СМИ было весьма непоследовательным и демонстрировало примечательно слабое наполнение фактами. *Попытки классифицировать события в Крыму, вписав их в широкие предметные области современной истории, политики, геостратегии, практически полностью отсутствуют и по сей день.*

Тем более представляет интерес назвать, в качестве примера, некоторые из связанных с Крымом вопросов, которыми так и не задались немецкоязычные СМИ:

а) Почему первоначально не давалось никакой политической оценки присоединения Крыма к Российской Федерации?

б) Почему так мало говорилось о военно-стратегическом контексте проблемы, о таких факторах как значение региона для Черноморского флота Российской Федерации?

с) Почему не было показано значение Черного моря и пролива Босфор для газопроводных сетей и международных путей поставок сырьевых товаров? Почему не говорилось о том, чьи интересы — помимо интересов России и Украины — затрагивает данный регион?

д) Почему практически отсутствуют оценки того, какие политические, военные и экономические последствия имел бы продолжительный и широкомасштабный кризис на Украине для всей Европы?

Есть все основания полагать, что эти и другие подобные вопросы хорошо известны не только правящим элитам Европейского союза, но и журналистам ведущих немецкоязычных СМИ.

Следовательно, непоследовательная картина связанных с Крымом политических нарративов является, по всей видимости, отражением процесса принятия решений европейскими правящими элитами, который соответствует модели «*мусорной корзины*» [См.: Cohen, March, Olsen; Garbage can model...]. Политические нарративы по теме Крыма являются результатом не рационального анализа, а скорее той или иной комбинации субъективных оценок, принятия желаемого за действительное, сиюминутных приоритетов и верности порядку, придуманному правящими элитами.

Представленный анализ может рассматриваться в качестве убедительного свидетельства того, что ориентированный на факты комплексный анализ крымских событий 2014 г. в немецкоязычных странах все еще далек от завершения.

Литература

Adomeit H.. Krim-Krise: Der Kalte Krieg ist zurückgekehrt // Die Presse. 14.03.2014. — URL: diepresse.com/home/meinung/gastkommentar/1575225/KrimKrise_Der-Kalte-Krieg-ist-zurueckgekehrt?from=suche.intern.portal (date of access: 04.02.2019).

- Amerika weitet Sanktionen auf «Kumpane» Putins aus // Neue Zürcher Zeitung. 18.03.2014. — URL: nzz.ch/suche?form%5Bq%5D=Amerika+weit+et+Sanktionen+auf+%C2%ABKumpane%C2%BB+Putins+aus (date of access: 04.02.2019).
- Analyse: Putin feiert demonstrativ auf der Krim // Süddeutsche Zeitung. 09.05.2014. — URL: sueddeutsche.de/politik/konflikte-analyse-putin-feiert-demonstrativ-auf-der-krim-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-140509-99-04246 (date of access: 04.02.2019).
- Blackmore S. Die Macht der Meme // Spektrum der Wissenschaft. 01.12.2000. — URL: spektrum.de/magazin/die-macht-der-meme/827031 (date of access: 04.02.2019).
- Boy A.-D. Gewalt zwischen Russen und Tataren auf der Krim // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 26.02.2014. — URL: faz.net/aktuell/politik/ausland/ukraine-gewalt-zwischen-russen-und-tataren-auf-der-krim-12821834.html (date of access: 04.02.2019).
- „Büchse der Pandora“ — Krise wirkt auf andere Gebietskonflikte // Süddeutsche Zeitung. 23.03.2014. — URL: sueddeutsche.de/politik/konflikte-buechse-der-pandora-krise-wirkt-auf-andere-gebietskonflikte-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-140323-99-04534 (date of access: 04.02.2019).
- Cohen M.D., March J.G., Olsen J.P. A garbage can model of organizational choice // Administrative Science Quarterly. 1972. Vol. 17. No. 1. Pp. 1-25.
- Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford. 2006.
- Dieter H. Die scheinheilige EU // Neue Zürcher Zeitung. 11.03.2014. — URL: nzz.ch/meinung/debatte/die-scheinheilige-eu-1.18260060 (date of access: 01.02.2019). Die Energie als Achillesferse auf beiden Seiten // Neue Zürcher Zeitung. 20.03.2014. — URL: zeitungsarchiv.nzz.ch/neue-zuercher-zeitung-vom-20-03-2014-seite-27.html?hint=8034286 (date of access: 01.02.2019).
- Energie: Deutschland erwägt Fracking // Die Presse. 30.03.2014. — URL: diepresse.com/1584049/energie-deutschland-erwagt-fracking (date of access: 01.02.2019).
- Feder J. Fractals. N.Y., L. 2013.
- G7-Staaten wollen „russische Energiewaffe entschärfen“ // Süddeutsche Zeitung. 06.05.2014. — URL: sueddeutsche.de/politik/krise-in-der-ukraine-g7-staaten-wollen-russische-energiewaffe-entschaerfen-1.1951674 (date of access: 01.02.2019).
- Garbage can model // Wikipedia. — URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/> (date of access: 04.02.2019).
- Graça Peters K. Umfragen zur Krim-Krise // Spiegel online. 20.03.2014. — URL: spiegel.de/politik/deutschland/umfragen-zur-krim-krise-deutsche-zweifeln-an-sanktions-strategie-a-959679.html (date of access: 04.02.2019).
- Harari Y.M. Sapiens: A Brief History of Humankind. N.Y. 2015.
- Havryliv T. Die Krim als Heilsalbe für die russische Seele // Die Presse. 01.04.2014. — URL: diepresse.com/home/meinung/gastkommentar/1585211/Die-Krim-als-Heilsalbe-fuer-die-russische-Seele (date of access: 15.02.2019).
- Heller R. Fünf Jahre nach der Krim-Annexion: Russland schaltet auf Autopilot // Russland-Analysen. 2019. Nr. 369. P. 4-5. — URL: laender-analysen.de/russland/pdf/RusslandAnalysen369.pdf (date of access: 04.02.2019).
- Hildebrandt T., Thumann M., Ulrich B. Test the West // Die Zeit. 06.03.2014. — URL: zeit.de/2014/11/russland-putin-strategie (date of access: 04.02.2019).
- Höller Ch. Ukraine: Ansturm auf die Banken // Die Presse. 04.03.2014. — URL: diepresse.com/home/wirtschaft/international/1570015/Ukraine_Ansturm-auf-die-Banken (date of access: 01.02.2019).

- Jauch G.* Die Deutschen und die russische Außenpolitik // Infratest dimap. — URL: infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/umfragen/aktuell/die-deutschen-und-die-russische-aussenpolitik/ (date of access: 04.02.2019).
- Keine Wahlbeobachter auf der Krim // Zeitung vom. 12.03.2014. — URL: zeitungsarchiv.nzz.ch/neue-zuercher-zeitung-vom-12-03-2014-seite-2.html?hint=8033601 (date of access: 04.02.2019).
- Keller U.* The Ultimate Spectacle: A Visual History of the Crimean War. N.Y., London. 2002.
- Koalition überzeugt Wähler in der Krimkrise // Zeiot online. 12.03.2014. — URL: zeit.de/politik/deutschland/2014-03/umfrage-koalition-krim (date of access: 04.02.2019).
- Kornelius S.* Putins Druck auf die Ukraine ist übermächtig // Süddeutsche Zeitung. 16.04.2014. — URL: sueddeutsche.de/politik/moskau-als-choreograf-der-krise-putins-druck-auf-die-ukraine-ist-uebermaechtig-1.1937957 (date of access: 04.02.2019).
- Die Krim schottet sich ab // Neue Zürcher Zeitung. 13.03.2014. — URL: nzz.ch/die-krim-schottet-sich-ab-1.18261690 (date of access: 04.02.2019).
- Krim gibt sich neue Verfassung // Süddeutsche Zeitung. 11.04.2014. — URL: sueddeutsche.de/politik/konflikte-krim-gibt-sich-neue-verfassung-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-140411-99-04122 (date of access: 01.02.2019).
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy. London. 1985.
- Maag G., Pyta W., Windisch M.* [Hrsg.]: Der Krimkrieg als erster europäischer Medienkrieg. Berlin. 2010.
- Meister S.* Fünf Jahre Krimkrise — Auswirkungen auf die russische Innenpolitik // Russland-Analysen. 2019. Nr. 369. P. 10-11. — URL: laender-analysen.de/russland/pdf/RusslandAnalysen369.pdf (date of access: 04.02.2019).
- Merkel: Russland verstößt gegen das Völkerrecht // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 02.03.2014. — URL: faz.net/aktuell/politik/ausland/krim-krise-merkel-russland-verstoest-gegen-das-voelkerrecht-12828888.html (date of access: 04.02.2019).
- Moskau drückt die Wall Street // Neue Zürcher Zeitung. 04.03.2014. — URL: zeitungsarchiv.nzz.ch/neue-zuercher-zeitung-vom-04-03-2014-seite-35.html?hint=8034278 (date of access: 04.02.2019).
- Nervenkrieg um die Krim // Neue Zürcher Zeitung. 03.03.2014. — URL: nzz.ch/nervenkrieg-um-die-krim-1.18254677?reduced=true (date of access: 04.02.2019).
- Obama will Moskau brüskieren // Neue Zürcher Zeitung. 18.03.2014. — URL: nzz.ch/obama-will-moskau-brueskieren-1.18265726 (date of access: 04.02.2019).
- Putin kündigt nach Krim-Anschluss Prämien für Soldaten an // Süddeutsche Zeitung. 19.04.2014. — URL: sueddeutsche.de/politik/konflikte-putin-laesst-sich-auf-der-krim-feiern-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-140509-99-00838 (date of access: 01.02.2019).
- Putin lässt sich auf der Krim feiern // Süddeutsche Zeitung. 12.09.2014. — URL: sueddeutsche.de/politik/konflikte-putin-laesst-sich-auf-der-krim-feiern-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-140509-99-00838 (date of access: 01.02.2019).
- Reiter E.* Das geopolitische Spiel des Wladimir Putin // Die Presse. 25.03.2014. — URL: diepresse.com/home/meinung/gastkommentar/1579863/Das-geopolitische-Spiel-des-Wladimir-Putin (date of access: 04.02.2019).
- Russland schließt vier Banken auf der Krim // Süddeutsche Zeitung. 21.04.2014. — URL: sueddeutsche.de/politik/konflikte-russland-schliesst-vier-banken-auf-der-krim-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-140421-99-02104 (date of access: 01.02.2019).

- Sanktionen: Firmen rüsten sich gegen Moskaus Rache // Die Presse. 19.03.2014. — URL: diepresse.com/1577339/sanktionen-firmen-rusten-sich-gegen-moskaus-rache (date of access: 01.02.2019).
- Sanktionen gegen «Kumpane» Putins // Neue Zürcher Zeitung. 18.03.2014. — URL: nzz.ch/sanktionen-gegen-kumpane-putins-1.18264907?reduced=true (date of access: 01.02.2019).
- Schmidt F.* Ruf nach dem großen Bruder // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 20.02.2014. — URL: faz.net/suche/?query=%22Ruf+nach+dem+gro%C3%9Fen+Bruder%22&resultsPerPage=20 (date of access: 15.02.2019).
- Ukraine: Steigen die Gaspreise in Österreich? // Die Presse. 04.03.2019. — URL: diepresse.com/home/wirtschaft/economist/1570388/Ukraine_Steigen-die-Gaspreise-in-Oesterreich (date of access: 01.02.2019).
- Umland A.* Kremlin narratives on Crimea resurface in German election debate // European Council on Foreign Relations. 19.09.2017. — URL: ecfr.eu/article/commentary_kremlin_narratives_on_crimea_resurface_in_german_election_7225 (date of access: 04.02.2019).
- UN-Vollversammlung verurteilt Annexion der Krim // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 27.03.2014. — URL: faz.net/aktuell/politik/ausland/new-york-un-vollversammlung-verurteilt-annexion-der-krim-12867455.html (date of access: 04.02.2019).
- Untersuchungen des Internationalen Strafgerichtshofs zur Annexion der Krim // Bundeszentrale für politische Bildung. 24.11.2016. — URL: bpb.de/238002/dokumentation-untersuchungen-des-internationalen-straferichtshofs-zur-annexion-der-krim (date of access: 04.02.2019).
- USA wollen Nato-Präsenz in Osteuropa verstärken // Süddeutsche Zeitung. 27.03.2014. — URL: sueddeutsche.de/politik/konflikte-usa-wollen-nato-praesenz-in-osteuropa-verstaerken-dpa-urn-newsml-dpa-com-20090101-140327-99-00106 (date of access: 04.02.2019).
- Wechlin D.* Ukrainische Demonstrationen für das russische Vaterland // Neue Zürcher Zeitung. 28.02.2014. — URL: nzz.ch/ukrainische-demonstrationen-fuer-das-russische-vaterland-1.18252899 (date of access: 15.02.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-53-67
УДК 323; 329

Наталя Травкина, Владимир Васильев

Углубляющийся кризис политической системы США: причины, признаки, последствия

Аннотация. *Анализируются истоки и следствия углубляющегося кризиса американской политической системы. Важнейшим фоновым фактором стало неуклонное падение доверия американской общественности к политическим институтам США. Претерпел фундаментальные изменения механизм принятия в Вашингтоне основных реформаторских программ и иных начинаний, которые осуществляются исключительно на однопартийной основе. В свою очередь, это еще больше усиливает политическую поляризацию, когда торжествуют деструктивные «игры с нулевой суммой» и смысл пребывания одной партии у власти сводится к демонтажу наследия оппозиционной партии. Особенно ярко это проявилось при администрации Д. Трампа в 2017–2019 гг.*

Ключевые слова: *политическая система США, общественное доверие к власти, дуополия, поляризация, авторитаризм, импичмент, коллегия выборщиков, принятие решений.*

Доверие к власти

Фундаментальным фактором американской политической и общественной жизни последних 60 лет является неуклонное снижение доверия к деятельности американского государства и к американской политической системе, олицетворяемой политической столицей Америки — Вашингтоном. Согласно регулярным социологическим обследованиям, проводившимся в США начиная с конца 1950-х годов, на рубеже 1950–1960-х годов показатель доверия к государству и к политической системе в целом составлял 73%. (В 1964 г. степень общественного доверия достигла исторического максимума и поднялась до 77% по итогам президентских выборов 1964 г.) Однако спустя 10 лет под влиянием поражения в войне в Юго-Восточной Азии, гражданских беспорядков второй половины 1960-х годов и Уотергейтского скандала 1973–1974 гг., завершившегося позорной отставкой президента Р. Никсона в августе 1974 г., степень общественного доверия к Вашингтону упала более чем вдвое — до отметки 36% [Pew Research Center. Public Trust...].

Сведения об авторе: ТРАВКИНА Наталья Михайловна — руководитель Центра внутривнутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук, uspolitika@gmail.com.

ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.

К началу 1980-х годов общественное доверие к государству среди респондентов опустилось еще ниже — до 25%. Перелом в нисходящей тенденции произошел при президенте-республиканце Р. Рейгане. К середине 1980-х годов доверие американцев к политической системе возросло почти в два раза, достигнув 49% к 1985 г., и оставалось примерно на этом уровне и в 1987 г., когда оно составило 47% [Pew Research Center. Public Trust...].

С приходом к власти республиканской администрации Дж. Буша-ст. доверие к официальному Вашингтону вновь стало падать, а после войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. и экономического спада тех лет стремительно пошло вниз, опустившись к концу пребывания у власти Дж. Буша-ст. в январе 1993 г. до очередного минимума в 22%. Приход к власти президента-демократа У. Клинтона мало что изменил в тенденции «нащупывания дна» в доверии американской общественности к федеральному правительству. В 1994 и 1995 г. оно опустилось рекордно низко — до 17% и 18% соответственно. Однако с тех пор, как в экономике во второй половине 1990-х годов начался подъем, доверие к Вашингтону резко пошло вверх, достигнув к концу пребывания у власти администрации У. Клинтона вполне «приличной» отметки в 40%.

События 11 сентября 2001 г. кардинально изменили отношение американцев к федеральному правительству. Как отмечали американские социологи, «в начале октября 2001 г. 60% респондентов заявили, что они могут доверять государству, что примерно в два раза превышало показатель начала 2001 г.; этот показатель стал самой высокой степенью доверия к государству за предыдущие 40 лет. Но этот всплеск доверия к Вашингтону оказался недолговечным, уже к лету 2002 г. оно сократилось на 22%, опустившись до отметки в 38%. На фоне войны в Ираке и экономической неуверенности внутри США доверие к государству продолжало падать устойчивыми темпами и к июлю 2007 г. сократилось до очередного минимума в 24%» [Pew Research Center. Beyond Distrust...].

После финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. доверие американского общества к официальному Вашингтону в целом продолжало падать, а после избрания в 2016 г. президентом США Д. Трампа опустилось до исторических минимумов, составив в 2019 г. всего лишь 17% [Pew Research Center. Public Trust...].

Двухпартийная система США как дуополия: механизм политической дезинтеграции

Устойчивая историческая тенденция к падению доверия американской общественности и американских избирателей к государственным и политическим институтам США имела самое прямое отношение к конкурентному механизму функционирования американской политической системы, основанной на соперничестве двух основных политических партий — Демократической и Республиканской. Как подчеркнул американский политолог проф. Р. Ренка, «дуополия означает такую организацию политического рынка, которая характеризуется доминированием двух организаций, а не одной (монополией). Демократическая политика предполагает конкуренцию между, как минимум,

двумя жизнеспособными политическими партиями и их кандидатами за места в выборных государственных органах. Большая часть демократических стран имеет целый спектр политических партий, которые борются за места в национальных парламентах. Но Америка на всем протяжении своего исторического развития твердо придерживалась принципа дуополии, при которой только две основные исторически сформировавшиеся партии боролись за места в национальных легислатурах и имели серьезные шансы на победу на президентских выборах. Другие американские партии выполняют функцию «третьего лишнего» на выборах, без шансов победить, или выступают в роли генераторов новаторских идей. Это важные роли, но они не идут ни в какое сравнение с ролями третьих и четвертых партий в других демократических странах, которые действительно получают места в парламентах и являются важнейшей составной частью политической системы этих стран» [Renka].

Высокая степень доверия политически активных граждан к политическим институтам и основным партиям США, наблюдавшаяся во второй половине XX в., приводила к тому, что дуополярная конкуренция Республиканской и Демократической партий шла в рамках идейной и персональной конкуренции достаточно однородных «продуктов», которые с известной долей условности могут быть охарактеризованы как «либеральный консерватизм» против «консервативного либерализма». Эта разновидность дуополярной конкуренции может быть названа «ценовой», поскольку две политические партии и их основные кандидаты предлагали избирателям более или менее одинаковый «товар», но по разным «ценам»: «либеральный консерватизм» претендовал на более низкую цену присутствия Республиканской партии во властных структурах Вашингтона, в то время как «консервативный либерализм» являлся более дорогим продуктом для американских избирателей, главным образом по причине большего присутствия государства в политической и социально-экономической жизни американского общества.

«Ценовая» конкуренция в рамках дуополярной политической системы США была тесно связана с ценностной ориентацией избирателей Республиканской и Демократической партий. Так, согласно социологическим замерам второй половины 1990-х годов, 36% сторонников Республиканской партии разделяли многие взгляды и представления сторонников Демократической партии и поэтому могли считаться «либеральными консерваторами»; в то же время 30% сторонников Демократической партии были не чужды многие из консервативных идей, и поэтому их можно было отнести к «консервативным либералам»¹.

Ситуация драматическим образом изменилась в XXI в., особенно в последние примерно 10 лет. Падение доверия американской общественности к политическим и государственным институтам США, сопровождаемое растущей идеологической поляризацией американского общества, обернулось тем, что дуополярная конкуренция между Республиканской и Демократической партиями приняла форму «продуктовой». Партии стали предлагать своим сторонникам кардинально противоположные «продукты»,

1 Более подробно см.: [Травкина, с. 107–108].

объективно ставя их перед выбором «или — или». Как отмечали в своем исследовании известные американские аналитики К. Гейл и М. Портер, в современной «политической дуополии два конкурента соперничают друг с другом таким образом, чтобы усилить дифференциацию и отдаленность друг от друга» [Geil, Porter, p.29]. Это изменение механизма функционирования дуополии на политическом рынке Америки идет параллельно с поляризацией политических баз и Республиканской, и Демократической партий. Через четверть века (с 1994 г.) в Республиканской партии осталось не более 5% сторонников этой партии, разделяющих некоторые из либеральных идей; среди сторонников Демократической партии степень идейно-политической поляризации оказалась еще выше — только 3% демократов воспринимают или частично разделяют идеи сторонников Республиканской партии [Pew Research Center. The Partisan... p.12–13].

«Продуктовая» конкуренция между Республиканской и Демократической партиями обернулась серьезнейшими дисфункциями в политической системе США, которая резко снизила свои способности по адекватному и своевременному реагированию как на внутри-, так и на внешнеполитические проблемы, остро вставшие перед американским обществом после финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг.

Растущий паралич в принятии ключевых государственных решений

Политико-идеологическая поляризация двух ведущих политических партий в США приняла ряд конкретных форм. Одним из важнейших признаков системного кризиса политической системы явилось резкое падение «производительности» законотворческой деятельности, измеряемой количеством принимаемых федеральных законов в течение двух лет работы Конгресса очередного созыва. (Следует иметь в виду, что речь идет о результативности законотворческой деятельности федерального правительства в целом, поскольку прошедшие через обе палаты высшего законодательного органа США законопроекты должны быть подписаны главой исполнительной власти, т.е. президентом страны.)

В частности, если в начале XXI в. Конгресс США очередного созыва в среднем принимал порядка 500–600 федеральных законов, то к началу второго десятилетия их количество сократилось в два раза — примерно до 300 законов, несколько увеличившись — до 443 — во время работы Конгресса 115 созыва (с января 2017 по январь 2019 г.), когда республиканцы достаточно прочно контролировали не только Белый дом, но и обе палаты Конгресса. После того как Демократическая партия установила контроль над Палатой представителей, их число вновь резко пошло вниз, составив за 4 месяца работы Конгресса 116-го созыва (с начала января по начало июля 2019 г.) всего 29 федеральных законов. Сведения о количестве принятых федеральных законов во время работы конгрессов 106 — 116-го созывов приведены в табл. 1.

Заметное падение «производительности» законотворческого труда американских сенаторов и конгрессменов сопровождалось другим, не менее серьезным феноменом — резким снижением количества важных и значимых законодательных актов, иногда воспринимаемых как «эпохальные». По мнению профессора политических

наук Колумбийского колледжа искусств и наук при Университете Джорджа Вашингтона С. Биндер, на протяжении последних 70 лет, начиная с конца 1940-х годов, в США сформировалась отчетливая тенденция к блокировке и законодателями, и Белым домом принципиально важных, «реформаторских» законодательных инициатив. Согласно ее оценкам, если в конце 1940-х годов официальным Вашингтоном блокировался каждый четвертый из серьезных реформаторских законопроектов (25%), то к середине 1970-х годов из каждых 5 важных законодательных инициатив «торпедировались» не менее двух (примерно 40%). В конце XX в. количество «проваленных» и принятых масштабных законопроектов было уже примерно равным, а в настоящее время сенаторы и конгрессмены с легким сердцем отправляют в мусорные корзины три из каждых четырех законодательных инициатив, имеющих судьбоносное значение для дальнейшего развития американского общества и его экономики [Binder, p. 93].

Таблица 1

**Количество принятых федеральных законов во время работы конгрессов
106–116-го созывов**

Конгресс созыва:	Количество принятых федеральных законов
106 (6 января 1999 г. — 15 декабря 2000 г.)	604
107 (3 января 2001 г. — 22 ноября 2002 г.)	383
108 (7 января 2003 г. — 9 декабря 2004 г.)	504
109 (4 января 2005 г. — 9 декабря 2006 г.)	483
110 (4 января 2007 г. — 3 января 2008 г.)	460
111 (6 января 2009 г. — 22 декабря 2010 г.)	385
112 (5 января 2011 г. — 3 января 2013 г.)	284
113 (6 января 2013 г. — 2 января 2015 г.)	296
114 (6 января 2015 г. — 3 января 2017 г.)	329
115 (3 января 2017 г. — 3 января 2019 г.)	443
116 (3 января 2019 г. — 2 июля 2019 г.)	29

U.S. Congress. Bills. Statistics and Historical Comparison. — govtrack.us/congress/bills/statistics (date of access: 09.06.2019).

Общая модель блокировки судьбоносных законодательных инициатив в Вашингтоне выглядит достаточно прозаично. Это происходит главным образом в периоды разделенного правления, когда одна партия контролирует, допустим, исполнительную власть, а другая (оппозиционная) — законодательную, или контролирует одну из палат Конгресса США, что обеспечивает ей обладание эффективным «блокирующим» пакетом политических акций (голосов сенаторов или конгрессменов). Именно такая ситуация характеризует состав нынешнего Конгресса 116-го созыва: республиканцы контролируют Белый дом и Сенат, а демократы — Палату представителей. Поэтому все попытки либерального большинства в Палате представителей сдвинуть «центристскую ось» политики влево могут натолкнуться на мощное противодействие Сената справа, а также угрозу возможного президентского вето с того же политического фланга. Угроза вето постоянно заставляет либеральное большинство думать о дополнительных голосах для его преодоления, что на практике ведет к отказу от выдвижения далеко-

идущих законодательных инициатив. Так в итоге и образуются политические тупики в деятельности Конгресса [Binder, p. 89].

Партийно-политическая поляризация в высших эшелонах государственной власти в США

Одна из важнейших причин падения «производительности» законотворческого труда американских сенаторов и конгрессменов состоит в том, что, начиная с президентства Б. Обамы (2009–2017 гг.), все основные законодательные инициативы и реформы стали приниматься голосами исключительно одной партии. При Обаме — голосами демократических фракций в Сенате и Палате представителей, при Д. Трампе — голосами республиканских фракций в обеих палатах Конгресса США. Этот феномен является принципиально новым для американской политической системы, по крайней мере в ретроспективе последних почти 80 лет.

Так, один из первых и важнейших законов, разработанных администрацией Обамы, — **Закон об американском возрождении и реинвестициях** (февраль 2009 г.), который, по сути, вывел американскую экономику из финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг., — был принят в Палате представителей голосами исключительно демократической фракции (244 голоса «за» при 188 голосах «против», к 177 республиканцам присоединились 11 демократов). В Сенате этот закон получил 60 голосов «за» (к 57 сенаторам-демократам присоединились три республиканца) и 38 «против» (остальные члены республиканской фракции) [Congress.gov. H.R.1 — American...].

В марте 2010 г. контролируемый демократами Конгресс принимает поистине историческое законодательство о введении в США всеобщего доступного медицинского страхования, получившее название **Закона о защите пациентов и доступном медицинском обслуживании**. К этому законодательству Америка шла с середины 1930-х годов, когда по инициативе президента-демократа Ф. Рузвельта был принят Закон о социальном обеспечении 1935 г. В Сенате новый закон был принят 60 голосами «за» (все сенаторы-демократы) при 39 голосах «против» (все сенаторы-республиканцы). В Палате представителей «за» проголосовали 219 конгрессменов (все — демократы), «против» — 212 (к 178 республиканцам присоединились 34 демократа) [Congress.gov. H.R.3590...].

Аналогичная ситуация возникла и в июле 2010 г. при принятии фундаментального закона о регулировании деятельности финансового сектора американской экономики — **Закона Додда-Франка о реформе Уолл-стрита и защите потребителей**, вызвавшего бешеное сопротивление финансовых кругов Нью-Йорка. В Палате представителей закон прошел в соотношении 223 голоса «за» (все конгрессмены-демократы) и 202 — «против» (к 175 членам республиканской фракции присоединилось 27 демократов-перебежчиков) [Congress.gov. H.R.4173...].

Собственно говоря, на этом реформаторская деятельность Конгресса при администрации Б. Обамы закончилась, поскольку по итогам промежуточных выборов 2010 г.

демократы утратили контроль над Палатой представителей, а по итогам промежуточных выборов 2014 г. — и над Сенатом.

Окно возможностей для принятия судьбоносных реформаторских инициатив открылось только в Конгрессе 115 созыва, когда республиканцы в результате президентских выборов 2016 г. получили контроль и над исполнительной, и над законодательной ветвями власти. Однако им удалось в конце 2017 г. реализовать только одно далекоидущее законодательное начинание — провести налоговую реформу, получившую название **Закона о снижении налогов и создании новых рабочих мест**. Партийное размежевание при администрации Д. Трампа оказалось даже еще более ярко выраженным, чем в годы президентства Б. Обамы. В Палате представителей 227 конгрессменов республиканской фракции проголосовали «за». Им противостояла сплоченная демократическая фракция численностью в 192 человека, к которым присоединились 13 республиканцев. Таким образом, против законопроекта в Палате представителей проголосовало 205 конгрессменов. В Сенате политический водораздел был предельно четким: вся республиканская фракция в составе 51 сенатора голосовала «за», в вся демократическая в составе 49 сенаторов — «против» [Congress.gov. H.R.1 — An Act...].

Оформившийся в США за последнее десятилетие принцип строго партийного голосования по важнейшим законодательным актам связан не только с ужесточением требований партийной фракционной дисциплины, но и с идеологическими взглядами и убеждениями политических деятелей, приходящих во власть. Согласно экспертным оценкам аналитиков факультета политологии университета шт. Джорджии, поляризация в политико-идеологических взглядах сенаторов и конгрессменов США достигла максимальных значений за весь период после окончания Второй мировой войны. Оценки составлялись по шкале «либеральный — консервативный» (в интервалах от -0,50 до + 0,50). Политики, занимающие позиции в центре шкалы, классифицируются как придерживающиеся «умеренных политических взглядов».

Представленные в Сенате США в послевоенные годы демократы и республиканцы были преимущественно политиками умеренного толка (первые на 80%, вторые — на 50%), что иногда вызывало трудности в установлении различия между «либеральным консерватором» и «консервативным либералом». В условиях США это различие имело достаточно выраженную географическую окраску: демократы-южане были, как правило, консерваторами; республиканцы Восточного побережья считались либералами. Затем медленно, но верно стали углубляться политико-идеологические различия. Окончательную точку в этом процессе поставил финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. Накануне кризиса доля умеренных политиков как среди сенаторов-республиканцев, так и среди сенаторов-демократов составляла примерно 20%; после него, и особенно в связи с избранием президентом страны первого чернокожего американца, умеренными стали считать себя не более 3% республиканцев и 13% демократов.

В Палате представителей различия были выражены еще меньше: на рубеже 1940–1950-х годов к умеренным относили себя около 60% политиков, представленных в па-

лате. Конец 1980-х годов ознаменовал последний период «конвергенции» между либералами и консерваторами, когда примерно 25% конгрессменов обеих партий могли считать себя умеренными. С начала 1990-х годов процессы размежевания и поляризации приняли необратимый характер, и в настоящее время умеренными считают себя не более 1% политиков-республиканцев и не более 11% политиков-демократов в Палате представителей [Lewis, Poole, Rosenthal...].

Провал «умеренного центра» имел следствием резкое нарастание конфликтности как во взаимоотношениях двух ведущих партий страны, так и в американской политической системе в целом. Как указывали американские политологи К. Хэйр и К. Пул, «одним из недооцененных аспектов современной политической поляризации явился резкий рост политических конфликтов по всему спектру повестки дня — от аборт и контроля над оборотом оружия до проблем иммиграции, которые только на первый взгляд приняли привычную форму доминирующего экономического либерально-консервативного измерения американской политики. Иными словами, в последние десятилетия не только политические партии стали еще больше расходиться идеологически по этим проблемам, но и сам привычный термин идеология изменился настолько, что постепенно стал включать в себя все более широкий круг проблем» [Hare, Poole, p. 418].

Растущий авторитаризм института президентской власти

В условиях усиливающейся политической поляризации и систематической блокировки со стороны конгрессменов масштабных реформ и важных преобразований все в большей степени начинают проявлять себя авторитарные черты президентской власти. Она становится основным центром принятия политических решений в обход Конгресса, нередко игнорируя и решения Верховного Суда США. В полной мере все эти симптомы проявили себя с приходом в Белый дом в январе 2017 г. Д. Трампа. Фактически с самого начала его пребывания у власти Америка начала жить «по президентским указам», которые касались самых острых проблем социально-экономического развития США, начиная с иммиграции, торгово-экономических связей, жизненно важных в эпоху глобализации, и заканчивая регулированием качества окружающей среды и мерами противодействия изменению климата.

Все эти проблемы нашли отражение в череде президентских указов, которые с самых первых дней пребывания Д. Трампа у власти низверглись на Америку словно воды Ниагарского водопада. За два полных года пребывания у власти Д. Трампом было подписано 92 указа, в среднем по 46 указов в год. Для сравнения: в период своего пребывания у власти Б. Обама ежегодно в среднем подписывал 35 президентских указов; Дж. Буш-мл. за все восемь лет правления подписал 36 указов [The American...].

Апофеозом растущего авторитаризма президентской власти явилось введение 15 февраля 2019 г. режима чрезвычайного положения в связи с ситуацией на южной границе США. Благодаря этому президент в обход Конгресса получил доступ к 8 млрд долл., в том числе и из бюджета Министерства обороны США, необходимым для начала сооружения «непроницаемой» стены вдоль американо-мексиканской границы

[Presidential Documents...]. Помимо этого, Д. Трамп принял решение использовать регулярные войска США для охраны американско-мексиканской границы. Все это вместе взятое явилось первым случаем использования средств и ресурсов министерства обороны в мирное время после событий 11 сентября 2001 г. [Trump's Emergency...].

Решению Белого дома о введении чрезвычайного положения предшествовало ничем не оправданное частичное «закрытие» федерального правительства на беспрецедентно длительный срок в 35 дней (с 22 декабря 2018 г. по 28 января 2019 г.), которое обошлось американским налогоплательщикам по меньшей мере в 3 млрд безвозвратно потерянных долларов, или 0,02% ВВП США. Примерно 300 тыс. служащих федерального правительства были отправлены в неоплаченный отпуск, а их потери в не выданных своевременно зарплатах и должностных окладах составили 9 млрд долл., значительная часть которых им так и не была выплачена [СВО... р. 5–7].

Общая оценка этого шага Д. Трампа со стороны американских аналитиков и правоведов свелась к тому, что президент вышел за пределы конституционного поля. По заключению Л. Панетты, влиятельного политика 1990-х годов, занимавшего должности министра обороны и главы администрации Белого дома при У. Клинтоне (1993–2001), «президент, который использовал свои полномочия для обхода воли Конгресса с целью получения финансовых средств для строительства стены вдоль американско-мексиканской границы, по сути, отверг всю систему сдержек и противовесов, которая была заложена отцами-основателями Америки в ее Конституцию» [PBS...].

Тем самым стали сбываться прогнозы видных американских правоведов и юристов, все увереннее говорящих о том, что и США может не миновать участь многих цивилизованных стран мира, главным образом европейских, которые в свое время пережили ужасы диктатуры. По авторитетному заключению профессора права юридического факультета Чикагского университета Э. Познера, «тиранофобия, т.е. страх возможного прихода диктатора в Америку, является столь же старой, как и сама Американская республика. Отцов-основателей Америки всегда беспокоила перспектива управления страной диктаторами вроде Цезаря или Кромвеля, и с тех пор после каждой очередной кампании по выборам президента американцы неизменно обвиняли действующего президента в проявлении диктаторских замашек. И хотя ни одному из 45 человек, занимавших пост президента страны, так и не удалось стать диктатором, настроения тиранофобии в США достигли максимальных отметок» [Sunstein, p. 1]. Показательно, что с наступлением XXI в. президентов Дж. Буша-мл. и Б. Обаму нередко сравнивали даже с Гитлером, но только с приходом Д. Трампа настроения тиранофобии по-настоящему овладели американским общественным сознанием.

Как подчеркивает Э. Познер, «еще до прихода во власть Трампа открыто стали именовать диктатором. Однако в настоящее время обвинения в диктаторстве приходят уже не с политических флангов. Журналисты, политики, представители академического мира и многие другие известные и влиятельные лица с центристскими взглядами действительно опасаются того, что Трамп может положить начало эпохе авторитарного правления в Соединенных Штатах» [Sunstein, p. 1–2].

Причина того, что авторитаризм достаточно уверенно пробивает себе дорогу в современных США, коренится в однопартийном принятии важнейших внутривнутриполитических и внешнеполитических реформ и начинаний на протяжении последних 10 лет. На этом фоне главным направлением деятельности администрации Д. Трампа стал последовательный демонтаж всего наследия предшествующей администрации Б. Обамы: отмена системы доступного медицинского страхования, известной как «Обмакэр», аннулирование большей части положений Закона Додда-Фрэнка о реформе финансовой системы США, выход из соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, Парижского соглашения по климату и т.д. и т.п. В результате к началу работы Конгресса 116-го созыва высшие органы федерального правительства США остались без законодательной повестки дня касательно масштабных проблем американского общества. Фактически федеральное правительство оказалось занято решением мелких текущих проблем¹, главная из которых — рассмотрение и принятие ежегодной бюджетной заявки администрации.

Именно эти условия и стали питательной средой для политиканства, крупных и мелких интриг, непрерывных политических скандалов, популизма правого и левого толка — привычных сфер деятельности американской политической элиты и государственного руководства США при администрации Д. Трампа.

«Импичмент президента» как новая нормальность функционирования политической системы США

Естественной реакцией на «диктатуру» крупного капитала в лице Д. Трампа явилось мощное движение за отстранение Д. Трампа от власти, за его импичмент, которое началось в США сразу же после оглашения итогов президентских выборов 2016 г. «Импичмент, импичмент, импичмент», — твердили американские политики, особенно связанные с Демократической партией, средства массовой информации, академические круги США на протяжении 2017–2019 гг. Именно для начала процесса импичмента против Д. Трампа в мае 2017 г. и была создана комиссия специального прокурора Р. Мюллера. В конце марта 2019 г. комиссия представила в министерство юстиции двухтомный доклад объемом 448 страниц, цензурированная версия которого в начале апреля 2019 г. стала достоянием американской общественности [U.S. Department of Justice...].

В этой связи можно указать, что за последние три года в США появилось огромное количество исследований о процедуре импичмента президента. В них составлялись подробные «дорожные карты», показывающие, как наиболее эффективно осуществить процесс импичмента Д. Трампа. Подобные работы появлялись даже в солидных ака-

¹ Если обратиться к докладам Исследовательской службы Конгресса США, где содержится перечень неотложных проблем, которые должен решить Конгресс очередного созыва, то применительно к Конгрессу 116-го созыва числятся всего несколько не связанных между собой проблем: развитие науки и техники [CRS Report. Science and Technology Issues...], развитие водных ресурсов [CRS Report. Water...], вопросы торговли и финансов, стоящие перед США [CRS Report. International Trade...].

демических изданиях США¹. Согласно исследованию профессора политических наук С. Джекмана, появившемуся еще летом 2017 г., процесс импичмента американского президента является прежде всего политическим процессом. В истории США было два процесса импичмента: против президентов А. Джексона в 1868 г. и У. Клинтона в 1998–1999 гг. Оба с правовой точки зрения закончились безрезультатно. Сам процесс представляет собой не что иное, как суд Сената на основе доказательств, предъявленных Палатой представителей; и в том, и в другом случае президенты были оправданы, поскольку для их отрешения не набралось двух третей голосов сенаторов.

Поэтому смысл процесса импичмента, согласно трактовке С. Джекмана, состоит в создании таких условий вокруг президента страны, при которых он «добровольно» уйдет в отставку (как это имело место в случае президента Р. Никсона, который подал в отставку в августе 1974 г. после разбирательства Уотергейтского скандала в 1973–1974 гг.) [Jackman, p. 14–19]. Однако принуждение к «добровольной» отставке президента предполагает ведение длительной политической кампании, измеряемой не месяцами, а годами, вплоть до четырехлетнего срока пребывания президента в Белом доме. Фактически именно так было на всем протяжении пребывания Д. Трампа в должности президента с января 2017 г.

Известный в США юрист Дж. Терли в свое время выявил своеобразный «момент истины» в американском конституционном устройстве, который слабо понимался вплоть до попытки импичмента У. Клинтона в конце XX в. Тезис, выдвинутый Дж. Терли, состоял в том, что отцами-основателями США процесс импичмента президента страны был изначально заложен не как правовой механизм наказания президента за совершенные им «преступления и неблаговидные деяния», а как политический механизм разрешения споров и коллизий между законодательной и исполнительной ветвями власти, как «нормальный» феномен политической борьбы между противоборствующими политическими силами, конкретнее — между Демократической и Республиканской партиями.

Как подчеркнул Дж. Терли, «для поборников компромиссной модели демократического устройства импичмент должен представлять собой разрешенный Конституцией механизм моральных и политических споров» [Turley, p. 126]. По всей видимости, именно превращение процедуры (или, точнее сказать, угрозы использования) импичмента президента в «нормальный» метод завершения споров и разборок в среде правящего политического класса в полной мере стало институционализироваться при Д. Трампе, что может иметь колоссальные последствия для стабильного функционирования политической системы США. В этой связи не следует забывать, что процесс импичмента президента У. Клинтона в 1998–1999 гг. имел место именно как форма исторической мести республиканцев демократам за отставку Р. Никсона в 1974 г.

Как отмечали американские политические обозреватели, даже спустя 20 лет после того, как страна почти на протяжении года была погружена в скандал с У. Клинтон, США «живут с последствиями процесса, который представлял собой частично морали-

1 См., в частности: [Petersen].

зирующую историю, частично — мыльную оперу и частично — беспощадную ножевую схватку с самыми высокими политическими ставками. Политически страна оказалась расколота — не так сильно, как сейчас, но ожесточение чувствовалось не меньше. Политическая битва того времени разожгла обиды, повлияла на президентские выборы 2000 г., породила теории заговора...» [Graham, Murphy].

Пути реформирования — отказ от многовековой политической традиции

Среди многочисленных планов и проектов реформирования американской политической системы в настоящее время наибольшую популярность обрела идея перехода к прямым выборам президента и отказ — формальный или законодательный — от услуг Коллегии выборщиков, которая, собственно, и выбирает президента страны. Механизм работы Коллегии выборщиков прост: претендент, набравший в штате наибольшее число голосов избирателей — независимо от соотношения поданных голосов «за» и «против» него, — получает **все** голоса Коллегии выборщиков данного штата. На протяжении XX в. наблюдалась полное соответствие голосов рядовых избирателей и голосов Коллегии выборщиков, отданных победителю. Коллегия выборщиков как бы «штамповала» результаты всенародного волеизъявления. Серьезные сбои наступили в XXI в.

В 2000 г. кандидат от Демократической партии, тогдашний вице-президент А. Гор набрал почти на 544 тыс. голосов, или на 0,51% от общего числа участвовавших в президентских выборах, больше по сравнению со своим соперником Дж. Бушем-мл., но проиграл ему по числу голосов выборщиков — 266 против 271. Окончательный исход голосования был решен в штате Флорида, 25 голосов выборщиков которого отошли к Дж. Бушу [Federal Election Commission. 2000...].

Еще большее несоответствие возникло по итогам президентских выборов 2016 г., когда кандидат демократов Х. Клинтон набрала на 2,8 млн голосов (или на 2,1% участвовавших в голосовании) больше по сравнению с Д. Трампом, однако по голосам выборщиков Трамп опередил Клинтон на 77 (!) голосов — за него было подано 304 голоса против 227, отданных Клинтон [Federal Election Commission. Official 2016... p. 1].

Начиная с 2006 г. в США на уровне штатов существует движение, получившее название «Межштатное соглашение о национальных прямых выборах президента США». Законодательными собраниями многих штатов был принят соответствующий закон, к которому начали присоединяться губернаторы. Согласно этому соглашению, как только общее число голосов выборщиков в Коллегии выборщиков от присоединившихся штатов достигнет 270, т.е. они составят большинство в Коллегии, выборщики в штатах, являющихся членами соглашения, имеют право проголосовать на президентских выборах за кандидата, получившего наибольшее число голосов рядовых избирателей в целом по стране. По состоянию на конец мая 2019 г. к соглашению присоединились 15 штатов (Калифорния, Колорадо, Коннектикут, Делавэр, Гавайи, Иллинойс, Мэриленд, Массачусетс, Нью-Джерси, Нью-Мексико, Нью-Йорк, Орегон, Род Айленд, Вермонт и Вашингтон), а также округ Колумбия, со 196 голосами в Коллегии выборщиков [National Conference...].

Фактическая или законодательная отмена Коллегии выборщиков и постепенный переход к прямым выборам президента США могут с течением времени иметь серьезные последствия и в конечном итоге ликвидировать систему дуополии в США. Важно иметь в виду, что в настоящее время большая часть американского общества высказывается за прямые выборы. Согласно опросу Института общественных религиозных исследований, проведенному в 2018 г., 65% опрошенных респондентов выступили в пользу прямых президентских выборов в США [PRRI... p. 22].

Как показывают статистические оценки, вероятность «присуждения» Коллегией выборщиков победы на президентских выборах кандидату, набравшему меньшее число голосов избирателей, резко возрастает в условиях, когда разрыв в голосах избирателей составляет меньше 3%. На рис. 1 показаны относительные разрывы в голосах, поданных на 49 президентских выборах начиная с 1824 г.

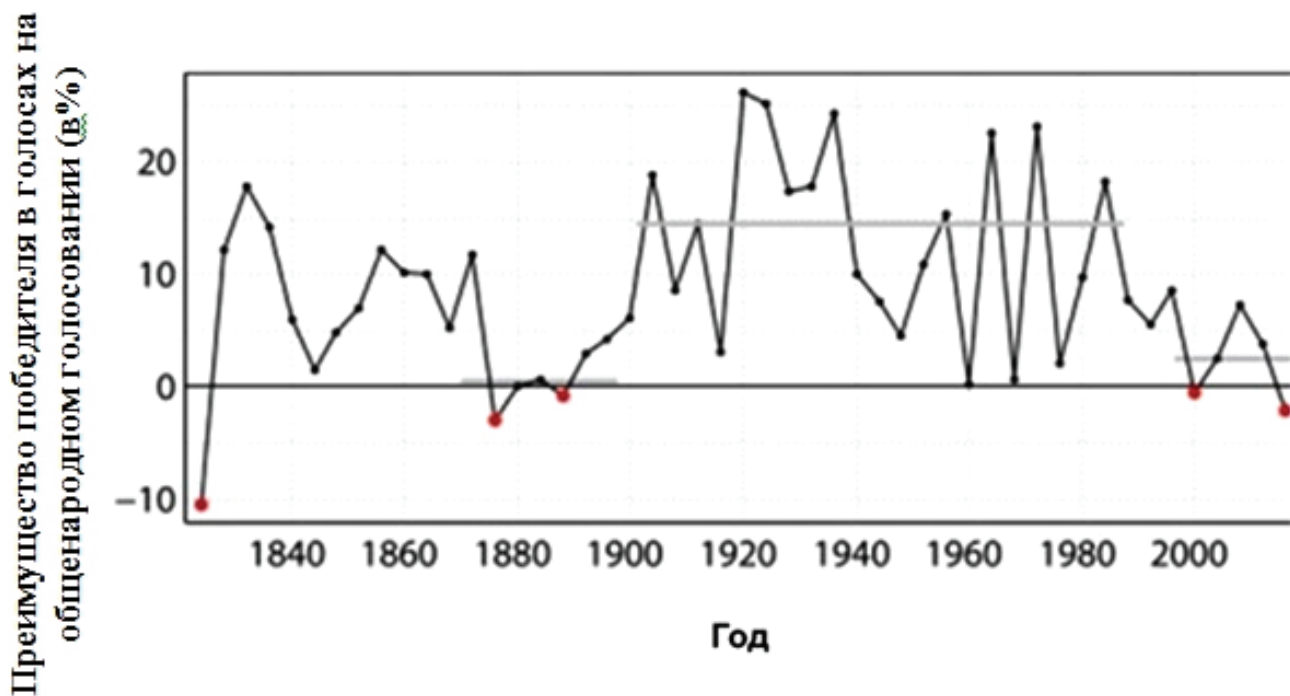

Рис. 1. Относительный разрыв в голосах избирателей, поданных за двух основных кандидатов на пост президента США на президентских выборах 1824–2016 гг.

Данные графика косвенно свидетельствуют о том, что в настоящее время, когда американская нация «расколота пополам», незначительный (менее 3%) разрыв в голосах избирателей, поданных за кандидатов от Демократической и Республиканской партий, становится тенденцией. Это, по всей видимости, будет способствовать усилению позиций сторонников реформирования двухступенчатой системы президентских выборов.

В случае, если США в конечном итоге перейдут на прямые выборы президента страны, американская политическая система в большей степени будет напоминать европей-

скую, в которой значительную роль играют третьи и четвертые партии. Американские аналитики опасаются, что в ситуации фрагментации политического спектра в американской политике могут появиться сильные крайне левые и/или крайне правые партии, что в целом будет способствовать радикализации американской политической системы. Но в любом случае очевидно, что реформирование американской политической системы может только усилить переживаемый ею глубокий кризис.

Литература

- Травкина Н.М.* США: меняющийся алгоритм развития. М. 2018.
- The American Presidency Project. Statistics. The Executive Orders. — URL: presidency.ucsb.edu/statistics/data/executive-orders (date of access: 11.06.2019).
- Binder S.* The Dysfunctional Congress. — “Annual Review of Political Science”. May 2015. Pp. 85-101. — URL: doi.org/10.1146/annurev-polisci-110813-032156 (date of access: 11.06.2019).
- CBO. The Effects of the Partial Shutdown Ending in January 2019. January 2019. — URL: cbo.gov/publication/54937 (date of access: 11.06.2019).
- Congress.gov. H.R.1 — American Recovery and Reinvestment Act of 2009. 111th Congress (2009-2010). Actions. — URL: congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/1/actions (date of access: 11.06.2019).
- Congress.gov. H.R.3590 — Patient Protection and Affordable Care Act. 111th Congress (2009-2010). — URL: congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/3590/actions (date of access: 11.06.2019).
- Congress.gov. H.R.4173 — Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act 111th Congress (2009-2010). Actions. — URL: congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/4173/actions (date of access: 11.06.2019).
- Congress.gov. H.R.1 — An Act to provide for reconciliation pursuant to titles II and V of the concurrent resolution on the budget for fiscal year 2018. 115th Congress (2017-2018). Actions. — URL: congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/1/actions (date of access: 11.06.2019).
- CRS Report. International Trade and Finance — Overview and Issues for the 116th Congress. 28 January 2019.
- CRS Report. Science and Technology Issues in the 116th Congress. February 6, 2019.
- CRS Report. Water Resource Issues in the 116th Congress. February 7, 2019.
- Federal Election Commission. 2000 Presidential Electoral and Popular Vote. — URL: transition.fec.gov/pubrec/fe2000/elecpop.htm (date of access: 27.05.2019).
- Federal Election Commission. Official 2016 Presidential General Election Results. General Election Date: 11.08.2016. — URL: transition.fec.gov/pubrec/fe2016/2016presgeresults.pdf (date of access: 11.06.2019).
- Geil K., Porter M.* Why Competition in the Politics Industry Is Failing America. A strategy for reinvigorating our democracy. Harvard Business School. September 2017. — URL: hbs.edu/competitiveness/.../why-competition-in-... (date of access: 11.06.2019).
- Graham D., Murphy C.* The Clinton Impeachment, as Told by the People Who Lived It // The Atlantic. December 2018. — URL: theatlantic.com/magazine/archive/2018/12/clinton-impeachment/573940/ (date of access: 27.05.2019).
- Hare Ch., Poole K.* The Polarization of Contemporary American Politics // Polity. V. 46. №3. July 2014. P. 411-429. — URL: doi.org/10.1057/pol.2014.10 (date of access: 27.05.2019).

- Jackman S.* Impeachment 101: The history, process and prospect of a Trump impeachment // The United States Studies Centre at the University of Sydney. July 2017. — URL: ussc.edu.au/analysis/publication-alert-impeachment-101 (date of access: 27.05.2019).
- National Conference of State Legislatures. National Popular Vote. 05.31.2019 // NCSL. — URL: ncsl.org/research/elections-and-campaigns/national-popular-vote.aspx Vote view: Congressional Roll-Call Votes Database. Polarization in Congress
- Lewis J., Poole K., Rosenthal H., Boche A., Rudkin A., Sonnet L.* Vote view: Congressional Roll-Call Votes Database. Polarization in Congress. — URL: voteview.com (date of access: 27.05.2019).
- PBS. Why Trump's national emergency plan could present a 'major constitutional test'. Feb. 14, 2019. — URL: pbs.org/newshour/show/why-trumps-national-emergency-plan-could-present-a-major-constitutional-test (date of access: 27.05.2019).
- Petersen Ch.* Trump University and Presidential Impeachment // Oregon Law Review. 2017. No. 1. P. 57-121. — URL: hdl.handle.net/1794/22995 (date of access: 27.05.2019).
- Pew Research Center. Beyond Distrust: How Americans View Their Government. November 23, 2015. — URL: people-press.org/2015/11/23/beyond-distrust-how-americans-view-their-government/ (date of access: 27.05.2019).
- Pew Research Center. The Partisan Divide on Political Values Grows Even Wider. October 5, 2017. — URL: people-press.org/2017/10/05/the-partisan-divide-on-political-values-grows-even-wider/ (date of access: 27.05.2019).
- Pew Research Center. Public Trust in Government: 1958-2019. April 11, 2019. — URL: people-press.org/2019/04/11/public-trust-in-government-1958-2019 (date of access: 27.05.2019).
- Presidential Documents. Proclamation 9844 of February 15, 2019. Declaring a National Emergency Concerning the Southern Border of the United States // Federal Register. Vol. 84. No. 34, February 20, 2019. P. 4949-4950.
- PRRI. American Democracy in Crisis. The Challenges of Voter Knowledge, Participation, and Polarization. 07.24.2018. — URL: joycefdn.org/news/american-democracy-in-crisis-the-challenges-of-voter-knowledge-participation-and-polarization (date of access: 27.05.2019).
- Renka R.* The American Two-Party Duopoly. August 31, 2009. — URL: cstl-cla.semo.edu/rdrenka/ps360/Fall2009/American_duopoly.htm (date of access: 27.05.2019).
- Sunstein C. (ed.)* Can It Happen Here? Authoritarianism in America. N.Y. 2018.
- Trump's Emergency Declaration is the First since 9/11 to authorize Military Action // Fannin Sentinell. February 20, 2019. — URL: fanninsentinel.news/?p=9243 (date of access: 27.05.2019).
- Turley J.* Senate Trials and Factional Disputes: Impeachment as a Madisonian Device // Duke Law Journal. October 1999. P. 1-146 — URL: jstor.org/stable/1373063 (date of access: 27.05.2019).
- U.S. Department of Justice. Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election. Vol. I. vi + 199 pp.; Vol. II. lv + 182 + var.pg. Washington. March 2019.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-68-82

УДК 323; 327; 328; 329; 338

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Время европейских тревог: Евросоюз в меняющейся системе координат

Аннотация. 2019 г. ознаменовал начало нового этапа в истории Евросоюза, конкретные политические и экономические маркеры которого пока не вполне ясны. Радикально меняются также международные связи государств-членов ЕС, происходит перезагрузка региональных и глобальных альянсов. По сути, меняется вся система внутри- и внешнеполитических координат, в которой уже несколько десятилетий существует Европа. Это с очевидностью показали выборы в Европейский парламент. Новому руководству ЕС предстоит искать адекватный ответ на многочисленные экономические, социальные, дипломатические и военные вызовы.

Ключевые слова: Евросоюз, последствия глобального кризиса, выборы в Европарламент, политическая фрагментация, экономические проблемы, геополитика, европейская армия.

Период после кризиса 2008–2009 гг. стал для Европейского союза и входящих в него государств концом эпохи оптимизма — временем трудных испытаний, высоких рисков и опасных вызовов. В рамках этого крупнейшего регионального объединения проявились глубокие финансово-экономические разломы и четкие линии повышенного политического напряжения. После шести с лишним десятилетий строительства Объединенной Европы, претендующей на то, чтобы стать образцом общественного устройства для всего мира, Евросоюз оказался перегруженным сплетенными воедино старыми и новыми проблемами. Их квинтэссенцией является отсутствие прорывных идей и недостаток единой политической воли. В результате экономика ЕС утратила динамику и сдает одну позицию за другой. Материальное положение большинства европейцев либо стагнирует, либо ухудшается. Доверие к традиционным институтам государственной власти на национальном и коммунитарном уровне подорвано — в немалой степени, низкой эффективностью управления и чередой коррупционных скандалов. Всплеск национализма и сепаратизма, концепция «Европы двух скоростей» и свалившийся как снег на голову Brexit угрожают запустить процесс дезинтеграции, деконструкции «европейского дома».

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, petrp.yakovlev@yandex.ru.

Положение усугубили негативные для Евросоюза международные тренды последних лет: вспышка трансграничного терроризма, повлекшая за собой многочисленные жертвы в самом сердце Европы; беспрецедентное осложнение евроатлантических отношений; государственные перевороты и вооруженные конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке, вызвавшие огромный наплыв беженцев и мигрантов; глобальное экономическое наступление Китая; инициированные Вашингтоном торговые войны; политико-дипломатическая конфронтация с Россией, наносящая все более ощутимый урон традиционно взаимовыгодным российско-европейским торгово-экономическим связям.

Фрагментация политического поля

Новую политическую реальность Объединенной Европы зафиксировали состоявшиеся 23–26 мая текущего года выборы в Европейский парламент (ЕП), которые (начиная с 1979 г.) стали девятыми по счету прямыми выборами в законодательный орган ЕС. Итогом избирательной кампании явились не только изменения в партийно-политическом составе ЕП, но и сравнительно высокая явка избирателей, переломившая многолетний тренд к снижению интереса граждан стран-членов Евросоюза к работе европейских парламентариев. В этот раз к избирательным урнам пришло около 51% избирателей, что на восемь процентных пунктов превысило результат предыдущих выборов 2014 г. и отразило охватившее миллионы людей настроение беспокойства за будущее Европы [Facts and figures...]. Следует признать, что поводов для такого беспокойства у граждан стран ЕС более чем достаточно.

Главным содержательным результатом парламентских выборов, по итогам которых был избран 751 евродепутат от 28 стран и 190 национальных партий, можно считать заметно возросшую политическую раздробленность нового депутатского корпуса. Две основные фракции Европарламента — «Европейская народная партия» (EPP, правые центристы) и «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» (S&D, левые центристы) вместе получили 336 депутатских мест (EPP — 182, S&D — 154), потеряв по сравнению с выборами 2014 г., соответственно, 39 и 37 мандатов. Таким образом, «народники» и социал-демократы утратили абсолютное большинство в ЕП, освободив часть парламентского пространства конкурирующим политическим силам, одни из которых стоят на «роевропейских», а другие — на «евроскептических» позициях [The Political Groups...]. Основными бенефициарами, расширившими свое присутствие в Европарламенте, стали:

- «роевропейская» группа «Обновленная Европа» (Renew Europe), ранее выступавшая под названием «Альянс либералов и демократов за Европу» (ALDE). Она увеличила свое представительство с 67 до 108 депутатов;
- также стоящая на «роевропейской платформе» фракция «Зеленые/Европейский свободный альянс» (Greens/EFA), нарастившая свой депутатский корпус с 50 до 74 парламентариев;
- новая политическая группа «Идентичность и демократия» (ID), сконцентрировавшая максимальное количество депутатов-националистов, придерживающихся «евроскептических» взглядов, — 73 человека. Она собрала под своими знаменами

сторонников Марин Ле Пен (французская партия «Национальное объединение»), Маттео Сальвини (итальянская «Лига») и «Альтернативы для Германии».

Менее удачно выступила на выборах другая преимущественно «евроскептическая» группа «Европейские консерваторы и реформисты» (ECR). Эта фракция лишилась восьми мандатов, сократив свое представительство с 70 до 62 депутатов. Кроме того, ощутимые потери понесла группа «Европейские объединенные левые — Северные зеленые левые» (GUE/NGL): 52 депутата в 2014 г. и 41 — по итогам последних выборов.

Таким образом, подвижки в партийно-политическом составе Европарламента свелись, в первую очередь, к утрате абсолютного большинства группами EPP и S&D, что недвусмысленно указывает на усиление фрагментации в законодательном органе Евросоюза. Обращает на себя внимание и определенная консолидация наиболее решительных националистов — «евроскептиков» в рамках фракции ID. Вместе с тем процесс определения партийно-политической принадлежности евродепутатов еще не завершен. Свою роль сыграют, по крайней мере, два фактора: выход в связи с Brexit из состава парламента 73 представителей Великобритании (их заменят депутаты из других стран) и возможные изменения в настроениях парламентариев, которые не входят ни в одну из фракций (таких на сегодняшний день насчитывается 57) [2019 European election results...].

Тот факт, что в рамках институтов Объединенной Европы усилилась политическая конкуренция, стал своего рода архетипом отношений между лидерами стран Евросоюза. Подтверждением этому явилась острейшая борьба по кандидатурам на очередное (после парламентских выборов) замещение руководящих постов в органах ЕС. Помимо председателя Европарламента (им был избран опытный итальянский законодатель Давид-Мария Сассоли), жаркие споры вызвали кандидатуры председателей Европейской комиссии (ЕК) и Совета Европы, руководителя Европейского центрального банка (ЕЦБ), а также верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности.

Только после напряженных трехдневных переговоров за закрытыми дверями главам государств и правительств членов Евросоюза удалось согласовать список претендентов на указанные ключевые должности. И здесь не обошлось без сюрпризов и неожиданностей, вызвавших неподдельное удивление многих европейских политических экспертов и простых граждан. «Странное обновление руководящих кадров в институтах Европейского союза», — констатировал, например, известный испанский политолог Андрес Ортега [Ortega].

Дело в том, что среди номинантов почти не оказалось тех деятелей, кого изначально выдвигали основные фракции Европарламента по системе так называемого «главного кандидата» (Spitzenkandidat). Например, победителем кулуарной схватки за еэсовский пост № 1 — председателя ЕК — вышла мало известная за пределами своей страны министр обороны Германии Урсула фон дер Ляйен, которая «обошла» таких зубров европейской политики, как немец Манфред Вебер и голландец Франс Тиммерманс. В свою

очередь, Совет Европы после 1 декабря текущего года, когда истекает срок полномочий Дональда Туска, должен возглавить нынешний премьер-министр Бельгии Шарль Мишель, также не имеющий опыта работы в структурах Евросоюза. Похожей неожиданностью явилось и номинирование действующего директора-распорядителя Международного валютного фонда Кристин Лагард на пост председателя ЕЦБ. Критики ее кандидатуры указывали на то обстоятельство, что К. Лагард не знакома «изнутри» с деятельностью европейской банковской системы. Пожалуй, единственным широко известным в Европе деятелем, выдвинутым на одну из главных должностей в органах ЕС — верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности, стал глава испанского МИДа Жосеп Боррель, в 2004–2007 гг. возглавлявший Европарламент [President-elect...].

Разумеется, сам факт достижения соглашений по исключительно важным кадровым вопросам в условиях существующих острых разногласий можно занести в актив лидерам ЕС. Проблема, однако, в том, что в ходе избирательного марафона участвовали в предвыборных дебатах и выдвигали программы деятельности органов Евросоюза на период 2019–2024 гг. (текущий политический цикл) совершенно другие люди, которые в одночасье исчезли из списков основных претендентов на руководство еэсовскими институтами. Будет ли новая команда руководителей в состоянии ответить на стоящие перед Европейским союзом вызовы? На наш взгляд, вопрос остается открытым.

Риски экономического торможения

Одним из главных вызовов для государств-членов Евросоюза в посткризисный период стало ослабление внутреннего хозяйственного драйва, в том числе — замедление роста европейской экономики, которая резко «нажала на тормоз» в 2009 г. и вплоть до сегодняшнего дня по большинству ключевых макроэкономических показателей не вышла на докризисный уровень 2007 г. (табл. 1).

В целом страны Евросоюза «сбросили» темпы прироста ВВП, сократили частное и государственное потребление, снизили инвестиции в основной капитал. Вялый рост демонстрирует производительность труда, но в то же время увеличилась суверенная задолженность, усилившая долговую нагрузку на европейскую экономику. Столкнувшись с затянувшейся стагнацией внутреннего рынка, многие страны ЕС встали на путь интенсивного наращивания экспорта товаров и услуг, что привело, с одной стороны, к существенному повышению этого показателя в объеме ВВП (практически с 38 до 46%), а с другой — к возросшей зависимости от состояния дел в международной экономике и торговле. На фоне перечисленных (и немало количества других) отрицательных и противоречивых индикаторов положительную коннотацию приобрели достигнутый в последние годы профицит бюджета — результат крайне неоднозначной политики «бюджетного аскетизма» (сдерживания и сжатия государственных расходов), а также некоторое снижение общерегионального уровня безработицы. Но при этом в ряде стран безработица, особенно среди молодежи, сохраняется на недопустимо высоком уровне. Давая агрегированную оценку состоянию дел в Евросоюзе, отдельные эксперты (возможно, несколько сгущая краски) характеризуют европейскую экономику как «старую и больную» [Díez].

Таблица 1

**Динамика макроэкономических показателей ЕС-28
(изменение в %, 2018 г. — оценка, 2019 г. — прогноз)**

Показатель	2007	2009	2010	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП	3,1	-4,3	2,1	2,3	2,0	2,4	2,1	1,9
Частное потребление	2,3	-1,4	0,8	2,1	2,4	1,9	1,8	1,9
Государственное потребление	1,8	2,2	0,7	1,4	1,7	1,0	1,2	1,5
Инвестиции в основной капитал	6,2	-11,8	0,0	4,8	3,1	3,1	3,2	2,9
Инвестиции в основной капитал (% ВВП)	23,3	19,8	20,4	20,1	20,4	20,6	20,9	21,1
Экспорт товаров и услуг	6,2	-11,6	10,5	6,2	3,2	5,4	3,4	3,6
Импорт товаров и услуг	6,3	-11,3	9,6	7,1	4,3	4,2	3,2	3,9
Экспорт (% ВВП)	37,9	34,9	38,6	43,8	43,9	45,7	46,3	46,9
Производительность труда	0,9	-2,6	2,9	1,2	0,7	0,8	0,8	1,0
Безработица (уровень в %)	7,2	9,0	9,6	9,4	8,6	7,6	6,9	6,6
Бюджетный результат (% ВВП)	-0,9	-6,6	-6,4	-2,3	-1,7	1,0	0,7	0,8
Государственный долг (% ВВП)	57,5	73,3	79,0	86,0	84,9	83,2	81,4	79,5

Источник: European Commission. Statistical Annex of European Economy. Autumn 2018. P. 81, 197.

Критическое значение имело все более очевидное отставание Евросоюза от общемировых показателей прироста ВВП. В 2010–2019 гг. европейские страны экономически росли медленнее, чем США и большинство других крупных развитых держав, в отдельные годы уступая даже Японии, которая уже два десятилетия не выходит из рецессии (отсюда — расхожий тезис о «японизации» европейской экономики) [Berges, Rojas]. По словам известного испанского эксперта Висенте Ньевеса, сама по себе «японизация» — это еще «не конец света», но для отдельных государств ЕС «она может перерасти в серьезную проблему» [Nieves]. В частности, растущее беспокойство Брюсселя вызывает «топтание на месте» итальянской экономики — третьей по размерам в зоне евро. Помимо низких темпов экономического роста и снижающейся конкурентоспособности итальянских товаров и услуг, все более острой проблемой становится обслуживание суверенного долга Италии, размер которого в 2019 г. превысил 133% ВВП (до кризиса 2008–2009 гг. данный показатель находился на уровне 102–103%) [European Commission. European Economic... p. 194].

Неприятный сюрприз партнерам по ЕС преподнесла Германия, чье ориентированное на экспорт относительно динамичное промышленное развитие резко замедлилось во второй половине 2018 г. (в значительной мере из-за снижения деловой активности на мировых рынках). Помимо этого, дали о себе знать другие узкие места немецкой экономики: стагнация внутреннего потребительского спроса, растущие финансовые проблемы целого ряда ведущих немецких концернов — многолетних символов ее индустриальной мощи (BASF, Bayer, Siemens, ThyssenKrupp, Volkswagen и др.), торможение назревших

структурных реформ (в частности, в банковском секторе) [Five Takeaways...]. Как отмечал известный обозреватель телерадиокомпании «Deutsche Welle» Генрик Боме, «похоже, что лучшие времена для немецкого бизнеса остались в прошлом» [Böhme].

Таким образом, растянувшиеся на десятилетие экономические сложности в отдельных странах-членах ЕС, включая Германию — главный европейский промышленный локомотив, стали причиной низкой динамики общего хозяйственного роста. Причем самый большой разрыв в темпах прироста ВВП наблюдается при сравнении Евросоюза с развивающимися, прежде всего азиатскими, странами во главе с Китаем (табл. 2). Данный тренд сохраняется уже в течение сравнительно длительного времени. В результате, если в 2001 г. на долю 28 стран-членов Европейского союза приходилось свыше 30% мирового ВВП, то в 2018 г. — менее 20% [European Commission. Statistical... p. 17].

Таблица 2

Динамика ВВП (в % к предыдущему году, 2019 г. — оценка)

Регион, страна	2010 –2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мир	3,8	3,4	3,4	3,8	3,6	3,3
Развитые страны	1,6	2,3	1,7	2,4	2,2	1,8
США	2,1	2,9	1,6	2,2	2,9	2,4
Япония	1,6	1,2	0,6	1,9	0,8	0,8
Евросоюз-28	1,1	2,3	2,0	2,5	2,0	1,4
Великобритания	2,0	2,3	1,8	1,8	1,4	1,3
Зона евро	0,8	2,1	2,0	2,4	1,9	1,2
Германия	2,2	1,7	2,2	2,2	1,4	0,5
Франция	1,2	1,1	1,2	2,2	1,6	1,3
Италия	-0,4	0,9	1,1	1,7	0,9	0,1
Испания	-0,9	3,6	3,2	3,0	2,6	2,1
Развивающиеся страны	5,6	4,3	4,6	4,8	4,5	4,4
Азиатские страны	7,4	6,8	6,7	6,6	6,4	6,3

Источник: European Commission. European Economic Forecast. Spring 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. P. 174.

Определенное ослабление традиционно очень сильных позиций государств-членов Евросоюза произошло и в международной торговле. И это несмотря на то, что для многих ведущих европейских стран (Германии, Нидерландов, Бельгии, Великобритании, Дании, Испании, Италии, Франции, Швеции и др.) поставки промышленной и сельскохозяйственной продукции на внешние рынки играют жизненно важную роль, поскольку служат мощным рычагом поддержания национальной деловой активности и диверсификации производства, существенным фактором стимулирования хозяйственного развития.

В 2001–2018 гг. доля государств ЕС в мировом товарном экспорте снизилась с почти 40 до менее чем 33%. Впрочем, это не являлось чем-то исключительным и коррелиро-

вало с сокращением в целом удельного веса развитых держав в глобальной торговле. Например, доля членов Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), в которой главную роль играют США и Канада, за тот же период упала с 18,7 до 13,3% (табл. 3). Однако для европейских государств указанная тенденция была особенно болезненной в силу их крайне высокой (по сравнению с теми же Соединенными Штатами) зависимостью от экспортных поставок. По данным Европейской комиссии, производством товаров для внешних рынков заняты свыше 30 млн жителей стран ЕС (в большинстве своем — высококвалифицированные работники промышленных отраслей). Их рабочие места, материальное благополучие и жизненные перспективы теснейшим образом связаны с состоянием дел в международной торговле [A balanced...].

Глобальное «торговое отступление» государств Евросоюза произошло на фоне (и во многом в результате) сильнейшего экспортного спурта большой группы развивающихся (прежде всего азиатских) стран. Данные таблицы 3 убедительно демонстрируют их высокую внешнеторговую активность. В частности, доля в мировом товарном экспорте десяти членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 2001–2018 гг. возросла с 6,3 до 7,7%, а доля БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) — с 8 до 18,6%. Весьма показательна и сравнительная динамика абсолютных величин экспорта европейских и азиатских стран. Если в указанный период экспорт товаров из Италии и Франции увеличился примерно вдвое, то у Индонезии и Сингапура этот показатель вырос более чем втрое, у Таиланда — в четыре раза, Китая — в 9,4 раза, Вьетнама — почти в 20 раз [Trade map]. Другими словами, Евросоюз сдает позиции как в глобальной производственной сфере, так и на международных рынках.

Таблица 3

Динамика товарного экспорта (млрд долл., доли — в %)

Регион	2001	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Весь мир	6127,5	10340,9	15094,9	16420,1	15898,1	17554,8	19346,6
Евросоюз-28	2426,8	3987,3	5081,2	5247,3	5239,2	5728,1	6307,1
Доля Евросоюза	39,6	38,6	33,7	32,0	33,0	32,6	32,6
НАФТА	1148,5	1475,8	1963,0	2291,1	2215,4	2376,6	2567,3
Доля НАФТА	18,7	14,3	13,0	14,0	13,9	13,5	13,3
БРИКС	494,1	1269,3	2479,8	3153,1	2902,8	3224,4	3600,9
Доля БРИКС	8,0	12,3	16,4	19,2	18,3	18,4	18,6
Китай	266,1	762,0	1577,8	2273,5	2097,6	2263,4	2494,2
Доля Китая	4,3	7,4	10,5	13,9	13,2	12,9	12,9
АСЕАН	383,2	650,7	1051,5	1158,8	1148,0	1320,9	1495,0
Доля АСЕАН	6,3	6,3	7,0	7,1	7,2	7,5	7,7

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. — https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

В июле 2019 г. эксперты МВФ обнародовали аналитический доклад о состоянии и перспективах развития 19 стран зоны евро, в котором указали на главные риски

(downside risks) для экономического роста этих ключевых государств Европейского союза. По мнению авторов документа, в посткризисный период члены еврозоны оказались в ловушке ряда негативных факторов, воздействие которых может иметь долговременный характер [Euro Area Policies...]. В их числе:

- постепенная мультипликация отрицательных последствий торговых войн, которые неизбежно нанесут ущерб критически важному экспортному сектору европейской экономики и тем самым ослабят одну из опор посткризисного развития стран ЕС;
- неотвратимое углубление так называемой «демографической ямы» — сокращение прироста (а затем и уменьшение) экономически активной части населения, что объективным образом ограничит увеличение ВВП;
- вероятное сохранение низких темпов роста производительности труда, поскольку после кризисных потрясений и жестких антикризисных мер в большинстве европейских стран наблюдается «усталость от реформ» (reform fatigue), что не позволяет радикально изменить характер производственных отношений;
- неопределенный характер условий выхода Великобритании из Европейского союза. В любом случае возведение торговых и других барьеров между Лондоном и Брюсселем чревато возникновением непредвиденных рисков (cliff-edge risks), в том числе в финансовом секторе, и в перспективе неизбежно ослабит обе стороны экономически, законсервирует их нынешний «анемичный рост».

Оценки и выводы МВФ весьма показательны, поскольку они, по существу, экстраполируют в обозримое будущее те проблемы и узкие места экономики европейских стран, с которыми Евросоюз сталкивается в настоящее время. Ответ на отмеченные вызовы достаточно очевиден на теоретическом уровне, но не вполне понятно, когда наступит момент его практической реализации.

Геополитический кризис

Помимо экономических переломов, в посткризисный период стали очевидными тектонические по своим масштабам геополитические сдвиги, которые неблагоприятно воздействуют на положение Евросоюза на мировой арене, а потому вызывают растущую обеспокоенность в политических кругах и в экспертном сообществе большинства европейских стран. Специалисты-международники высказывают опасение, что Европа находится на пути превращения в «объект» геостратегической конкуренции ключевых глобальных игроков (США и Китая) и рискует «оказаться на заднем ряду мировой политики» [Simon]. В этом плане обычно выделяют две взаимосвязанные проблемы.

Первая — стремление администрации «непредсказуемого президента» Д. Трампа «пересдать» себе главные козыри в евроатлантических отношениях, включая их финансово-экономическую и военно-политическую составляющие. Отсюда — торпедирование Белым домом проекта Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) под сомнительным предлогом его несоответствия интересам США [Яковлев], попытки ограничить европейский экспорт на американский рынок, ультимативное требование свернуть строительство газопровода «Северный поток-2» и ужесточить санкционный режим в отношении России, усилившийся нажим в вопросах

наращивания расходов на оборону, развертывание в странах Восточной Европы американских систем противоракетной обороны, курс на втягивание Евросоюза в очередной виток антикубинской политики, нагнетание напряженности вокруг иранской ядерной программы и т.д. Значительное число европейских политиков и экспертов считают, что «Соединенные Штаты повернулись к Европе спиной», но одновременно своими резкими действиями Вашингтон может вовлечь союзников в опасные международные авантюры [Suanzes].

Вторая болезненная проблема — нарастающая торгово-экономическая экспансия Китая на товарных и финансовых рынках Старого Света, приобретающая все более явное политическое измерение. Примером может служить фактический раскол в рядах стран-членов ЕС по вопросу об участии в китайском проекте «Один пояс, один путь». Соглашение с КНР подписали большинство государств Евросоюза, включая Австрию, Грецию, Италию, Польшу, Португалию, страны Балтии, Венгрию, Румынию, но до настоящего времени к проекту не присоединились другие участники Объединенной Европы, в том числе Германия, Франция, Испания, Ирландия, Дания, Нидерланды, Финляндия, Швеция [Belt and Road Portal]. В Берлине, Париже, Мадриде и других столицах считают, что китайско-европейские отношения носят асимметричный и невыгодный Европе характер, ссылаясь на огромный дефицит в торговле Евросоюза с Китаем, объем которого в 2001–2018 гг. вырос в четыре с лишним раза и превысил 240 млрд евро (табл. 4).

Таблица 4

Торговля ЕС-28 с Китаем (млрд евро)

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
2001	30,2	88,7	118,9	-58,5
2005	50,7	176,7	227,4	-126,0
2010	113,1	316,3	429,4	-203,2
2015	168,9	398,3	567,2	-229,4
2016	168,8	400,1	568,9	-231,3
2017	195,1	430,3	625,4	-235,2
2018	207,6	449,5	657,1	-241,9

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. — https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

Не меньшие опасения, чем торговый дефицит, вызывает у европейцев агрессивная инвестиционная стратегия крупнейших китайских промышленных компаний, стремящихся овладеть наиболее привлекательными европейскими производственными активами, включая высокотехнологичные, и таким образом стать мощным внутренним фактором хозяйственной жизни стран-членов Евросоюза. Например, широкий отрицательный резонанс в Германии получило приобретение в 2016 г. китайской корпорацией «Midea» крупного немецкого производителя робототехники — компании «Kuka», тесно связанной с местным оборонным комплексом [Fanjul]. На этом фоне в руководящих органах ЕС все чаще раздаются голоса, призывающие европейцев «очнуться и взглянуть

правде в глаза», не на словах, а на деле перейти к активной политике регулирования иностранных капиталовложений и таким образом «сдерживать» финансово-экономическое проникновение КНР в Европу. Предпринимаются настойчивые попытки выработать согласованную повестку по этому непростому вопросу [Simon].

Геополитический риск оказаться «зажатым» между США и Китаем и опуститься на международно-политическое дно ставит перед Евросоюзом многообразные задачи, решение которых, по замыслу брюссельской бюрократии, способно спасти положение и укрепить международные позиции Объединенной Европы. При этом, наряду с отмеченными выше мерами торгово-экономического порядка, страны-члены ЕС рассматривают возможности углубления коммунитарного взаимодействия в других сферах, включая создание собственных объединенных вооруженных сил.

Туманное будущее европейской армии

В ноябре 2018 г. президент Франции Эммануэль Макрон в эксклюзивном интервью радиостанции Europe 1 сравнил нынешнее положение в Европе с ситуацией 1930-х годов (последствия финансово-экономического кризиса и рост националистических настроений) и выступил за формирование «настоящей европейской армии», а также создание системы коллективной обороны на европейском континенте. «Мы должны защищаться! От Китая, России и даже от Соединенных Штатов», — драматически заключил французский лидер [Macron pour une...].

Следует подчеркнуть, что оборонная инициатива Э. Макрона родилась не на пустом месте и не является оригинальной. Европейские политики регулярно высказывают предложения о создании независимой от США единой армии Европейского союза. Так, еврокомиссар по вопросам бюджета Гюнтер Эттингер заявлял, что мечтает об армии, «которая сообща несет ответственность за поддержание демократии, прав человека и свободы в Европе и зарубежных миссиях» [Макронпредложил...].

Более того, европейскую армию со времен окончания Второй мировой войны пытались создать неоднократно, но каждый раз возникали непреодолимые преграды и планы менялись. Напомним основные вехи движения за европейскую армию.

1948 г. — «Брюссельский пакт». Этот документ подписали Бельгия, Великобритания, Люксембург, Нидерланды, Франция. Идея — создание оборонительного союза. Учреждение в 1949 г. НАТО ослабило эту инициативу, но окончательно ее не похоронило.

1954 г. — на базе «Брюссельского пакта» в расширенном составе возник «Западноевропейский союз» (ЗЕС): военно-политическое объединение, к которому присоединилась Италия, а после 1990 г. — Испания, Португалия и Греция [Western European Union...]. Это стало первой попыткой создать единые вооруженные силы Европы. Формально ЗЕС просуществовал до 2011 г., но (несмотря на отдельные попытки вдохнуть в него жизнь) так и не вышел из латентного состояния и в конечном счете был заменен структурами Евросоюза.

1987 г. — Франция и Германия приняли решение о создании единой механизированной бригады, которая была развернута в 1989 г. в составе 6 тыс. человек в пограничных районах двух стран.

В 1992 г. на основе бригады был сформирован Еврокорпус — зачаток общих сил Западной Европы. Правда, в него вошли подразделения ограниченного числа государств. Хотя силы корпуса участвовали в миротворческих операциях в Боснии и Косово, а отдельные западные эксперты стали рассматривать данную структуру в качестве «боевого инструмента ЕС и НАТО», на уровень управления Европейского союза Еврокорпус никогда не выводился и действовал в рамках договора стран-участниц [Eurocorps].

1998 г. — Тони Блэр и Жак Ширак подписали «Декларацию Сен-Мало», целью чего было продвижение вперед в выработке Европейской политики безопасности и обороны и формировании вооруженных сил, способных действовать автономно. Декларация послужила отправной точкой для проекта создания «европейского пула военных ресурсов» — военного контингента, подчиненного структурам Европейского союза и потенциально не зависимо от НАТО. Принятие «Декларации Сен-Мало» стало возможным благодаря сдвигу, который произошел в ранее отрицательном отношении британского правительства Т. Блэра к «европейскому оборонному проекту» [Franco-British...].

1999 г. — принятие Единой концепции европейской политики в области безопасности и обороны (ESDP, с 2009 г. — CSDP). В том же году было решено создать в Евросоюзе Единые силы быстрого реагирования в составе до 15 бригад общей численностью 55–60 тыс. человек. По сути, речь шла о формировании не просто совместных вооруженных сил ряда европейских стран, а именно армии Евросоюза.

Итогом этих решений стало развертывание с 2005 г. так называемых «боевых групп ЕС» (Battle Groups) — подразделений быстрого реагирования, заступающих на боевое дежурство в разных странах Европы в случае возникновения чрезвычайной ситуации. «Боевая группа» (их к настоящему времени создано 18) представляет собой усиленный батальон численностью 1,2–2,5 тыс. Военнослужащих [EU Battlegroup].

Нынешняя волна оборонного сотрудничества в Евросоюзе началась после 2014 г. и была связана с обострением отношений с Россией, а также с изменениями в атлантической политике США, особенно после прихода в Белый дом администрации Д. Трампа.

Ключевым элементом «нового курса» в сфере европейского военного строительства служит так называемое «Постоянное структурированное сотрудничество» («Permanent Structured Cooperation» — PESCO), запущенное в 2017 г. PESCO предполагает формирование внутри ЕС структур, отвечающих за совместную оборонную политику. При этом подчеркивается, что проект не конкурирует с НАТО.

В числе других совместных оборонных инициатив Евросоюза последних лет — Единый фонд обороны (EDF), План оборонных исследований и разработок (EDRP), Общая

программа развития оборонной промышленности (EDIDP). По замыслу, все они должны быть увязаны с PESCO и обеспечивать запуск европейских оборонных проектов.

В 2018 г. девять стран (Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Эстония) поддержали предложение Э. Макрона (сентябрь 2017 г.) о создании европейских сил быстрого реагирования — Европейскую инициативу вмешательства (European Intervention Initiative — EI2). Декларируемая цель EI2 — расширение возможностей стран-участниц совместно осуществлять вооруженные миссии под эгидой НАТО, Евросоюза, ООН или разного рода *ad-hoc* коалиций.

Таким образом, призыв Э. Макрона от ноября 2018 г. явился логичным продолжением усилий европейских государств в военной области. Не случайно заявление французского президента о целесообразности и необходимости создания европейской армии было подхвачено канцлером Германии Ангелой Меркель, привлекло широкое международное внимание, став предметом активного обсуждения в экспертном сообществе и средствах массовой информации.

Интриги добавила резко отрицательная реакция Д. Трампа, который воспринял демарш Э. Макрона как личное оскорбление. В самом деле: европейцы, как подчеркивают в Белом доме, не торопятся увеличивать свои оборонные расходы, участвуя в НАТО, но планируют создавать собственную армию, что неизбежно потребует дополнительного финансирования.

Общим знаменателем экспертных оценок можно считать тезис о том, что реальное формирование собственных объединенных вооруженных сил Евросоюза являет собой практически невыполнимую задачу. Иначе говоря, идея европейской армии в нынешних условиях, в силу многочисленных трудностей национального и коммунитарного характера, не может быть реализована.

Тем не менее, несмотря на известную умозрительность поставленной проблемы, развернувшаяся дискуссия представляет существенный интерес. Она затронула ключевые аспекты политики безопасности ЕС и вышла на широкий круг сюжетов, связанных с переживаемым Евросоюзом турбулентным периодом, который видные европейские деятели определяют как «экзистенциальный кризис» [Molinas, Ramírez Mazarredo].

Главный вопрос, который ставят зарубежные эксперты, — почему идея европейской армии вброшена в информационно-политическое пространство именно сейчас?

По мнению директора Барселонского центра международных отношений (CIDOB) Пола Морильяса, ответ нужно искать в той сложной внутренней и международной обстановке, в которой находится Евросоюз. Макрон и Меркель, отмечает эксперт, хотят «укрыться от растущего евроскептицизма» в тех сферах взаимодействия, где в условиях «дестабилизации европейского проекта» и очевидного «институционального паралича» еще остается «окно возможностей» для развития интеграционных процессов. Лидеры двух крупнейших государств ЕС считают, что европейцы (особенно на фоне

миграционного кризиса и вооруженных действий в непосредственной близости от границ Евросоюза) пока не возражают против углубления сотрудничества в вопросах безопасности, но ситуация на глазах осложняется, и под напором популистов это «окно» может захлопнуться, как и многие другие. Отсюда — отчаянная попытка еврооптимистов сыграть на опережение и активизировать усилия в области совместного оборонного и военного строительства [Morillas].

Другой важный вопрос: о какой армии говорят Макрон и Меркель? Что они конкретно имеют в виду?

Складывается впечатление, что Франция и Германия по-разному видят конкретные задачи европейской армии и пути ее формирования. Для Парижа приоритетом является создание (чем быстрее, тем лучше) сравнительно компактного и управляемого из одного центра европейского корпуса, способного оперативно отомобилизоваться и провести военную операцию быстрого реагирования не только на европейской территории, но и за ее пределами — например, в Африке, где Франция порой вынуждена действовать в одиночку. При этом, похоже, французы, чтобы выиграть время, настаивают на участии в корпусе подразделений всех стран-членов ЕС. Берлин, в свою очередь, считает критически важным создание (возможно, поэтапное) европейской военной структуры с максимально широким составом участников. В Германии понимают, что это — более долгий путь, чем тот, который предлагает Франция, но готовы «играть вдолгую» ради формирования действительно многонациональной армии в рамках Европейского союза.

Разумеется, франко-германские разногласия не носят фундаментального характера, но их наличие затрудняет и без того сложнейшую задачу военного строительства ЕС.

Еще сложнее будет договориться с Вашингтоном, который крайне ревниво относится к планам европейцев, и добиться гармонии в отношениях с НАТО. Напомним, что из 29 государств-членов Североатлантического пакта 22 — участники Евросоюза. Как отмечал директор Института изучения конфликтов Хесус Нуњес Вильяверде, вряд ли всем понравится фактически дублировать усилия и наращивать расходы в сфере обороны в тот момент, когда у многих европейских стран хватает нерешенных социально-экономических задач [Núñez Villaverde].

Все это вместе образует сложную комбинацию трудноразрешимых проблем. В лучшем случае, считает П. Морильяс, «Европа разных скоростей» сможет сформировать «субъевропейские» вооруженные силы с участием ограниченного количества стран [Morillas]. То есть, по оценке экспертов, французский вариант имеет больше шансов на успех. Полон пессимизма вывод, который сделал эксперт «Атлантического совета» Брукс Тигнер: «любые разговоры о создании, даже на протяжении жизни следующего поколения, полноценной единой европейской армии — это все болтовня (jaw-jaw), а не реальные дела» [Tigner].

* * *

2019 г. войдет в историю Европейского союза не только благодаря прошедшим выборам в Европарламент с последовавшей сменой «политического караула» в руководящих органах ЕС. В преддверии третьего десятилетия XXI в. Объединенная Европа вплотную подошла к рубежу, когда безотлагательно необходимо найти ответы на многие судьбоносные вызовы, касающиеся текущего положения и обозримого будущего Евросоюза, выработать и принять внятные решения, способные вывести Евросоюз из зоны повышенных политических, военно-стратегических и торгово-экономических рисков.

В числе таких вызовов беспрецедентно длительная экономическая рецессия и не до конца преодоленные последствия финансового кризиса 2008–2009 гг.; все более очевидная «сдача позиций» в глобальной экономике и торговле; «социальная усталость» населения перед лицом углубляющегося имущественного неравенства; внутривнутриполитическая турбулентность, подогреваемая оживлением левого и правого радикализма; болезненный «развод» с Великобританией и угроза интенсификации сепаратистских тенденций; «фактор Трампа» и выработка новых принципов трансатлантического партнерства; имеющий цивилизационные коннотации миграционный кризис; изматывающая обе стороны «война санкций» с Россией и т.д. Все затянулось в тугую узел проблем, властно требующих скорейшего эффективного решения. Можно сказать, что наступил «момент истины»: Евросоюз должен дать ответ на брошенные ему вызовы, выбрать новую парадигму своего существования, выйти из состояния политической неуверенности.

Литература

- Макрон предложил создать общеевропейскую армию // РИА Новости. 06.11.2018. — URL: ria.ru/20181106/1532176979.html (date of access: 23.07.2019).
- Яковлев П.П. «Эффект Трампа» и зигзаги трансатлантического партнерства // Международная торговля и торговая политика. 2017. № 2 (10). С. 108–124.
- 2019 European election results. European Parliament // European Parliament. 19.07.2019. — URL: <https://election-results.eu/> (date of access: 23.07.2019).
- A balanced and progressive trade policy to harness globalization // European Commission. — URL: ec.europa.eu/commission/priorities/balanced-and-progressive-trade-policy-harness-globalisation_en (date of access: 23.07.2019).
- Belt and Road Portal. — URL: eng.yidaiyilu.gov.cn/ (date of access: 23.07.2019).
- Berges Á., Rojas F. Europa se 'japoniza' // El País. 04.07.2019.
- Bóhne H. ¿Se termina el éxito económico de Alemania? // América Economía. 18.07.2019. — URL: americaeconomia.com/analisis-opinion/se-termina-el-exito-economico-de-alemania (date of access: 23.07.2019).
- Díez C.J. La UE y Mercosur // El País. 04.07.2019.
- EU Battlegroup. — URL: globalsecurity.org/military/world/europe/eu-battlegroups.htm (date of access: 23.07.2019).
- Euro Area Policies : 2019 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Member Countries // IMF. 11.07.2019. — URL: imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/07/10/Euro-Area-Policies-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-47101 (date of access: 23.07.2019).

- Eurocorps. A Military Tool for Europe and NATO. — URL: ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2016/Eurocorps_A_military_tool_for_EU_and_NATO.pdf (date of access: 23.07.2019).
- European Commission. European Economic Forecast. Spring 2019. Luxembourg. 2019.
- European Commission. Statistical Annex of European Economy. Autumn 2018.
- Facts and figures: the European Parliament's new term // European Parliament. News. 09.07.2019. — URL: europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20190705ST056305/facts-and-figures-the-european-parliament-s-new-term (date of access: 23.07.2019).
- Fanjul E.* Inversiones extranjeras: bienvenidas, pero bajo control // Elcano. 12.07.2019. — URL: blog.realinstitutoelcano.org/inversiones-extranjeras-bienvenidas-pero-bajo-control/ (date of access: 23.07.2019).
- Five Takeaways from Germany's Economic Outlook // IMF News. 10.07.2019. — URL: imf.org/en/News/Articles/2019/07/09/ (date of access: 23.07.2019).
- Franco-British St. Malo Declaration (4 December 1998). Text // CVCE.eu. — URL: cvce.eu/obj/franco_british_st_malo_declaration_4_december_1998-en-f3cd16fb-fc37-4d52-936f-c8e9bc80f24f.html (date of access: 23.07.2019).
- Macron pour une "vraie armée européenne": un projet réalisable? // Europe 1. 06.11.2018. — URL: europe1.fr/politique/macron-pour-une-vraie-armee-europeenne-un-projet-realisable-3794831 (date of access: 23.07.2019).
- Molinas C., Ramírez Mazarredo F.* La crisis existencial de Europa. ¿Es la Unión Europea el problema o la solución? Barcelona. 2017.
- Morillas P.* El espectro del Ejército europeo // El País. Madrid. 21.11.2018.
- Nieves V.* Los cuatro factores que están dejando a la Eurozona sin respiración y podrían 'dormir' su economía durante años // El Economista. 15.07.2019.
- Núñez Villaverde J.A.* Un ejército europeo...para pasado mañana // Elcano. 19.11.2019. — URL: blog.realinstitutoelcano.org/un-ejercito-europeo-para-pasado-manana/ (date of access: 23.07.2019).
- Ortega A.* Extraña renovación institucional de la UE // Elcano. 16.07.2019. — URL: blog.realinstitutoelcano.org/extrana-renovacion-institucional-de-la-ue/ (date of access: 23.07.2019).
- The Political Groups of the European Parliament // European Parliament. — URL: europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups (date of access: 23.07.2019).
- President-elect Ursula von der Leyen. Towards a new Commission (2019-2024) // European Commission. — URL: ec.europa.eu/commission/interim_en (date of access: 23.07.2019).
- Simon L.* Subject and object: Europe and the emerging great-power competition // Elcano. 30.05.2019. — URL: realinstitutoelcano.org/wps/portal/ (date of access: 23.07.2019).
- Suanzes P.* Un presidente «imprevisible» // El Mundo. Madrid. 15.05.2019.
- Tigner B.* A 'European' Army? Eminently Defensible But Not Probable for a Long Time to Come // Atlantic Council. 13.11.2018. — URL: atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/a-european-army-eminently-defensible-but-not-probable-for-a-long-time-to-come (date of access: 23.07.2019).
- Trade map. Trade statistics for international business development // ITC. — URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm= (date of access: 23.07.2019).
- Western European Union. Union de l'Europe Occidentale. — URL: weu.int/ (date of access: 23.07.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-83-94

УДК 93; 94; 321; 329

Элла Задоржнюк

Взгляды британского геополитика на славянский вопрос (к 100-летию выхода книги Х.Д. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность»)

Аннотация. В книге Х.Д. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность», вышедшей 100 лет назад, термин «славянский вопрос» отсутствует. Однако в своем знаменитом заклинании о ключе к господству над миром британский геополитик говорил как раз о Восточной Европе и населяющих ее славянских народах. Пояс государств, появившихся на карте между побежденной Германией и революционизированной Россией, идентифицировался им как «стратегический Хартленд». Решение славянского вопроса Маккиндер предлагал связать с продвижением в этих странах «демократических идеалов», допуская и меры принуждения к их принятию.

Ключевые слова: Х.Д. Маккиндер, демократические идеалы, славянский вопрос, Восточная Европа, Хартленд, Версальский мир, субрегионы.

Хэлфорд Джон Маккиндер (1861–1947) — английский географ и политик, государственный деятель и дипломат, создатель теории Хартленда (сердца земли), один из основателей и руководителей Лондонской школы экономики и политики — считается классиком геополитики. В нашей стране этот автор достаточно известен: опубликованы в переводе на русский язык фрагменты его книг и отдельных статей с комментариями к ним. В то же время имеются и некоторые лакуны в изучении наследия Маккиндера — в первую очередь, это относится к тому, что можно условно назвать его подходом к славянскому вопросу.

Геополитике посвящены прежде всего три классических труда Маккиндера: «Географическая ось истории» (1904), «Демократические идеалы и реальность: исследования политики реконструкции» (1919) и «Круглая Земля и обретение мира» (1943) [Mackinder The Geographical... Mackinder Democratic... Mackinder The Round...]. Основное внимание в данной статье будет уделено второму труду¹, столетний юбилей выхода которого в свет, равно как и столетие заключения Версальского договора, отмечаются в 2019 г.

1 В статье анализируется текст этой книги Х.Д. Маккиндера, переизданной в Вашингтоне в 1942 г., поскольку именно в ней публикуется указатель имен.

Сведения об авторе: ЗАДОРЖНЮК Элла Григорьевна — заведующая Отделом стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, доктор исторических наук, tanyaslav@rambler.ru.

При первом прочтении книги создается впечатление, что славянский вопрос находится на периферии внимания автора. Однако примерно в ее середине Маккиндер помещает свое знаменитое заклинание, в первой строке которого говорится как раз о Восточной Европе и населяющих ее народах (оно выделено автором курсивом и расположено в виде строфы):

*«Кто управляет Восточной Европой, господствует над Хартлендом:
Кто управляет Хартлендом, господствует над Мировым Островом:
Кто управляет Мировым Островом, господствует над Миром» [Who rules...].*

Не прибегая к формулировке «славянский вопрос», относящейся не только к Восточной Европе, но во многом и к России, Маккиндер тем не менее предлагает решение этого вопроса, связанное с продвижением «демократических идеалов» после Версальского мира.

С одной стороны, он допускает, что носители «реальностей» в каждой из стран данного региона, идентифицируемого им как пояс государств между побежденной и Германией и революционизированной Россией, могут интерпретировать эти идеалы по-своему, а с другой — допускает и меры принуждения к их принятию, пафосно заключая, что лишь их воплощение принесет мир между классами и народами.

Маккиндер имел и непосредственное отношение к насаждению демократических идеалов, консультируя участников Версальского договора с английской (и американской) стороны, а позже (в 1919–1920 гг.) являясь Верховным комиссаром британского правительства и Антанты на юге России. Миссия эта оказалась неудачной, поскольку русский генерал А.И. Деникин — представитель одного из славянских народов — отказывался в полной мере следовать его наставлениям, включающим, к примеру, планы федерализации России — «единой и неделимой», как считали лидеры белого движения.

С некоторой настороженностью к ряду инициатив Маккиндера относились и лидеры славянских государств в Восточной Европе. А сам он, к примеру, ни разу не упоминает в своем труде одного из них — Т.Г. Масарика, который был, как и Маккиндер (а также президент США В. Вильсон), профессором и столь же ярым защитником демократических идеалов.

Славянский вопрос косвенно затрагивался Маккиндером еще в статье 1904 г. — когда Россия и Япония столкнулись в борьбе за морские рубежи. «Тевтоны, — пишет он, в чем-то предвосхищая идеи евразийцев, — были цивилизованы и приняли христианство от римлян, славяне же — от греков. Именно романо-тевтонцы впоследствии плыли по морям. И именно греко-славяне скакали по степям, покоряя туранские народы. Так что современная сухопутная держава отличается от морской даже в источнике своих идеалов, а не в материальных условиях и мобильности» [Маккиндер Географическая... с.98].

Здесь напрашиваются два замечания. Во-первых, в начале XX в. Россия стремилась быть сильной морской державой, причем не только на восточном, но и на северном на-

правлениях: намечались планы строительства незамерзающего порта на Кольском полуострове и освоения Северного морского пути. Во-вторых, романо-тевтонцы ощутимо оттесняли греко-славян как раз на их землях, особенно на Балканах. Они же превратили в орудие давления католицизм, сделав, к примеру, Польшу своим форпостом на востоке.

С книгой «Демократические идеалы и реальность» сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, редко кто не цитирует знаменитое заклинание. Вряд ли следует сомневаться при его истолковании, что именно Восточная Европа, населенная в основном славянскими народами, правомерно идентифицируется Маккиндером как «стратегический Хартленд» — ключевой пункт европейской и общемировой политики. Вместе с тем у Маккиндера этот ареал представлен настолько неопределенно, что его трудно очертить по государственным и культурно-этническим границам. Создается даже впечатление, что Маккиндер и его в основном англоязычные комментаторы нарочно запутывают ситуацию, обращаясь часто к аргументам культурно-исторического порядка с целью доказательства релевантности ключевых геополитических идей.

Одно из таких мест в книге Маккиндера доказывает безальтернативность контроля над этим регионом морских держав, в первую очередь Англии и США. Эту идею автору пришлось проводить с большой тщательностью, не обходя того, что в его времена именовалось и сейчас еще иногда именуется славянским вопросом.

С учетом подходов Х. Маккиндера к Восточной Европе как «стратегическому Хартленду» и к славянскому вопросу как одному из ее идентификаторов, рассмотрим, как он оценивает условия возникновения и предпосылки развития в данном регионе новых государств после Версальского мира. Чтобы сузить исследовательское поле, введем понятие «малая Восточная Европа» для обозначения существовавших и возникших на данном пространстве 10 таких государств (включив в их число лишь вскользь упоминаемые Маккиндером страны Балтии). Под «большой Восточной Европой» Маккиндер подразумевает гораздо более обширные территории, включая Германию и Россию.

Хартленд поначалу определялся Маккиндером как северо-восточная часть Евразии, окаймленная с юга и востока горными системами. В 1904 г. британский геополитик идентифицировал Хартленд как ось истории, роль которой будет возрастать с развитием сухопутных транспортных путей, в основном — железных дорог [Там же, с. 99]. Полтора десятилетия спустя толкование данного термина было им скорректировано. В трактовке 1919 г. «Хартленд для целей стратегического значения включает в себя Балтийское море, срединное и нижнее течение Дуная, пригодные для судоходства, Черное море, Малую Азию, Армению, Персию, Тибет и Монголию. Внутри него, таким образом, были Бранденбург — Пруссия и Австро-Венгрия, как и Россия — обширная тройственная база людского ресурса, которого недоставало конным войскам Суши на протяжении всей истории. Хартленд — это регион, к которому при современных условиях морские державы могут потерять доступ, несмотря на то, что западная его часть находится вне регионов арктического и континентального стоков. Существует одно поразительное физическое обстоятельство, связывающее все это вместе: вся территория,

доходя даже до краев Персидских гор, возвышающихся над знойной Месопотамией, покрывается снегом в зимний период. Граница средней температуры замерзания для января проходит от Северного мыса Норвегии на юг, как раз в пределах «Щита» островов, вдоль побережья Норвегии, через Данию, пересекая Среднюю Германию к Альпам и от Альп на восток — вдоль Балканского хребта. Одесский залив и Азовское море замерзают каждый год, как и большая часть Балтийского моря. В середине зимы, как видится из космоса [в оригинале — “fromthemoon”. — Прим. ред.], обширный белый щит выдает Хартленд в его широком понимании» [Маккиндер Демократические... с. 143–144].

Как предполагалось оперировать этим уточненным определением в реально складывавшейся после 1917 г. (революция в России) и 1918 г. (поражение Германии и Австро-Венгрии) ситуации?

Конкретизируя свою цель продвижения демократических идеалов, Маккиндер в ходе заключения Версальского мира ввел уточненное понятие «стратегический Хартленд», соотнеся его с тремя субрегионами Восточной Европы. Они, в свою очередь, во многом идентифицировались с уже неимперской Германией, революционизировавшейся Россией и поясом государств между ними. При этом Маккиндер допускал, что Германия (еще полностью не побежденная: работа писалась в 1918 г.) выступала — и способна была выступить в будущем — наконечником копья, направленным против морских держав. Если древком этого копья стала бы неимперская Россия (что, согласно Маккиндеру, было вполне вероятно), то его сила многократно возросла бы — вероятность этого варианта он объяснял тем, что ранее элита России была полунемецкой, да и революция проходила в ней по лекалам немца К. Маркса.

Чтобы предотвратить возникновение такой угрозы, на территориях трех бывших империй (включая Австро-Венгерскую) и нужно, утверждал он, внедрять демократические идеалы в новых странах региона, ставшего «бесхозным». Ведь революция приведет к саморазрушительной «марксовой войне международных классов, пролетариата против буржуазии, а в дальнейшем — одной части пролетариата против других. В России — это столкновение городских рабочих с крестьянством, ...итогом может стать мировая анархия и мировая тирания» [Там же, с. 144]. То же, что произошло в России — ранее династической, а теперь большевистской — может произойти и во всех субрегионах: «Русские, прусские и венгерские равнины с присущей им значительной похожестью социальных условий весьма пригодны как для маршей милитаризма, так и для пропаганды синдикализма. И против этого двуглавого орла [сухопутной силы] страны Запада и островов должны выступать постоянно» [Там же].

Выход из ситуации — закрепление внедряемых не без силового давления морских держав демократических идеалов на этих географически детерминированных (экс) тиранических пространствах. И во имя указанной цели допустимо расчленение Восточной Европы на три субрегиона: 1) Германию, 2) Россию и 3) пояс государств между ними — наиболее подходящую почву для взращивания демократии. (Не удержимся от едкого замечания — 70 лет спустя после написания труда Маккиндера эта «новья» была

вспахана еще раз для возвращивания на ней демократии — вместе со стремительно раскрывшейся такой особенностью этого проекта, как русофобия).

С целью устранения угрозы мировой тирании (*world-tyranny*), исходившей от двух первых субрегионов, и особенно их союза, необходимо, утверждал Маккиндер, стратегическое мышление в экономике и укоренение основ демократии в политике, присущие в первую очередь Англии и США. Столкновение Хартленда с ними в исторической ретроспективе и перспективе неизбежно; лишь победа в таком столкновении обеспечит свободу наций, а через нее — свободу отдельного человека и всех людей.

Прежде чем искать в тексте Маккиндера ответ на частный, казалось бы, славянский вопрос, приведем общие оценки его концепции, данные отечественными исследователями.

В. Цымбурский, комментируя трактат о демократических идеалах, отмечал в качестве одной из поставленных в нем целей умиротворение «тевтонов» путем переориентации их центра: с Берлина как «осевого меридиана Восточной Европы» на Гамбург — морские ворота, открытые на Запад. При этом Маккиндер рекомендовал сдерживать как ранее осуществлявшееся насильственное онемечивание славян, так и их текущую на тот момент большевизацию, не допуская, чтобы их контролировала «полуонемеченная Россия». Российский политолог полагал, что прогнозы Маккиндера опровергались чуть ли не сразу после их появления, но при этом отличались высокой степенью релевантности. По словам Цымбурского, этот Гомер геополитики был в чем-то слеп, как и поэт Гомер, но во многом так же мудр на века. Ему была присуща «преднамеренность двусмысленностей», что как раз и позволяло выходить из роли прогнозиста, становясь визионером. Поэтому-то и сегодня Маккиндера читают, переводят и истолковывают [Цымбурский].

Известный историк Н. Нарочницкая в своей монографии о роли России в мировой истории (в главе под названием «Россия, “Mitteleuropa” и Балканы в англосаксонской “геополитической оси” современной истории») подчеркивала, что в трактате о демократических идеалах «Маккиндер лишь облек в экзотическую терминологию достаточно простую зависимость от объективных географических условий возможности для англосаксов, отделенных от Европы, не допустить усиления динамичных держав, расположенных в глубине континента» [Нарочницкая Россия... с. 374]. Этим как раз и детерминируется борьба за «стратегический Хартленд» не только после 1919 г., но также после 1945 и 1989 гг.

Х. Маккиндер начинает свою книгу с анализа четырех мировых войн, имевших место в последние четыре столетия. Первой явилось столкновение протестантов и католиков в начале XVI в. как раз на территориях Восточной Европы. «Крупные войны в истории — имеются в виду мировые войны каждые из ста лет в течение последних четырех столетий — это результат, прямой или косвенный, разных темпов развития наций, причем не всегда вследствие большей одаренности или энергии одной нации по сравнению с другой; в значительной мере эти войны — итог неравного распределения между

ними богатств стратегических ресурсов, наличествующих на земном шаре» [Mackinder Democratic... p. 1], — утверждал Маккиндер.

Четвертая — Первая мировая — война, уже в XX столетии, началась в старом стиле, однако на третьем ее году случилось нечто принципиально новое: в России произошла революция и в войну вступили США. В итоге Германия и Австро-Венгрия — бывшие хозяева проживавших здесь славянских народов — потерпели поражение, появился шанс сделать мир «пространством безопасным для демократии» [ibid, p. 44].

Согласно Маккиндеру, в XIX в. Россия продвигалась на восток и на юг, стремясь при этом оказывать влияние на западе, в первую очередь на славянство, причем не всегда это проходило бесконфликтно, что продемонстрировали Крымская война и польские восстания. Это влияние России постоянно тревожило «Латинский полуостров» (так Маккиндер именуется страны Европы к западу от границ Германии) и Великобританию. К концу века, «немцы Пруссии и Австрии вознамерились подчинить славян своему влиянию и эксплуатировать их» [ibid, p. 79]. Бисмарк считал, что эта цель достижима, если добиться разобщения Западной Европы, заигрывая при этом с Россией [ibid, p. 89].

Но затем России было предъявлено обвинение, будто именно она натравливала славян на Германию, что послужило причиной войны и за что пришлось-де расплачиваться французам. Немцам надо было бы двинуться против громоздкой России, а они почему-то сосредоточили удар на коротком пространстве границы с Францией. Если бы Германия на этом участке лишь оборонялась, то «весьма вероятно, что и мир в мире был бы номинально сохранен сегодня», пишет Маккиндер [ibid, p. 106].

Лишь вхождение в войну США решило задачу победы, поскольку, как уверяет Маккиндер, «в сложившихся условиях одна Западная Европа оказалась не в состоянии полностью изменить ситуацию на востоке» [ibid, p. 105]. К 1919 г. произошла смена декораций: появился шанс превратить страны Восточной Европы в ареал демократии, чего хотели и населявшие их народы. Последняя война возникла в Европе из восстания славян против немцев, но в итоге появилась возможность избавиться с помощью Англии и Франции от воздействия на них (славян) не только Германии, но и России.

«Западная Европа, — провозглашал Маккиндер, — как островная, так и полуостровная, должна непременно противостоять попыткам любой державы консолидировать ресурсы Восточной Европы и Хартленда. Мы выступали против полунемецкого Российского Царства, потому что Россия угрожающе доминировала посредством своей мощи и в Восточной Европе, и в Хартленде в течение полувека» — такие слова о бывшем союзнике по Антанте использует Маккиндер [ibid, p. 98–99]. (Под Восточной Европой Маккиндер подразумевает упомянутый выше «стратегический Хартленд».)

На карте в книге Маккиндера, нарочито нечеткой (так, на ней не показана уже состоявшаяся к этому времени в качестве независимой Латвия и не названа Албания), приведены эскизные очертания 10 стран, расположенных между Россией и Германией в 1919 г. Они и составляют в рамках «стратегического Хартленда» — Восточной Европы

некую срединную цепь, или пояс (the Middle Tier) государств. В их числе три балтийских, четыре славянских страны, а также Венгрия, Румыния и Албания. «Великими» среди них Маккиндер почему-то именуется Богемия, Сербию и Румынию.

Непонятно, по какой причине Маккиндер идентифицирует многонациональную Чехословакию как «Великую Богемию», по названию лишь части Чехии. При этом он не забывает напомнить, что она окружена с двух сторон Германией, с третьей — Польшей и с четвертой — Венгрией, а ведь две последние страны граничат со Словакией, очень четко описанной соотечественником Маккиндера Р.У. Сетон-Уотсеном. «Великая», или «Большая» Сербия» — это, соответственно, тоже многонациональное государство, названное Королевством сербов, хорватов и словенцев; у последних двух народов термин Маккиндера явно вызывал аллергическую реакцию, почему они и настояли на указанном названии.

Далее английский геополитик расшифровывает свою метафору «пояса государств» — полноправных членов Лиги Наций, в которой он видел «единственную альтернативу аду на земле». Одна из целей — «адекватное дробление Восточной Европы». Пояс новых независимых государств, условно говоря, заполняет траншею между Россией и Германией. Это едва ли достижимо через реализацию немецкой концепции Центральной Европы (Mitteleuropa), обосновывавшейся, в частности, современником Маккиндера, евангелическим пастором Ф. Науманном и предполагавшей доминирование здесь Германии. По утверждению Маккиндера, такой план «оставил бы немцев и славян в состоянии взаимного соперничества, и долговременная стабильность не была бы обеспечена. Именно Срединный пояс стран, поддерживаемый внешними государствами в рамках всемирной Лиги, позволит разбить Восточную Европу больше чем на две “государство-системы”. Более того, государства пояса, примерно равные другу другу по силе, сами составят группу, весьма подходящую для включения в Лигу» [ibid, p. 120].

Быть может, тогда (побежденная) Пруссия — «структура чисто искусственная, в отличие от Англии или Франции», и (революционная) Россия тоже превратятся в некие подобия федерации? — ставит вопрос Маккиндер. Точнее, два вопроса: первый фиксирует возможность, второй обозначает сомнение в том, что история противостояния двух великих империй завершится таким образом. Но что бы в «стратегическом Хартленде» ни произошло, он должен находиться под контролем «морских держав», уверяет Маккиндер. Ибо «кто управляет Восточной Европой...», тот в конечном счете «господствует над миром».

Взглянем пристальнее на страны, уже вошедшие в своеобразную федерацию во имя демократических идеалов, главным образом славянские. Их характеристика, данная Маккиндером, далека от полноты и изобилует небрежностями, едва ли допустимыми как для политика, так и для географа.

Итак, Польша в его описании: страна, до 1918 г. разделенная между тремя империями, северный фланг маккиндеровского «пояса». Освободившись от царской России,

20-миллионный народ собрался вдоль бассейна Вислы вокруг своих исторических столиц — Кракова и Варшавы. Поляки сохранили идентичность своей культуры, спасая ее и от менее цивилизованных русских, и от более цивилизованных немцев. Польша на карте окружена с двух сторон Германией, с третьей — Россией. В состав Польши на карте пока не входят «Кресы» — земли Западной Украины, Белоруссии и Литвы, захваченные только в 1920 г. Она получила доступ к Балтийскому морю, став буфером между Германией и Россией. Выход на Балтику — выход и в Западную Европу, значимый экономически и политически. Но узость этого выхода и тяготение друг к другу двух частей Германии, разделенных полосой польской территории, нельзя не считать источником геополитических бед в будущем.

Стремясь их предотвратить, Маккиндер размышляет: «почему бы нам не попытаться сделать обмен [немецкого] населения Пруссии восточнее Вислы и поляков в Познани»? [Ibid, p. 113] После Версаля не получилось, но спустя 25 лет совет Маккиндера вспомнили. Когда он описывал ситуацию в регионе, трудно было угадать, кого новая Польша больше ненавидит — новую большевистскую Россию или старую антиславянскую Германию. Польша в этой конструкции — своеобразный замковый камень Восточной Европы.

9 млн. населявших «Богемию» чехов и словаков — «наиболее энергичный малый народ в Европе», пишет Маккиндер [Ibid, p. 114]; страна — перекресток путей от Варшавы до Вены и от Балтики до Адриатики. Она может предложить соседям уголь и металлы, лесоматериалы и вино — для себя всего этого ей хватает. Но крупнейшие меньшинства — немецкое и венгерское, в меньшей мере русинское (и оно тоже не забыто) — все-таки представляют загадку для будущего, заключает Маккиндер. (Добавим, не столь отдаленного будущего — менее чем через 20 лет Н. Чемберлену, одному из главных «отцов» Мюнхенского сговора, удалось все-таки отдать славянские земли немцам, венграм, а заодно и полякам).

Относительно чехов, как ранее относительно поляков, Маккиндер поставил ряд вопросов. Смогут ли они преодолеть искушение большевизмом? Найдутся ли у них силы противостоять Германии и Венгрии? «Станут ли они местом расцвета современной индустрии и современного образования?» [Ibid, p. 112] Вопросы во многом риторические, но все же продиктованные, так сказать, заботой и вниманием. Ведь страна находится в самом центре «стратегического Хартленда».

Воля к государственному строительству у народа есть, еще ранее замечает Маккиндер. Так, военная сила «зарекомендовала» себя в России: чехословацкий корпус контролировал многие жизнеобеспечивающие объекты, в частности, Транссибирскую магистраль, а также кооперировался севернее с британскими войсками [Ibid, p. 85]. Поэтому перспективы и второго славянского государства, верного друга «морских держав», Маккиндера обнадеживали.

Очередная страна, «враждебная» в недалеком прошлом, — Болгария. Болгары — пришельцы с востока, овладевшие славянской культурой. Вместе с вековыми врага-

ми — турками они воевали против Антанты, немцы же поставляли им царей. Ранее болгары вместе с сербами боролись против турок, опираясь на религиозную общность. Затем, пишет Маккиндер, между этими балканскими народами (чьи различия, хотя и стали заметнее, остаются различиями внутрисемейными) разгорелись два военных столкновения в ходе Второй балканской и Первой мировой войн. Однако «если они сочтут справедливыми условия, продиктованные союзными державами, обе страны, истерзанные военными действиями, по всей видимости, с радостью пойдут на примирение» [ibid, p. 116].

12 миллионов южных славян — югославов — разделялись Маккиндером на православных и католиков (мусульмане не упомянуты); созданное 1 декабря 1918 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев лежит на пути к Константинополю и имеет морские порты, что важно для Европы. Страна — узел трудноразрешимых этнических противоречий. Ключевое событие здесь — аннексия Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии и Герцеговины. Оно насторожило Британию, которая противодействовала влиянию Германии. «Военных действий небольшой Сербии, поддерживаемой ее большой сестрой Россией» [ibid, p. 107], не удалось избежать. И все же союз между южными славянами достигим посредством их выхода из-под власти Австро-Венгрии, что доказало единение католиков — хорватов и словенцев — с греко-православными сербами. Естественно, под надзором союзников, о чем Маккиндер предпочитал не упоминать.

В итоге же, как продемонстрировал пост версальский период истории «стратегического Хартленда», революции во имя демократических идеалов в большинстве стран региона (за единственным исключением Чехословакии) завершились установлением национальных вариантов диктатуры. Внешнеполитические же их предпочтения отличались динамичной мозаичностью. Постпилсудская Польша выбирала то Германию (получив в 1938 г. в качестве вознаграждения Тешинскую область), то Англию и Францию. Чехословакия раскалывалась по этническому принципу, и словацкий католический священник, а впоследствии президент Йозеф Тисо однозначно встал на сторону Германии, как и лидеры Венгрии, Румынии, Болгарии. В Югославии, где вызревали кровавые конфликты, ключевая часть страны — Сербия — сохраняла пророссийские позиции.

Горевали ли поборники демократических идеалов за Ла-Маншем и за океаном по поводу сложившейся ситуации? Вряд ли. Они ожидали столкновения Германии и СССР и второго раунда насаждения «демократических идеалов» — после того как мир победит, но не сможет в полной мере воспользоваться плодами победы. Не получилось, что признавал и сам классик геополитики в привлекшей всеобщее внимание статье «Круглая Земля и обретение мира» (1943 г.). Она вышла год спустя после очередного переиздания книги Маккиндера о демократических идеалах, ее тезисы остаются и сегодня материалом для многих не только политических спекуляций, но даже фантазий.

О Хартленде в статье опять говорится по-новому, а признание доминирования СССР над Восточной Европой является, согласно Маккиндеру, почти безальтернативным. При этом присущая ему осторожность сквозит в суждении, завершающем третью часть

статьи: «Если Советский Союз выйдет из этой войны победителем Германии, он должен будет считаться величайшей сухопутной державой на планете. Помимо этого, он будет державой в стратегически сложившейся оборонительной позиции» [Маккиндер Круглая... с. 76]. (Правда, СССР оставалось менее 50 лет жизни после этого предсказания. Зато Российская Федерация — его преемник — стала мощной морской державой и, освоив Арктику, может превратиться и в державу доминирующую, причем не только в военном отношении.) О «стратегическом Хартленде», или, согласно нашему термину, «малой Восточной Европе», в статье ни слова; она — под советским контролем по умолчанию.

Пафос работ Маккиндера сводится к тому, что Восточная Европа была (и остается) регионом столкновения западного (немецкого, а затем англо-американского) и славянского начал. Эти столкновения неизбежны по самому принципу организации Хартленда, который обречен производить мирообъединительные устремления. Поскольку столкновения жестко детерминированы самим мироустройством, необходима их регуляция, миссию которой осуществляет внешняя сила. Таковой, по убеждению Маккиндера, выступает Великобритания, а если у нее даже вместе с ее бывшими доминионами не хватает потенциала, в игру вступают США.

Н. Нарочницкая в работе «Версальский договор и начало новой геополитической эпохи» правомерно утверждает: «стратегия Маккиндера служит извечной задаче британской политики: предупредить усиление любой континентальной державы и не допустить гипотетической русско-германской “entente”» [Нарочницкая Русский... с. 175].

Крайне абстрактная схема Маккиндера все же в какой-то мере объясняет многие исторические реалии, но ее цель — оправдание вмешательства, особенно в точках бифуркации или окружающих их зонах. Неудивительно, что интерес к мыслям и проектам регуляции с опорой на морские державы вспыхивал в весьма непростые времена.

И в новых конфигурациях столкновений контроль над Восточной Европой все еще играет одну из определяющих ролей, зафиксированной в его знаменитой формуле. Сегодня регион снова остается как бы без «хозяина»: Россия, отбиваясь от очередного *Drang nach Osten* (сегодня это скорее *Push to East*) через Украину, контролировать его не может, а Запад (Европы) все в большей мере не желает. Германия довольствуется лишь экономической экспансией, Франция ослаблена внутривосточными конфликтами. Контроль со стороны Англии носит совсем уж причудливые формы — если вспомнить казус Скрипалей: мощь натиска сместилась в весьма нелепые информационные войны, а Брекзит торит пути аналогичным тенденциям в Центральной Европе. США тоже не видят особого профита в контроле над евроскептически, а в чем-то евроатлантически настроенными народами восточноевропейских стран, как бы предвидя: поля генеральных сражений смещаются. Не превратить ли в этом плане странам региона нужду в добродетель, не стать ли, действительно, автономной мироустроительной единицей? Например, добиваясь хотя бы автономии в рамках военно-политического блока НАТО и трансгосударственного объединения под названием «Европейский союз»? Надежд на это не так много, но очень уж ощутимо и быстро меняется мир — с опорой

на возвращаемые внутри, а не импортируемые (в частности, по рецептам Маккиндера) демократические идеалы.

Рассматриваемый труд 1919 г. содержит рецепты автора в решении славянского вопроса в ключевой для народов стран Восточной Европы период. Эти рецепты имплицитно предполагали, что лишь влияние Англии и США смогут содействовать насаждению здесь демократических идеалов. История показала, что события шли далеко не по предполагаемым Маккиндером сценариям, и чем ближе к 1939 г., тем в большей степени.

Первое издание трактата «благословляло» Версальский мир с надеждой, что идеалист В. Вильсон и прагматик Д. Ллойд Джордж осуществят миссию посредников между претендентами на лидерство в Хартленде. Миссия провалилась, в частности, вследствие страха перед импульсом, исходившим от «большевистской России», якобы способной осуществить мировую революцию.

И все же интерес к работе Маккиндера не угасал и не угасает. Данная работа переиздавалась в 1942, 1962, 1981, 1996 г.; несколько изданий продублированы в Интернете (мы использовали издание 1942 г., включающее обширный справочный аппарат). Фрагменты книги активно публикуются в переводе на русский язык, выходили и выходят на других славянских языках.

На наш взгляд, сроки публикации переизданий и указанных переводов не случайны, Маккиндеру удалось увидеть то, что кроется за фактами. Данная статья, посвященная реконструкции взглядов Маккиндера на славянский вопрос и славянство — лишь первая попытка рассмотреть поднятые им в этой связи проблемы в широкой исторической ретроспективе и перспективе. Ведь не случайно, если говорить о странах Восточной Европы (остающейся до настоящего времени «стратегическим Хартлендом»), его заклинание о настоятельности управления ими/им воспроизводится постоянно.

Итак, славянский вопрос Маккиндером ставился, хотя чаще всего в завуалированной форме. Он как бы суггестивно убеждал: при немецком давлении и русском самодержавном покровительстве славянским народам было плохо. После Версаля, когда им предоставлен шанс внедрить «демократические идеалы», станет лучше... Этого не случилось, и спустя 20 лет имело место подавление немцами ряда народов «Латинского полуострова» Европы (термин Маккиндера), в основном французского, онемечивание славянских этносов и попутное уничтожение евреев и цыган приняло кровавожадные тотальные формы. И если вспомнить метафору Маккиндера о наконечнике копья (Германия) и его древке (Россия), то как раз победное противостояние СССР (при поддержке морских держав) «третьему рейху» спасло мир.

Как отмечали многие интерпретаторы идей классика геополитики, и в XXI в. славянский вопрос не решен удовлетворительно — ни для России с Германией, давно существующих в качестве неимперий, а республик, ни для нынешней Британской империи и ультрадемократических США. Даже в новых, навязываемых форматах.

Заключает Маккиндер свою книгу такими словами: «Добрососедство и братские обязанности к тем, кто обитает рядом с нами, — единственная и прочная основа счастливого согражданства. Его влияние распространяется от города к области, а от нее к нации — и миру в рамках Лиги Наций. Это подлинный способ преодолеть пропасть между убожеством хижин и роскошью дворцов, избавиться от войн между классами и между нациями» [Mackinder Democratic... p. 144]. Решение этой задачи, сформулированной британским классиком геополитики еще столетие назад, оставлено для XXI столетия.

Литература

- Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.
- Маккиндер Х. Демократические идеалы и реальность (фрагменты) // Полис. 2011. № 4.
- Маккиндер Х. Круглая Земля и обретение мира // Космополис. 2016. № 2.
- Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2004.
- Нарочницкая Н.А. Русский рубеж. Размышления историка в эпоху перемен. М. 2018.
- Цымбурский В.Л. Хэлфорд Маккиндер: трилогия Хартленда и призвание геополитика // Космополис. 2007. № 16. — URL: intelros.ru/index.php?newsid=358 (дата обращения: 13.11.2018).
- Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. London, 1919.
- Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904. Vol. XXIV. № 4. Pp. 421-437.
- Mackinder H.J. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. XXI. № 4. Pp. 595-605.
- Who rules East Europe commands the Heartland; who rules the Heartland commands the World-Island; who rules the World-Island commands the world // Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. Washington. 1942.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-95-114

УДК 94

Татьяна Волокитина

Дата, изменившая историю страны (к 75-летию событий 9 сентября 1944 г. в Болгарии)

Аннотация. Статья посвящена знаковому в истории Болгарии событию, положившему начало переходному периоду народной демократии и формированию политического режима советского типа. Оценки того, что произошло 9 сентября 1944 г., менялись в зависимости от конъюнктуры. Вплоть до краха коммунистического режима в стране в ноябре 1989 г. они оставались в рамках господствовавшей тогда идеологической парадигмы. Наше время, открывая перед исследователями возможность объективного изучения прошлого, как оказалось, рождает соблазн нового мифотворчества.

Ключевые слова: 9 сентября 1944 г., восстание, переворот, революция, политические и научные дискуссии, современная историографическая ситуация.

Событийная канва вполне ясна. 9 сентября 1944 г. в Болгарии, участвовавшей в глобальном мировом противостоянии на стороне гитлеровской Германии, была реализована оппозиционная альтернатива монархическому режиму (по определению того времени — «монархо-фашизму»). Власть перешла к объединявшему левоориентированные политические силы Отечественному фронту (ОФ), участники которого выступали, хотя и с разной степенью активности, против прежнего режима и союза с фашистской Германией, за соблюдение конституционных норм, прав и свобод болгарских граждан. Коалиция включала представителей действовавших от имени рабочего класса Болгарской рабочей партии (БРП)¹ и Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП), левого крыла «Пладне» («Полдень») крестьянской партии Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) и политической группы «Звено» — военной, в основном офицерской, организации. Ведущая роль в ОФ принадлежала коммунистам — главным организаторам движения Сопротивления в годы войны.

Новым лидерам предстояло «предъявить» мировому сообществу смену власти, что было крайне важно в условиях продолжавшейся войны, а также подумать о судьбе Болгарии в дальнейшем, на этапе перехода к послевоенному мирному урегулированию.

¹ Болгарская рабочая партия (БРП) впоследствии дважды меняла свое название: в конце сентября 1944 г. была переименована в Болгарскую рабочую партию (коммунистов) — БРП(к), а на V съезде в декабре 1948 г. — в БКП.

Сведения об авторе: ВОЛОКИТИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА — ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, зав. отделом Восточной Европы после Второй мировой войны, доктор исторических наук, tanyaslav@rambler.ru.

При этом ключевое значение приобретали факторы (внешние и внутренние), которые способствовали установлению нового режима и, соответственно, его легитимности.

Первое, на что хотелось бы в связи с этим обратить внимание, — впечатления сторонних наблюдателей от увиденного в столице, центре политической жизни страны. Посол Италии в Софии Франческо Дж. Мамели вспоминал, что «государственный переворот... в ночь с 8 на 9 сентября 1944 г. ...был молниеносным и поначалу полностью бескровным... Утром, не считая нескольких танков и пулеметов перед зданием Военного министерства, София выглядела как обычно. Лишь к 13 часам появились первые красные патрули, и началась беспорядочная раздача оружия населению» [Цит. по: Баева, с. 109]. Наблюдение дипломата подтверждают и историки, отметившие, что поначалу народ спокойно, если не индифферентно, отнесся к смене власти [Например, см.: Валева, с. 297], и что бурная поддержка перемен последовала «вдогонку» за событиями. Уже 12 сентября оказавшиеся в Софии советские военные корреспонденты наблюдают эмоциональный подъем населения, напомнивший им октябрьские дни 1917 г. в России — толпы, митингующие на улицах и площадях, красные флаги с серпом и молотом на зданиях государственных учреждений, красные банты и красные звездочки на штатских и военных... Те же ощущения «недавно происшедшего революционного переворота», «горения... человеческой массы» [Информация военных... с. 111–112]. Первые официальные заявления констатируют: в стране победила «антифашистская революция». Об этом говорилось в циркуляре № 5 ЦК БРП от 12 сентября, разосланном парторганизациям на местах, и в радиোগрамме, которую 13 сентября руководивший оперативной работой Политбюро ЦК БРП Трайчо Костов направил находившемуся в Москве Георгию Димитрову [Непубликувани радиограми... с. 29]. Однако Димитров 15 сентября в ответной радиোগрамме от имени Загранбюро ЦК отклонил подобную оценку как неправильную, указав, что в сложившейся обстановке решающее значение имеют «общенациональные, а не классовые цели» [Цит. по: Аврамов, с. 83]. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что намерение отказаться от раздражающего многих термина «революция» было продиктовано желанием Москвы не обострять отношения с западными союзниками, избежать подозрений с их стороны в намерении «советизировать» Болгарию. Однако не следует исключать и того, что указанная оценка событий 9 сентября местными коммунистами вызывала у советского руководства сомнения и с точки зрения ее соответствия реальной обстановке.

Димитров и Загранбюро ЦК охарактеризовали события 9 сентября как «народное» (или «всенародное») вооруженное восстание. Его направленность против монархо-фашистской диктатуры и германских оккупантов подчеркивалась особо. В центральном органе компартии — газете «Работническо дело» от 20 сентября 1944 г. указывалось, что созданное в результате восстания правительство ОФ ни по составу, ни по методам управления не являлось «коммунистическо-советским». Более того, отмечала газета, такой характер правительства не соответствовал бы ни внутренним, ни международным условиям [Работническо дело. 20 септември 1944 г.].

Данная установка прижилась не сразу: партийное руководство, находившееся в стране, некоторое время пыталось сочетать общенациональные задачи смены влас-

ти с первыми оценками сентябрьских событий как революции. Это подчеркивало масштаб акции, ее массовый характер и популярность, указывало на величие, необратимость, глубокие последствия и перспективы перемен. А кроме того объясняло разгул «революционной стихии», в частности, имевшие место в первые дни после 9 сентября расправы без суда и следствия¹, как проявление имманентно присущего любым революциям насилия. Пример такого сочетания — выступление Тр. Костова 25 сентября на Софийской областной партконференции. «Антифашистская революция 9 сентября победила как национально-освободительное движение на широкой национальной основе, — подчеркнул Костов. — Этот факт мы никогда не должны забывать, так как из его правильного понимания следует и правильное решение вопроса о том, какие задачи мы можем и должны поставить после победы» [Работническое дело. 27 септември 1944 г.].

При определении сущностных черт власти ОФ болгарские коммунисты исходили из разработанной VII конгрессом Коминтерна концепции единого и народного фронта и, особенно, политического опыта Гражданской войны 1931–1939 гг. в Испании. Вошедший тогда в лексикон коммунистов и социалистов (социал-демократов) термин «народная демократия» (чаще — «новая») фиксировал ее отличие как от «старой» западной демократии, так и от советской формы политической власти, в основе которой лежала диктатура пролетариата. Вскоре после образования в сентябре 1936 г. испанского правительства Народного фронта с участием коммунистов Г. Димитров на заседании Секретариата Исполкома Коминтерна подчеркнул, что демократическая республика, за которую ведет борьбу испанский народ, не будет ни старой демократической республикой, ни советским государством. Возникнет «особое государство с подлинной народной демократией», «государство антифашистское, левое, с участием подлинно левой части буржуазии», при «решающем влиянии» Народного фронта [Димитров Избранные... т. 2, с. 244–245]. Возможной формой будущего государства Димитров считал «парламентскую республику нового типа», ломающую рамки буржуазной демократии. Однако он не вышел за «красные флажки» основополагающего марксистско-ленинского постулата о диктатуре пролетариата и увязал «новое» государство с «особой формой демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства» [Там же].

На исходе Второй мировой войны, в обстановке подъема «народного радикализма», настроения европейцев определяла тяга к демократизации. «То, что война велась не просто против Германии или Италии..., а против фашизма, — отмечал английский исследователь Р. Милибэнд, — придало ей яркую идеологическую окраску — на первый план была выдвинута защита демократических ценностей и прославление простого человека. Вступление России в войну и ее упорное сопротивление усилило эту идеологическую окраску...» [Милибэнд, с. 381–382]. Зримо проявились особое внимание и интерес к различным модификациям социалистической идеи, включая советскую модель, что обуславливалось победоносными военными усилиями СССР, подтвердившими жизненность и эффективность социалистического строя.

1 По некоторым данным, жертвами самосуда и «революционной ярости» стали более 18 тыс. чел. [Исусов За някои... с. 10].

В советской сфере влияния, куда по договоренности с союзниками по антигитлеровской коалиции была включена Восточная Европа, социалистическая перспектива осознавалась особенно четко. Народная демократия как переходный период увязывалась в массовом сознании с продвижением к социализму, но своим, «национальным» путем. Для болгарских коммунистов осмысление такого варианта развития не было простым и потребовало определенных усилий в процессе ревизии идейно-теоретических установок прошлого. «Перемена 9 сентября, — отмечалось в теоретическом партийном журнале «Съвременник», — не является обычной сменой одного буржуазно-демократического правительства другим..., а представляет собой качественно новое изменение, новую, более высокую ступень в развитии страны» [Съвременник, с. 51].

Бурное обсуждение вопроса, что представляла собой эта ступень, развернулось на VIII пленуме партии весной 1945 г. Хотя мнения делегатов разделились, стало ясно, что дорогу активно начинает пробивать трактовка народной демократии как «власти демократической части буржуазии в союзе с рабочими и крестьянами» [Костов, с. 599]. Об этом говорил и вернувшийся на родину Г. Димитров, выступая в декабре 1945 г. в Народном собрании [Димитров, Костов, Югов, с. 5]. Акцент на коалиционном и, следовательно, компромиссном характере власти ОФ выразился в весьма примечательном, с нашей точки зрения, решении пленума «одобрить участие партии в правительстве Отечественного фронта» [Българската... с. 4].

Временная протяженность существования коалиционной системы власти представлялась на том этапе весьма значительной (широкое хождение получило определение «эра ОФ»), а содержание «переходного периода» маркировали такие его признаки, как общественный консенсус, парламентская демократия и партийный плюрализм, несовместимые с гражданской войной и «властью советов». Опорой власти в переходный период объявлялись не только «трудящиеся» и значительная часть средней буржуазии, но и представители ее крупных («патриотических») кругов, что открывало возможность эффективного решения трудных задач восстановления экономики по примеру советского НЭПа. Таким представлялся «национальный» путь развития, предлагавшийся стране и составивший основу концепции народной демократии в ее первоначальном, либеральном, варианте.

Однако этот вариант оказался кратковременным вследствие резкого изменения международной обстановки: вслед за первыми «заморозками» в отношениях между партнерами по антигитлеровской коалиции последовало их ухудшение, вполне ясно определившее перспективу превращения послевоенного мира в биполярный. Осенью 1947 г. с созданием Коминформбюро был взят курс на интенсификацию революционного процесса в странах советской сферы влияния и развенчание концепции «национальных путей» к социализму. На учредительном совещании Коминформа в польском городке Шклярска-Поремба в докладе А.А. Жданова, по справедливому замечанию болгарского историка Д. Драганова, руководству компартий народно-демократических стран уже была предложена опиравшаяся на советский опыт «подробная и точная программа действий» [Драганов, с. 57]. В коммунистических партиях и их высших эшелонах «зеленый свет» зажегся перед носителями леворадикальных настроений,

сторонниками «пришпоривания» общественно-политических процессов [Исусов Сталин и България, с. 144, 220], не исключавшего ориентацию на силовое решение политических задач.

Опираясь на установки Коминформа, в октябре 1947 г. XIII пленум ЦК БРП(к), проходивший в отсутствие Г. Димитрова и В. Коларова, подверг тенденциозной политической и теоретической переоценке прежний курс преобразований в стране. С основным докладом выступил секретарь ЦК Вылко Червенков. На основе его выводов политическую линию партии отныне предлагалось выстраивать, ориентируясь на переход к непосредственному построению социализма, развертывая решительное наступление на «реакционные и контрреволюционные силы», то есть обостряя классовую борьбу в стране. Новые установки, по существу, явились прелюдией к ревизии прежних оценок событий 9 сентября и перспектив власти Отечественного фронта.

Острая дискуссия развернулась в связи с этим при обсуждении проекта новой программы ОФ на XIV пленуме партии (январь 1948 г.). Большинство делегатов, оценивая события 9 сентября как революцию, тем не менее вкладывали в это определение разное содержание. Одни придавали ей социалистический характер (с самого начала, целиком и всесторонне), другие настаивали на ее народно-демократическом характере, отличном как от буржуазно-демократического, так и от «чистого» социалистического (то есть советского) вариантов. Третьи, исходя из приоритета общенациональных интересов, указывали, что задачи социалистической революции в момент смены власти вообще не стояли на повестке дня. Возражая протагонистам идеи «чистых революционных форм», Г. Димитров подчеркнул, что в сентябре 1944 г. с победой восстания страна пошла не по пути социализма, а по пути к социализму. И это, как отмечал видный историк академик М. Исусов, «была не игра слов, а существенное различие в концепциях» [Исусов Георги Димитров... с. 51]. Полагая, что значение событий 9 сентября ограничивалось созданием условий для будущего коренного государственного переустройства, Димитров критиковал Червенкова, утверждавшего, что якобы ошибочные оценки восстания затормозили дальнейшие мероприятия партии. «Если мы серьезно, как марксисты... исходим из реальной действительности, а не выдаем желаемое за действительное, то мы должны прийти к единственному [верному] заключению, что замедление не было ошибкой», — подчеркнул Димитров [Цит. по: Исусов Комунистическата... с. 275].

Дискуссии 1947—1948 гг. показали, что в руководстве БРП(к) и среди партийного актива продолжали соседствовать определения «революция» и «народное восстание» 9 сентября. Но если последнее отражало прежде всего конкретные события и характеризовало путь или методы взятия власти, то «революция», понятно, предполагала скачок в развитии страны, причем все громче звучали голоса, обосновывавшие ее социалистический характер. Объективная основа этого коренилась в динамике развития, в качественных изменениях народно-демократической системы власти к 1948 г. При этом оценки ее актуального состояния ретроспективно переносились на предыдущие годы, что само по себе было некорректным и недialeктичным, поскольку игнорировались особенности преобразовательного процесса и конкретных мероприятий народ-

ной власти (позапанная экспроприация капиталистической собственности, постепенное вытеснение отдельных групп буржуазии, относительно мирное общественно-политическое развитие на широкой социальной основе и пр.).

Наиболее отчетливо это проявилось на XVI пленуме ЦК БРП(к) в июле 1948 г. Он был созван после бухарестского совещания Коминформа, осудившего руководство КПЮ за «ошибки» и «отход» с позиций марксизма-ленинизма. Болгарские коммунисты, «извлекая урок» из югославского случая, были вынуждены сообразовываться с новыми международными условиями и более жесткими установками Москвы. Под давлением обстоятельств произошли изменения и в прежней позиции Г. Димитрова. Отступив от собственных формулировок января 1948 г., он в порядке «самокритики» поддержал выводы Червенкова, прозвучавшие на XIII пленуме ЦК БРП(к) в октябре 1947 г. Однако, судя по последующим высказываниям болгарского лидера, подобная переоценка ценностей была для него весьма непростой и не стала окончательной. Это выразилось в попытках найти «золотую середину», отстаивая народную демократию как сравнительно длительный переходный период.

С того времени в партийном лексиконе по отношению к 9 сентября уживались определения «революция» и «народное восстание». Последнее отражало прежде всего конкретные события и характеризовало способ взятия власти.

Состоявшийся в декабре 1948 г. V съезд БКП расставил все точки над i. Незадолго до партийного форума стала известна сталинская позиция, согласно которой переход от капитализма к социализму без диктатуры пролетариата невозможен. 6 декабря 1948 г. в беседе с болгарскими и польскими коммунистами в Москве советский лидер, рассматривая болгарский вариант взятия власти, подчеркнул, что он был реализован «не через внутреннее восстание, а с нашей, советской армии, помощью, то есть легко, без особых усилий». Это, по словам Сталина, открывало возможность «вернуться к той форме [диктатуры пролетариата], о которой говорили Маркс и Энгельс, т.е. к народно-демократической парламентской форме», обойтись без установления советского режима (организации «советов» как органов власти). «Для вас, — говорил Сталин, — народной демократии достаточно, чтобы перейти от капитализма к социализму. Но этот режим будет осуществлять диктатуру пролетариата» [Димитров Дневник... с. 644–645]. Понятно, что сталинская установка выходила за рамки болгарского «случая», приобретала универсальный характер и статус «последнего слова» высокой теории: функции диктатуры пролетариата были объявлены имманентно присущими народно-демократической власти. Для коммунистов стран «социалистического лагеря» это стало императивом.

В политическом отчете на съезде Димитров напомнил, хотя и крайне осторожно, о концепции «болгарского пути» через народную демократию, увязав ее с функционированием коалиционной системы ОФ. Примечательно, что эту концепцию он противопоставил проявлениям в БКП «левизны», «революционной» демагогической фразеологии, которая только затрудняла, по его словам, переход к социализму. Димитров имел в виду призывы болгарских «левых» «открыто говорить о социализме», включить

в программные документы ОФ «ясные указания о социалистическом пути развития Болгарии» [АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. П. 134. Д. 8. Л. 40], иными словами, сократить переходный период в стране. Понятно, что социалистический путь в интерпретации «левых» мог означать только одно — ускоренное внедрение советской модели.

Сказанное Димитровым не следует трактовать как проявление какой-либо его оппозиционности установкам Москвы. Речь шла, на наш взгляд, лишь о желании несколько «растянуть» этап народной демократии, сделать переходный период более естественным, плавным, менее болезненным, как любил говорить болгарский руководитель. Димитрову хотелось минимизировать издержки внедрения советской модели, с которой он был знаком не понаслышке и неизбежность которой для Болгарии ясно осознавал. С позиций сегодняшнего дня расчеты Димитрова видятся наивными и нежизнеспособными: как и другие страны «социалистического лагеря», Болгария была обречена на копирование «матрицы».

V съезд в конечном счете принял «правильные» решения. Отступил и Димитров. Под прямым нажимом руководителя советской делегации, секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Суслова [Исусов Политический живот... с. 392] в заключительное слово на съезде болгарский лидер включил формулировку о «двух формах диктатуры пролетариата» — советской власти и народной демократии. Размышления Димитрова о народной демократии как коалиционной переходной форме до основной массы коммунистов не дошли: при подготовке доклада к публикации «крамольные» места были вычеркнуты [РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 58. Л. 86].

Материалы, поступавшие в ЦК партии с мест, в том числе в ходе предсъездовских конференций в конце ноября — середине декабря 1948 г., свидетельствовали о трудностях восприятия оценок характера власти в стране партийной массой. Обобщенные информационные записки, составлявшиеся в организационно-инструкторском отделе ЦК БРП(к), фиксировали, что «повсюду» задавались вопросы: «Есть ли различия между диктатурой пролетариата в СССР и у нас?», «Когда установлена в Болгарии диктатура пролетариата?», «Какова разница между советской и народно-демократической властью?», «В чем отличие нашего переходного периода от НЭПа?», «Каковы характерные черты кулака?» [ЦДА. Ф. 1 Б.Оп. 12. А.е. 496. Л. 27] и пр. Вряд ли решения V съезда сняли эти вопросы, тем более что оценки народной демократии продолжали испытывать на себе влияние политической и идеологической конъюнктуры, причем по-прежнему главным источником новых веяний являлась советская сторона.

В июне 1949 г. известный философ, дипломат и общественный деятель П.Ф. Юдин, опираясь на пример стран «социалистического лагеря», сформулировал на страницах «Правды», что «народно-демократическая революция была формой социалистической революции, исполнив те же исторические задачи, что и социалистическая революция в СССР» [Юдин].

Появление в советском партийном официозе такого материала, естественно, не могло произойти без санкции «верхов» (самостоятельность или недосмотр в подобного

рода делах исключались!) и потребовало от национальных коммунистов реакции. Болгары решили действовать испытанным методом — обратиться за советом в Москву. Случай вскоре представился: в конце июля 1949 г., уже после кончины Г. Димитрова, делегация в составе В. Червенкова, А. Югова и Г. Дамянова встретила Сталина для обсуждения широкого круга внутривластных вопросов. Ночью 30 июля на даче Сталина состоялись консультации, в ходе которых речь зашла о режиме народной демократии, перспективах Отечественного фронта и народных советов. В итоге стороны согласились, что период с 9 сентября 1944 г. до принятия в конце декабря 1947 г. закона о национализации промышленности и банков явился «подготовительным», когда укреплялись элементы народной демократии. С национализации берет начало «своеобразно оформленная диктатура пролетариата». «Диктатура пролетариата не может возникнуть до национализации крупного капитала», — подчеркнул Сталин. Болгары с вниманием выслушали рассуждения советского руководителя о возможности прийти к социализму «без советской власти», о том, что для мелкой буржуазии народная демократия — более приемлемая и более легко воспринимаемая форма, нежели пролетарская диктатура, и, коль скоро международная обстановка позволяет, от народной демократии «не следует отказываться». На вопрос Червенкова, «разовьется ли народная демократия в Болгарии в советскую власть», Сталин не дал однозначного ответа: «Куда придем? — не знаю. Может быть, к советской власти. Не уверен. Дело не в названии, а в классовой сущности. А она одна — и у вас, и у нас. Ваши народные советы — зародыш советской власти. Они, в зависимости от ликвидации капиталистических элементов, все больше будут развиваться в советы депутатов трудящихся, как у нас. [...] Когда разовьются народные советы, отпадет Отечественный фронт как орган мобилизации масс. Может быть, ОФ останется как форма агитационно-пропагандистского отдела» [ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А.е. 42. Л. 48–49]. Показательно, что по ходу беседы Сталин неоднократно обращался к обстановке в Китае, сравнивал ситуацию в азиатской стране и странах Восточной Европы, что было вполне понятно: в первой половине 1949 г. в Москве внимательно изучали вопросы будущего государственного устройства Китая, готовились к их обсуждению с китайскими товарищами. Революционную власть в стране Сталин характеризовал как демократическую диктатуру рабочих и крестьян, отмечал необходимость «сравнительно продолжительного сотрудничества» с китайской буржуазией и, учитывая ее антиамериканские настроения, отказа от развертывания борьбы между трудом и капиталом [Галенович]. Китайский режим, резюмировал Сталин, еще не режим народной демократии, а последний суть «своеобразная форма диктатуры пролетариата» [ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А.е. 42. Л. 47–48].

Установки, привезенные из Москвы, легли в основу доклада В. Червенкова на торжественном заседании в связи с 5-летием народной власти в сентябре 1949 г. «Восстание 9 сентября, — отметил Червенков, — положило начало таким глубоким политическим, социальным, экономическим и культурным преобразованиям, которые *подготовили условия* (курсив мой. — Т.В.), чтобы у нас создалась и укрепилась подлинная народная демократия — своеобразная форма диктатуры пролетариата. Национализация капиталистических предприятий и банков [1947 г.]... была решающим шагом в этом отношении» [Червенков, с. 205]. Иными словами, утверждение пролетарской диктатуры рассматривалось как процесс, который постепенно приобрел законченность в виде

оформившегося «подлинного», то есть не нагруженного ненужными либеральными чертами народно-демократического режима, приближавшегося к советскому типу. Хронологические рамки этого процесса — 1944—1948 гг. — Червенков уточнил, выступая в декабре 1949 г. на митинге в Софии в связи с предстоящими выборами в народные советы. Он подчеркнул, что проведенные в стране в эти годы преобразования «по существу сыграли такую же историческую роль, что и Великая Октябрьская социалистическая революция в России», хотя и осуществились другим, нежели в СССР, путем [Работническо дело. 17 декември 1949г.].

Судя по конкретным материалам, неоднократные уточнения оценок и характеристик усваивались рядовыми коммунистами с трудом, перестановка акцентов с использованием казенного партийного «новояза» рождала путаницу в головах: летом 1950 г. «Работническо дело» было вынуждено констатировать, что вопрос о характере восстания 9 сентября 1944 г. и установленной в его результате власти постоянно поднимался на собраниях партактива и обсуждался в кругах партийной интеллигенции [Работническо дело. 29 юни 1950 г.].

Видимо, это обстоятельство стало одной из причин того, что в 1950 г. Болгарская академия наук объявила открытую дискуссию по вопросу о характере восстания 9 сентября и болгарского народно-демократического государства. Если до того времени осмысление указанной проблемы, а по существу — самоидентификация режима, являлось прерогативой партийных функционеров, то теперь дело было за наукой.

Однако творческой дискуссии не получилось. Участвовавшие в обсуждении философы, экономисты, юристы в своих выводах не выходили за рамки партийных установок — прежних и новых [Подробнее см.: Волокитина, с. 15], а после заключительного «слова», а точнее, двухчасовой речи Червенкова был подведен окончательный итог. Как позднее вспоминал видный экономист К. Добрев, с того времени, отбросив прежнюю идею о «подготовительном» периоде, «начали [единодушно] писать..., что диктатура пролетариата ведет свое начало с 9 сентября». Кроме того, впервые иным точкам зрения была дана политическая оценка как «меньшевистским» и «троцкистским» [Там же]. Круг замкнулся: партийная формула была перенесена в общественную мысль, претендующую на научность [Даскалов, с. 313].

Прошло немного времени, и советские философы вновь стали возмутителями спокойствия: оформилась концепция двух этапов народной демократии, генетически восходившая к «теории двух стадий». В основе последней лежало утверждение, что развивающиеся страны должны пройти этап буржуазно-демократической революции, а затем начать движение к социалистической демократии. Сначала в лекции перед партактивом Московской городской и областной организаций ВКП(б), а затем на страницах журнала «Большевик» известный философ А.И. Соболев, ссылаясь на опыт европейских стран народной демократии, подробно обосновал идею перерастания буржуазно-демократической революции нового типа (I этап) в социалистическую (II этап). Народная демократия, отнесенная автором к новому типу буржуазно-демократических революций, по классовому содержанию определялась им как «нечто вроде демокра-

тической диктатуры пролетариата и крестьянства при руководящей роли рабочего класса». При этом особенно подчеркивалась ее направленность против империализма и фашизма. Вместе с тем на первом этапе, отмечал ученый, решались отдельные задачи буржуазно-демократического характера — например, проведение аграрных реформ. В последующем гегемония рабочего класса во главе с компартиями обеспечила переход народно-демократических стран на путь социалистического развития [Соболев, с. 28–29].

Понятно, что новое слово, прозвучавшее из Москвы, не прошло незамеченным. Болгарская сторона поспешила уточнить, отражает ли публикация в «Большевике» официальную позицию ЦК ВКП(б). Весной 1952 г. на эту тему болгары беседовали с В.М. Молотовым, Г.М. Маленковым и А.И. Микояном. Ответ был однозначным: советским партийным руководством указанные оценки не рассматривались и не одобрялись [АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. П. 203. Д. 15. Л. 12]. В какой-то мере это развязывало болгарам руки.

В силу блоковой дисциплины теория двух этапов сразу же была принята на вооружение национальными коммунистами [Szymczak, s. 17] В Болгарии ее первым толкователем вновь стал Червенков. Но в мае 1952 г. на III съезде ОФ он предложил собственную интерпретацию соболевской концепции. В отличие от советского ученого, подчеркивавшего качественное изменение власти — от буржуазно-демократической к социалистической, — Червенков очертил этапы развития одной и той же по характеру власти (диктатуры пролетариата в форме народной демократии), отличавшиеся единственно степенью «зрелости» диктатуры. Границей между этапами явилось знаковое, как и прежде, событие — национализация промышленных предприятий и банков в декабре 1947 г. Содержание второго этапа болгарский руководитель связал с процессом построения основ социализма [Третиконгрес... с. 33].

Авторы научных и научно-пропагандистских сочинений тех лет следовали концепции двух этапов, подчас искусственно конструируя схемы преемственности и логической связи фактов. Так, из утверждения, что накануне 9 сентября 1944 г. страна стояла перед социалистической революцией (при том что сохранялся значительный объем нерешенных буржуазно-демократических задач), некоторые авторы делали вывод, что борьба трудящихся против фашизма, за демократические права была чисто тактической задачей. Акад. Павлов, например, утверждал, что задачи буржуазно-демократического характера решались исходя из тактических соображений, «лишь попутно» [Павлов За марксистическа... с. 397], хотя прежде он констатировал «преимущественное» решение именно этих задач на первом этапе революции. Интересами тактики объяснялись также лозунг создания правительства Отечественного фронта и сохранение до осени 1946 г. монархического института и регентства [См., например: Чаръкчиев За характера на народнодемократическата... Чаръкчиев За характера на нашата... Гиндев За някои... Павлов Вълко Червенков...]. Характерно, что при некоторой нюансировке такой ход рассуждений бытовал и значительно позднее, в 1970–1980-е гг. [См., например: Гиндев Общото... История на антифашистката... Горненски и др.]

Вместе с тем болгарское руководство испытывало определенные трудности. Следовало как-то определиться с прежними установками Сталина по вопросу о характере народной власти в Болгарии, в которых отсутствовало положение о перерастании революции. Ситуацию осложнило издание в 1954 г. под грифом Института экономики АН СССР учебника «Политическая экономия», закрепившего выводы о двух этапах и перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Проигнорировать появление учебника не представлялось возможным, поскольку он являлся не только итогом экономической дискуссии 1951 г. в Советском Союзе [Подробнее см.: Мрачковская], но и учитывал динамику позиции Сталина: изданная в конце 1952 г. его работа «Экономические проблемы социализма в СССР» была написана на основе замечаний по проекту учебника.

Выходом из сложной ситуации Червенков посчитал обращение к Н.С. Хрущеву. 18 февраля 1955 г. в письме советскому руководителю [АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. П. 203. Д. 15. Л.8-13] он «по поручению ЦК КП Болгарии» выразил несогласие с применением теории перерастания революции к болгарским реалиям и изложил собственное видение двух этапов развития революции в стране в духе своего выступления на III съезде ОФ. Напомнил он и о встрече со Сталиным в 1949 г. Выражением изменений, ощущавшихся к тому времени в отношениях внутри «социалистического лагеря», явилась прямая критика советских установок, содержавшихся в учебнике по политэкономии, как «слишком схематичных», лишенных конкретного анализа особенностей развития революции в каждой стране и сводивших все страны «к общему знаменателю». «Но ведь есть же разница в историческом развитии между Китаем и Болгарией, между Болгарией и Румынией и т.д., — задавал Червенков риторический вопрос. — Неизвестно, например, почему Китай может вступить в период социалистического переустройства страны с момента образования народной власти..., а Болгария не может, в ней непременно должно происходить перерастание одной революции в другую, хотя никакого помещичьего землевладения в стране не было». Не обошел болгарский руководитель и вопрос о давлении, которое оказывали советские преподаватели на болгарских учащихся в вузах: «В некоторых высших учебных заведениях в Советском Союзе, где учатся и болгарские товарищи, отдельные профессора настаивали на обязательном восприятии данной учебником по политической экономии оценки характера революции в народно-демократических странах и даже некоторое время отказывались принимать диссертационные работы, если в них не была отражена именно эта оценка». Обращаясь к ЦК КПСС за советом, «как поступить в данном случае», Червенков рассчитывал «устранить неудобное положение» [Там же. Л.13].

Был ли получен ответ на обращение Червенкова? Думается, Хрущеву было не до того: начиналась подготовка к XX съезду КПСС. А на нем, как известно, наметились новые подходы к проблеме многообразия путей к социализму с акцентом на мирном переходе к новой общественно-политической формации.

Копируя советскую политику, руководство болгарской компартии на апрельском пленуме ЦК БКП (1956 г.) объявило главной целью преодоление последствий культа личности на национальной почве. Поставленная перед обществоведами задача

отказаться от упрощенческого и конъюнктурного подхода к историческому процессу, схематизма и субъективизма означала неизбежную ревизию трактовок и выводов «болгарского Сталина» — Червенкова о характере революции и революционного процесса в Болгарии. На страницах партийной печати развернулась в 1956–1957 гг. новая дискуссия, участники которой критиковали связанную с именем Червенкова концепцию двух этапов и «перерастания» революции [Проблеми на българската... с. 36, 37]. Основным «забойщиком» в дискуссии стал акад. Т. Павлов, опубликовавший свою статью в советском журнале «Вопросы философии» [Павлов К вопросу...], что придало его позиции дополнительный вес и установочный характер.

Как и прежде, дискуссия продемонстрировала конъюнктурный подход многих участников, в том числе и маститых, к проблеме. Равняясь на очередную партийную установку, ученые вопреки реальным фактам обосновывали «однородность» революции с самого ее начала, что выразилось в установлении пролетарской диктатуры в стране чуть ли не 9 сентября, подчеркивали незначительный масштаб общенациональных (антифашистских и демократических) задач при преобладании классовых (социалистических) и, естественно, обходили вопрос о переходном характере народной демократии.

Подгоняя под актуальные партийные формулировки конкретные реалии общественно-политической жизни после 9 сентября 1944 г., одни ученые рассуждали о «неполной» гегемонии компартии (на этой основе делался вывод о коалиционном характере системы власти), другие, напротив, указывали на «безраздельное господство» рабочего класса во главе с коммунистами в условиях «недооформленной и неукрепленной диктатуры» (отсюда отрицание факта раздела власти с буржуазией) [Чаръкчиев Характер и движещи... Попов], и т. д.

Собравшийся в июне 1958 г. VII съезд БКП подвел итоги обсуждения. В отчетном докладе ЦК, с которым выступил новый партийный лидер Тодор Живков, тезис о «превращении» или «перерастании» власти, установленной в результате восстания 9 сентября 1944 г., был подвергнут остракизму, а представления о двух этапах объявлены неправильными. Диктатура пролетариата в форме народной демократии, подчеркнул докладчик, постепенно укреплялась в условиях острой классовой борьбы, но не гражданской войны. Окончательная формулировка звучала следующим образом: «Народно-демократическая по форме революция в нашей стране с самого своего начала по своим закономерностям являлась повторением в главном Великой Октябрьской социалистической революции... продолжением дела Октябрьской революции... с самого начала она носит социалистический характер» [VII конгрес... с. 109].

Признавая болгарскую специфику — более широкая социальная база революции (среднее крестьянство, часть буржуазии), наличие самостоятельной крестьянской партии (БЗНС), функционирование национального фронта (ОФ), отказ от национализации земли, — партийные руководители и вслед за ними ученые избегали любых формулировок, могущих напомнить «ревизионистские» теории «национального социализма». Такая позиция понятна, учитывая острую реакцию Москвы на возрождение внимания к собственным путям развития в некоторых социалистических странах, а также на со-

бытия в Венгрии и Польше в 1956 г. Задача крепить единство с Советским Союзом решалась посредством подчеркивания советского опыта, советской модели как закономерности развития «социалистического лагеря» и оттеснения на задний план своего, особенного. Подобная логика вела к оценке общедемократических и антифашистских задач как «своеобразия» болгарской социалистической революции [Даскалов, с. 318].

После VII съезда вопрос о характере революции окончательно утратил дискуссионный характер: болгарские исследователи единодушно комментировали партийную резолюцию, втискивая эмпирический материал в ее прокрустово ложе. Критическая направленность выступлений болгарских авторов была обращена отныне вовне. Т. Павлов призвал всех противников партийной установки «раз и навсегда примириться с обстоятельством, что их чрезмерно общие и негибкие формулировки не должны применяться по крайней мере по отношению к нашей, болгарской, народно-демократической по форме, социалистической по содержанию еще с 9 сентября революции. При новом издании своих трудов они должны отметить хотя бы одно — что по этому вопросу в НРБ уже есть ясно определенное и всеми признанное решение партийного съезда...» [Павлов Ощеведнъж... с. 30]. Столь откровенно высказанная от лица болгарской науки претензия установить монополию на истину сегодня предстает как анахронизм. Однако «рекомендация» Павлова явно достигла цели. Во всяком случае, советские историки вплоть до перестройки были обязаны руководствоваться установками «братской» компартии и «не обижать наших друзей!», за чем бдительно следили идеологические инстанции, прежде всего отдел науки ЦК КПСС.

Кардинальный, хотя и не единодушный пересмотр болгарскими учеными вышеозначенных партийных установок произошел в посткоммунистический период. Смена идеологической и исследовательской парадигмы, открывшийся перед историками и обществоведами широкий доступ к первоисточникам сопровождался разрывом с крайне политизированными конъюнктурными оценками «болгарского социализма» по всему широкому спектру связанных с ним понятий. Начало было положено утверждением оценки событий 9 сентября как «переворота». Это определение прочно вошло в научный обиход, но его интерпретации имели существенные различия. Одни авторы придавали перевороту характер заговорщического и едва ли не случайного события [Минчев, с. 77]. Другие, указывая на решающую роль в сентябрьских событиях внешнего фактора (выход Красной армии на болгарскую границу, соглашение союзников по антигитлеровской коалиции по Болгарии), использовали определение «переворот» в переносном смысле — как передачу Красной армией власти болгарским коммунистам. При этом значение действий болгарских партизан и всего движения Сопротивления в целом уменьшалось [Например: Огнянов Държавно-политическата... Рачев; Стателова и др].

На волне охватившего исследователей «негативизма» [Даскалов, с. 342] новое прочтение исторического прошлого в условиях отрицания всего «коммунистического» сопровождалось появлением остро полемичных и жестких оценок «всенародного антифашистского восстания» как «полной бутафории», развенчанием «героического» захвата партизанами населенных пунктов страны, освобождения политзаключенных революционным народом и пр. [См., например: Стателова, с. 632–633.]

Но защищали свои позиции и те исследователи, которые не приняли новых подходов. У М. Исусова читаем: «...Разгром и ликвидацию монархо-фашистской государственно-политической системы... можно было осуществить *лишь* (курсив мой. — Т.В.) путем вооруженного народного восстания, а не военного переворота». В доказательство автор приводил сведения об установлении революционной власти на местах 6–8 сентября. Главный же удар в Софии явился заслугой «капитанов», готовивших захват изнутри Военного министерства, и нескольких революционно настроенных воинских частей [Исусов Сталин и България, с. 132–133]. Версия Исусова свидетельствовала по меньшей мере о комбинированном способе захвата власти, но автор предпочел сделать итоговый вывод о «революционной волне», которая «начала заливать страну» [Там же, с. 133.] и привела к кардинальным переменам.

При наличии в целом уже сложившегося корпуса источников особое значение приобрела их интерпретация. Так, некоторые исследователи назвали совершённый военными переворот в столице «завершающим моментом начавшихся за несколько дней до него действий по захвату власти на местах и в Софии» [Калинова Възникване... с. 45]. Стремление несколько смикшировать роль военных вызвало к жизни оценку 9 сентября как «военно-политического переворота». Упор при этом делался на использовании болгарскими коммунистами военных для взятия власти в условиях вступления в страну Красной армии [Цветанова, с. 505; Вълканов, с. 85–121].

Особое внимание авторов привлекла проблема внешнего фактора, его роли в событиях 9 сентября и последующих. Под внешним фактором понималось прежде всего вступление в страну Красной армии. Здесь оценки расходились. Некоторые исследователи преуменьшали значение внешнего фактора, настаивая на главной роли фактора внутреннего (вооруженная борьба народа под руководством коммунистов) [Сирков, с. 48–49.]. Другие обращались к авторитету лидера болгарских «тесняков» Димитра Благоева, отмечавшего в свое время, что в таких странах, как Болгария, успех революции на $\frac{3}{4}$ зависит от внешних обстоятельств. Определенной корректировкой позиции Благоева стал тезис о «решающей» помощи Красной армии в сентябре 1944 г., с тем уточнением, что понятие «решающая» допускало соотношение «чуть более $\frac{1}{2}$ » [ДимитровТодор... с. 14–15]. Это означало, что внутренний фактор фактически уравнивал фактор внешний. Отмечена в историографии также характеристика внешнего фактора как гаранта перехода к советской модели, для реализации которой впоследствии оказался достаточным фактор внутренний [Даскалов, с. 345].

Оставляя за пределами нашего внимания работы, отражающие, по удачному определению историка Р. Даскалова, «любительско-журналистские набегии на историю» [Там же, с. 483], заметим, что профессиональные болгарские историки нередко грешат эмоциональными трактовками. Подчас создается впечатление, что некоторые авторы соревнуются в хлесткости и жесткости предлагаемых формулировок. Говорится, в частности, о «духовном и физическом (!) геноциде, который ожидал все народы, оккупированные Красной армией в конце Второй мировой войны» [Цветков, с. 91], о «социалистической колонизации» обширных территорий Восточной Европы [Богданова Лошата... с. 500, 552; Богданова Политическа... с. 391]. Отражая в первую очередь по-

литические воззрения противников коммунизма, сентябрь 1944 г. в Болгарии подается как «советская оккупация» и начало коммунистического тоталитаризма, приравняемые к «перелому позвоночника» болгарской истории [См., например: Божилов, с. 499; Луджев, с. 7, 217]. Возродилось определение «национальная катастрофа», третья по счету (после поражения Болгарии во Второй Балканской (1913 г.) и Первой мировой войнах), с которой связаны отклонение страны от «естественного исторического пути», очередное попадание в лагерь побежденных и вытеснение из «новых [территориальных] пределов» [Марков, с. 269–271].

Для большинства исследователей определение «оккупация» приобрело аксиоматический характер [Пинтев, с. 243, 248; Спасов, с. 486–487]. По мнению других, рассмотрение стран советской сферы влияния, в том числе Болгарии, как сугубо «пассивных объектов», что сопрягается с оккупационным статусом, не совсем корректно. Добиваясь большей точности, исследователи ввели в научный обиход такие понятия, как «военно-политическое влияние и контроль СССР в Болгарии», страна-«субъект с ограниченным суверенитетом» [Богданова Лошата... с. 552]. Известна и своего рода промежуточная оценка, выраженная в определении «символическая оккупация» [Зафиров, с. 96]. Отнюдь не упрощает историографическую ситуацию тот факт, что, как правило, дефиниция «оккупация» утрачивает нейтральное юридическое значение и переходит в разряд однозначных эмоционально-негативных оценок. Понятно, что читатель воспринимает их в соответствии со своим, национальным, опытом и его эмоциональной составляющей. Так, в России с термином «оккупация» связана историческая память населения о времени немецко-фашистской оккупации части территории Советского Союза. Отсюда болезненное восприятие оценок пребывания Красной армии в Болгарии как оккупации и трактовка позиции «братушек» в связи с этим едва ли не как предательство по отношению к «старшему брату».

Тяга болгарского общества к однозначной категоричности усложняет положение тех исследователей, которые предлагают рассматривать советское военное присутствие в Восточной Европе как весьма сложное, многоаспектное явление, с учетом следующих подходов:

- *конкретно-юридического*, призванного оценить наличие в Болгарии вплоть до декабря 1947 г. Союзной контрольной комиссии (СКК) и военных комендатур, что свидетельствует о военной оккупации страны-сателлита гитлеровской Германии;
- *«общецивилизационного»*, предполагающего адекватную оценку исторического факта разгрома гитлеровской Германии Красной армией и силами союзников и освобождения Европы от фашизма;
- *формационного*, отражающего формирование в конце 1940-х годов в Восточной Европе политических левототалитарных режимов советского типа и, как «зеркальный» процесс, — восстановление «правоавторитарных монархических режимов» в условиях британского военного присутствия в Греции и Бельгии [Баев, с. 310–311].

Анализируя оккупационный статус Болгарии, исследователи задались вопросом о характере капитуляции болгарской армии — была ли она безоговорочной? Этот во-

прос также приобрел ранг дискуссионного. Если одни авторы считали, что многие статьи Соглашения о перемирии (28 октября 1944 г.) фактически основывались на принципе безоговорочной капитуляции [Пинтев, с. 243], то другие напоминали о том, что в действительности болгарская армия не только не была разоружена и демобилизована, но сразу же перешла в оперативное подчинение командования 3-го Украинского фронта и в его составе участвовала в боевых действиях против Германии. Это обусловило возникновение особого, «промежуточного» статуса страны, который еще раньше, в британских подготовительных материалах к Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г., определялся как возможная «частичная оккупация» [Тошкова, с. 248]. Показательно, что сторонники разных точек зрения сходятся в одном: по своему содержанию советско-болгарские отношения указанного периода выходили далеко за рамки формулы «победитель — побежденный», что подтверждалось, в частности, некоторыми особенностями деловых контактов болгарского правительства с СКК [Подробнее о деятельности СКК в Болгарии см.: Великите...].

Рассматривая проблему оккупации, следует разграничивать предусмотренную соглашениями участников антигитлеровской коалиции *военновременную оккупацию* стран-сателлитов гитлеровской Германии, в том числе и Болгарии, и политические и идеологические последствия вступления Красной армии в Восточную Европу. Тогда суждения о *послевоенной советской оккупации* как синониме «ограбления в чудовищных размерах» [168 часа. 14 апрел 2017 г.] и колонизации стран региона, в том числе и Болгарии, вряд ли можно будет рассматривать иначе как пример нового политизированного мифотворчества.

Проблема оценки событий 9 сентября по-прежнему актуальна. Основная причина кроется, по мнению болгарского историка М. Минчева, в наличии аргументов в пользу и народного антифашистского восстания, и военного переворота, и передачи власти болгарским коммунистам Красной армией. В отличие от политизированной оценки 9 сентября как социалистической революции, эти трактовки, считает автор, имеют научный характер [Минчев, с. 42-77]. Одна из наиболее авторитетных болгарских исследовательниц, проф. И. Баева, поддерживая тезис Минчева, уточняет: в стране наблюдалось множество *повстанческих* актов и проявлений; смена власти в столице произошла путем классического *переворота*; его итогом стал политический поворот в судьбе Болгарии; наконец, следствием явился прорыв в социально-экономическом развитии страны, сопоставимый с общественной *революцией* [Баева, с. 99]. При достаточно высоком уровне накопленных эмпирических знаний и множественности интерпретаций некоторые исследователи (в их числе и Баева) предпочитают в наши дни ограничиваться нейтральной, осторожной формулировкой «перемена 9 сентября» [Калинова, Баева, с. 39, 40, 44].

Крушение коммунистических режимов в странах бывшего «социалистического лагеря», последовавшее за развалом СССР, вызвало новый всплеск внимания общественности и научных кругов Болгарии к феномену народной демократии. Наряду с ее трактовками как «эксперимента», продвижения к социализму отличным от советского путем [Исусов Сталин и България, с. 169, 170, 220], то есть, иными словами, как альтер-

нативы социализму «по Сталину», появились другие оценки. Например, для З. Златева «переходность» народной демократии обуславливалась существованием этой политической системы между «двумя тоталитаризмами»: опорой одного была частная собственность, а другого — огосударствленная. Вектор эволюции народной демократии, по Златеву, определился в Болгарии сравнительно быстро и четко — советская модель [Златев, с. 44–53]. Еще одна, близкая к вышеозначенной, позиция представляет народную демократию как разновидность тоталитаризма [Огнянов Политическото... с. 284, 294]. Понятно, что подобная оценка явилась производной от генеральной трактовки социализма как тоталитарной системы, обретшей в странах Восточной Европы небывалую популярность на волне критики всего советского. На этом фоне особенно привлекательно выглядят попытки вписать «болгарский социализм», как государственный социализм советского типа, в глобальный исторический процесс, оценить его через призму общих для послевоенной Восточной Европы поисков путей ускоренной модернизации региона [Баева, с.99]. Поворотная в болгарской истории дата 9 сентября 1944 г., положившая начало периоду народной демократии, вывела страну на такой путь. Результатом стал цивилизационный рывок Болгарии, который невозможно отрицать и бессмысленно игнорировать.

Различные интерпретационные схемы продолжают существовать и сегодня. Вряд ли следует ожидать, что будет найден некий «общий знаменатель». Вероятнее ситуация, которую болгарский исследователь акад. Илчо Димитров определил следующим образом: всегда есть личности и события, которые «обречены оставаться спорными и для людей, и для науки» [Димитров Между Мюнхен... с. 196–197].

Литература

- Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 074. Оп. 36. П. 134. Д. 8. Л. 40.
- АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. П. 203. Д. 15. Л. 12.
- АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. П. 203. Д. 15. Л.8–13.
- Баева И. Още веднъж за Девети септември 1944 година // Понеделник. Списание за теория, политика и култура. Год. XII. 2009. № 7/8.
- Валева Е.Л. Болгария в годы Второй мировой войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М. 2003.
- Волокитина Т.В. Программа революции. У истоков народной демократии в Болгарии. 1944—1946 гг. М. 1990.
- Галенович Ю.М. Сталин и Мао. Два вождя. М. 2009.
- Димитров Г. Избранные произведения: в 3-х томах. Т. 2. Май 1934 — август 1944 г. М. 1983.
- Драбкин А. Сталин и Мао // Правда. Орган ЦК КПРФ. № 142. 17 — 20 декабря 2004 г. — URL: kprf.ru/pravda/issues/2004/142/article-6538 (дата обращения: 25.02.2019).
- Информация военных корреспондентов газеты «Правда» В. Кожевникова и М. Сиволобова в ЦК ВКП(б) о положении в Болгарии // Русский архив. Т. 14–3(2) Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944—1945. Документы и материалы. М. 2000.
- Милибэнд Р. Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М. 1964.

- Мрачковская И.М.* Экономическая дискуссия 1951 года по проекту учебника «Политическая экономия». М. 1991.
- Павлов Т.* К вопросу о характере болгарской народно-демократической революции // Вопросы философии. 1956. № 6.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 58. Л. 86.
- Соболев А.И.* Народная демократия как форма политической организации общества // Большевик. 1951. № 19.
- Юдин П.* Развитие товарищем Сталиным учения о диктатуре пролетариата // Правда. 27 июня 1949 г.
- 168 часа. 14 април 2017 г.
- VII конгрес на Българската комунистическа партия, 2-7 юни 1958 г.: Стенографски протокол. София. 1958.
- Аврамов П.* Развитие на възгледа за Деветосептемврийското въстание и народнодемократичната власт (1944—1948) // Исторически преглед. 1982. Кн. 3.
- Баев Й.* Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944 — декември 1947) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София. 2000.
- Баева И.* Още веднъж за Девети септември 1944 година.
- Богданова Р.* Лошата слава на най-верния сателит. Българо-съветски политически отношения след Втората световна война // България и Русия: между признателността и прагматизма. София. 2008.
- Богданова Р.* Политическа иконография на «социалистическото строителство» // Известия на Българското историческо дружество. Т. 40. София. 2008.
- Божилков И., Мутафчиева В., Косев К., Пантев А., Грънчаров Ст.* История на България. София. 1998.
- Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК.Т. 4: 1944-1955. София. 1955.
- Великите сили и България. 1944-1947 г. Том 2. Съюзната контролна комисия в България (ноември 1944 — декември 1947 г.). Документи. Ч. 1, 2. София. 2018.
- Вълканов В.* Деветосептемврийският военнополитически преврат от 1944 година (65 години от събитието) // Исторически преглед. 2009. Кн. 3-4.
- Гиндев П.* За някои особености на Деветосептемврийското въстание и на нашата народнодемократическа държава в светлината на доклада на др. Вълко Червенков «Отечественият фронт и неговите предстоящи задачи» // Философска мисъл. 1952. № 4.
- Гиндев П.* Общото и специфичното в Деветосептемврийската социалистическа революция // Летопис на дружбата. София. 1975.
- Горненски Н.* Характер на Деветосептемврийската революция в България // България и Балканите, 681-1981. София. 1983.
- Даскалов Р.* От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. София. 2009.
- Димитров Г., Костов Тр., Югов А.* Речи по отговора на Тронното слово пред XXVI Обикновено Народно събрание. София. 1945.
- Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949 г. София. 1997.
- Димитров И.* Между Мюнхен и Потсдам. Българската политика през Втората световна война. София. 1998.

- Димитров И.* Тодор Живков за Деветосептемврийската социалистическа революция // Исторически преглед. 1985. Кн. 9-10.
- Драганов Д.* Съществувал ли е народнодемократичен модел на социализма? // Векове. 1989. № 4.
- Зафиров Д.* Проникване на съветското влияние в българското военно изкуство (1945-1960 г.) // България в сферата на съветските интереси. София. 1998.
- Златев З.* Народната демокрация в България (1944-1948) // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София. 1993.
- История на антифашистката борба в България, 1939-1944. Т.2. Март 1943 — 9 септември 1944. София. 1976.
- Иусов М.* Георги Димитров и проблемите на народната демокрация // Интернационалното и националното в опита на строителството на социализма. София. 1985.
- Иусов М.* За някои съвременни оценки на най-новата история на България // История и обществознание. 1990. № 2.
- Иусов М.* Комунистическата партия и революционният процес в България. 1944-1948. София. 1983.
- Иусов М.* Политическият живот в България. 1944-1948. София. 2000.
- Иусов М.* Сталин и България. София. 1991.
- Калинова Е.* Възникване на Отечествения фронт в годините на Втората световна война // История на Отечествения фронт в България. Том. I. София. 2012.
- Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939-2005 (преработено издание). София. 2006.
- Костов Тр.* Избрани статии, доклади, речи. София. 1964.
- Луджев Д.* Град на две епохи. История на обществените групи в българските градове в средата на XX век. София. 2005.
- Марков Г.* Българската история вкратце. София. 1992.
- Минчев М.* За характера на Девети септември 1944 г. // *Минчев М.* България отново на кръстопът (1942-1946). София. 1999.
- Непубликувани радиोगрами на Георги Димитров в ЦК на БРП(к) (август—декември 1944 г.) // Известия на Института по история на БКП. Т. 32. София. 1975.
- Огнянов Л.* Държавно-политическата система на България. 1944-1948. София. 1993.
- Огнянов Л.* Политическото развитие на България. 1944-1948 // 681-1948. Из историята на българската народност и държава. Изследвания, анализи, преоценки. София. 1993.
- Павлов Т.* Вълко Червенков — достоен продължител на делото на Георги Димитров и верен ученик на великия Сталин // Вълко Червенков 50 години. София. 1952.
- Павлов Т.* За марксистическа история на България. София. 1954.
- Павлов Т.* Още веднъж за характера на Деветосептемврийското народно въстание: Някои теоретико-методологически въпроси на социалистическата революция. София. 1960.
- Пинтев Ст.* Выступление в дискуссии на «круглом столе» «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година» (София, април 1997 г.) // България в сферата на съветските интереси. София. 1998.
- Попов П.* Установяване, развитие и система на пролетарската диктатура у нас. София. 1956.
- Проблеми на българската историография след Втората световна война. София. 1973.
- Работническо дело. 17 декември 1949 г.
- Работническо дело. 20 септември 1944 г.
- Работническо дело. 27 септември 1944 г.

Работническо дело. 29 юни 1950 г.

Рачев С. Чърчил, България и Балканите. 1939-1945. София. 1998.

Сирков Д. Антифашистката борба в България по време на Втората световна война (1939-1944).
София. 1980.

Спасов Л. България и СССР. 1917-1944 (Политико-дипломатически отношения). Велико Търново. 2008.

Стателова Е., Грънчаров Ст. История на нова България. 1878-1944. София. 1999.

Съвременник. 1945. № 2.

Тошкова В. Выступление в дискуссии на «круглом столе» «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година» // България в сферата на съветските интереси. София. 1998.

Трети конгрес на Отечествения фронт, 28—29 май 1952 г. София. 1952.

Цветанова М. Характер на събитията на 9 септември 1944 г. // Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Научни трудове. История. Т. 1. Кн. 1. Пловдив. 2006.

Цветков П. Руската и съветската имперска система // България между Европа и Русия. Научна конференция. 10-11 октомври 1997 г.

Централен държавен архив на Република България (още — ЦДА). Ф. 1 Б. Оп. 12. А.е. 496. Л. 27.

ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А.е. 42. Л. 47-48.

ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 5. А.е. 42. Л. 48-49.

Чаръкчиев А. Характер и движещи сили на народнодемократическата революция в България. София. 1956.

Чаръкчиев А. За характера на народнодемократическата революция в България // Въпроси за развитието на България по пътя на социализма. София. 1954.

Чаръкчиев А. За характера на нашата народнодемократическа революция // Философска мисъл. 1954. № 4.

Червенков В. По пътя на Георги Димитров: Избрани доклади и речи. 1948-1950. София. 1950.

Szymczak T. Ustrój europejskich państw socjalistycznych. Warszawa. 1983.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-115-129

УДК 94

Антон Крутиков

«Пока наша власть не окрепнет» Большевики и украинский национальный вопрос в 1917–1923 гг.

Аннотация. Потрясения Русской революции и Гражданская война оказали определяющее влияние на развитие украинской нации. Современные попытки избавиться Украину от «имперских наслоений» делают особенно актуальным обращение к реальному историческому опыту большевиков, реализовавших в 1917–1923 гг. свой собственный национальный украинский проект. Рожденный партийно-государственной машиной РСФСР, он стал культурным измерением «битвы за Украину» и на многие десятилетия предопределил характер украинской государственности.

Ключевые слова: *Украина, украинский вопрос, Русская революция, Гражданская война, украинизация, национальная политика, национальное самосознание.*

Современная украинская политика в области исторической памяти обнаруживает странное и на первый взгляд необъяснимое противоречие. Демонстративный разрыв с советским прошлым и масштабная, невиданная по размаху на постсоветском пространстве кампания по декоммунизации вполне мирно соседствуют с прагматичным усвоением (и присвоением) достижений предыдущей эпохи. Это странное сочетание доказывает лишь одно: существующая на Украине система вовсе не собирается прерывать традиции старой советской национальной номенклатуры, которая, претерпев незначительные метаморфозы в 1990-е годы, по-прежнему неотделима от действующей украинской власти.

Двойственная природа современного украинского государства, как и незавершенность самого процесса создания украинской политической нации, не раз отмечалась российскими и зарубежными исследователями [Неменский, с. 26; Шульга, с. 10]. Подобная двойственность сегодня все чаще проявляет себя на фоне широко известных и легко узнаваемых политических символов.

Далеко не случайно Верховная Рада Украины — центральный элемент современного украинского парламентаризма — до сих пор заседает в здании Верховного Совета УССР, построенном в 1939 г. талантливым советским архитектором Владимиром Заболотным. Едва ли этот выдающийся зодчий и лауреат сталинской премии мог предпо-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь», bialyorz1000@gmail.com.

ложить, что внесенные им в композицию «национальные мотивы» окажутся настолько востребованы через 75 лет, когда вокруг здания и внутри него будут проходить нешуточные политические баталии. А демонтаж пятиконечной звезды с его шпиля в феврале 2014 г., хотя и выглядел эффектно (и был, разумеется, неизбежен), остался фактически единственным явным вмешательством в доминирующую в его композиции эстетику сталинского неоклассицизма.

Наблюдая за нынешней трансформацией украинского государства и его символов, трудно не согласиться с мнением российского социолога Л. Д. Гудкова о том, что советское прошлое «уходит из Украины», но происходит это, по словам руководителя «Левада-Центра», слишком «медленно» [Украина снимает Ленина...].

Зримые свидетельства советского присутствия остаются и в названиях улиц и площадей (которые пощадил закон), и в определенной мере в пантеоне национальных героев, который сложился еще в советскую эпоху. С 2015 г. на Украине действует закон «Об осуждении коммунистического и нацистского режимов», запрещающий пропаганду советской символики. В частности, он предполагает переименование городов и улиц, названных в честь государственных деятелей времен СССР. Однако, вопреки официальному запрету, многие исторические названия и после принятия этого закона сохранились.

Даже прошедший в 2014–2015 гг. на Украине повсеместный «ленинапад» оказался вовсе не однозначным явлением. Переделка памятника В. Ленину в памятник гетману Пилипу Орлику в с. Новониколаевка Запорожской области (в ходе которой в руках у персонажа появилась украинская трубка, а сам он был облачен в шаровары) заставляет задуматься о еще не исследованных специалистами глубинных пластах украинской политической культуры, которая, несомненно, сочетает в себе европейский прагматизм и непредсказуемость «загадочной русской души».

Бесконечное прощание с «советской империей» с 2014 г., принимая самые разные формы, оставалось мейнстримным направлением украинской исторической политики. Такой подход к собственному прошлому, реализуемый одновременно с принятием декommунизационных законов, по мнению украинского руководства, необычайно полезен, так как «актуализирует политику национальной украинской памяти». На презентации нового законодательства в мае 2015 г. из уст лидера страны Петра Порошенко прозвучали и более откровенные заявления. Государство Украина, по его словам, «свое дело сделало. Сейчас дело историков» [Порошенко...].

Украина в XX в. действительно накопила огромный опыт в области собственного нацистроительства. Пожалуй, ни одна из стран Центральной и Восточной Европы не пережила в этот период такого количества экспериментов над собственными языком, культурой и государственностью. А так как этот путь далеко еще не пройден до конца, исследование данного опыта сегодня представляется особенно актуальным.

Понимание процессов, происходящих сегодня на Украине, невозможно без объективной оценки событий Гражданской войны 1917–1922 гг. и ее роли в становлении

украинской нации. Даже масштабная украинизация 1923–1928 гг. не принесла стране столько перемен — культурных, социальных, демографических, — сколько принесли драматические события, последовавшие за Февралем и Октябрем 1917 г.

Накануне революции 1917 г. Юго-Западный край Российской империи представлял собой регион с наиболее консервативным, традиционалистски настроенным и лояльным правительству населением. Местный национализм, хотя он и доставлял определенные хлопоты российским властям, в подавляющем большинстве случаев носил «этнографический» характер и был исключительно уделом интеллигенции. На днепровском правобережье, сплошь покрытом польскими латифундиями, высший класс составляли магнаты-сахарозаводчики и крупные землевладельцы, весьма чуждые по своей культуре местному населению. Средний класс в городах составляли русские офицеры и чиновники и еврейские торгово-промышленные круги. Полное отсутствие здесь местной «национальной» буржуазии ставило под сомнение любые попытки украинских революционеров и политиков создать на этих землях хоть сколько-нибудь жизнеспособный украинский национальный проект.

Подтверждением этому служат результаты выборов в Государственную Думу 1907–1912 гг., когда именно в малороссийских губерниях, в том числе, как ни удивительно это сегодня выглядит, на Волыни, русские национальные партии неизменно одерживали убедительную победу [Зеленковский, с. 15]. Оценивая результаты думских выборов 1907 г., председатель Киевского клуба русских националистов А.И. Савенко отмечал: «В то время, как великороссийские губернии даже в Третью Думу послали в значительном числе революционеров, Малороссия послала в Таврический Дворец почти сплошь русских националистов, [...] великороссийская Москва и Петербург служат оплотом революции, центр Малороссии — Киев — служит центром всего общерусского патриотического движения» [Котенко, с. 9].

С ним был полностью солидарен уроженец Волынской губернии, крестьянин и депутат Государственной Думы от фракции националистов М.С. Андрейчук, называвший любые попытки вмешательства в «украинский вопрос» бесперспективными: «Всякую украинофильскую пропаганду мы отвергаем [...] Мы, малороссы, как и великороссы, суть люди русские, а гг. Милюкову, Родичеву и Лучицкому говорим: продолжайте вашу заботу о том племени, служить которому вы призваны, а украинского народа не касайтесь» [Омельяничук].

Волынь и ее главная духовная святыня, знаменитая Почаевская лавра, в 1900-е годы стали центром русского правомонархического движения. По количеству членов «Союза русского народа» Волынская губерния уверенно лидировала в Российской империи, а в целом на Малороссию приходилось не менее 2/3 от общего числа членов этой политической организации.

Если принять во внимание уже начавшуюся тогда успешную реализацию нового курса П.А. Столыпина на создание «Великой России», разработанного не без участия киевской интеллигенции, интрига с украинским национальным проектом к 20–30-м го-

дам XX в. скорее всего ушла бы в небытие. Естественное развитие этой интриги прервала Русская революция, дав украинскому проекту шанс, о котором его сторонники не могли даже мечтать.

Украинская литература, печать, национальный украинский театр в начале XX столетия оставались своеобразной «экзотикой», легко узнаваемой, но имевшей крайне немногочисленных приверженцев. Даже знаменитый херсонский помещик и меценат, спонсор украинских газет и журналов Евгений Чикаленко в 1906 г. был вынужден пожаловаться на своих земляков: «Язык нашей газеты для них совсем чужой, он вызывает возмущение даже тех людей, которые искренне хотели бы, чтобы развивалась наша пресса» [Шевельов]. А не менее известный правый депутат Государственной Думы граф В.А. Бобринский не без сарказма замечал: «Разве кто-нибудь понимает из малороссов газету “Діло”, кроме того узкого кружка, который ее читает? Конечно нет!» [Соколов]

Напротив, общерусская культура на юго-западных окраинах Российской империи в начале XX столетия, особенно в образованной городской среде, переживала очередную бурный расцвет. Филолог-славист А.С. Будилович, историки Т.Д. Флоринский, Ю.А. Кулаковский, А.В. Стороженко, литераторы К. Г. Паустовский и М.А. Булгаков и, наконец, родившийся в Киеве М.А. Волошин (Кириенко) оставили заметный след в единой русской культуре.

В 1910 г. И.А. Сикорский (отец знаменитого авиаконструктора), выступая на собрании перед выборами в киевскую городскую Думу, отмечал: «Значение центра русской национальной жизни начинает переходить к Киеву, и на киевлянах лежит высший долг перед городом и родиной: мы должны укреплять возникшую здесь русскую твердыню» [Сборник...].

Оценивая эти высказывания, невозможно игнорировать тот факт, что российский правящий класс и интеллигенция традиционно рассматривали Малую Русь, как органическую часть русского культурного, политического и исторического пространства.

Древний Киев, который еще император Александр II называл «Иерусалимом земли русской», всегда оставался непременной целью для посещений представителей российской императорской фамилии. Любимый город вдовствующей императрицы Марии Федоровны ежегодно притягивал десятки тысяч паломников, поражал своей историей, архитектурными памятниками и религиозными святынями. По меткому выражению В.О. Ключевского, русский народ и в начале XX в. «помнил и знал» старый Киев «с его князьями и богатырями, с его св. Софией и Печерской лаврой», бережно хранил и любил его историю [Ключевский, с. 211].

Со времен Петра и Елизаветы российская элита ни на минуту не забывала о почетном статусе города на Днепре как первой общерусской столицы и неизменно оказывала ему свои знаки внимания. Заложенный Елизаветой в 1744 г. Мариинский дворец со временем превратился в официальную императорскую резиденцию — именно здесь вдова императора Александра III встретила весть об отречении своего сына. Любил

посещать эти места и последний российский монарх, а трагические события, произошедшие на берегах Днепра 1 сентября 1911 г., стали для современников первыми предвестниками будущего крушения империи¹.

По странной иронии, новейшая история страны превратила киевскую императорскую резиденцию сначала в штаб-квартиру Киевского совета рабочих и солдатских депутатов, а в наши дни — в дом приемов украинского президента, словно доказывая тщетность любых попыток разорвать преемственность и историческую связь между эпохами.

Как случилось, что древний Киев, не знавший военных приготовлений со времен Мазепы и Карла XII, стал эпицентром борьбы между сторонниками Центральной Рады и рабочими завода «Арсенал»? Каким образом патриархальная Волынь, которую ещё А.И. Куприн называл «медвежьим углом» Российской империи, стала центром украинского национализма? Куда подевался образованный слой русских администраторов, польских аристократов и сахарозаводчиков, чешских промышленников и пивоваров, киевской профессуры Университета Св. Владимира и городской интеллигенции?

Революция смела все это, равно, как и прежнюю «малороссийскую» Украину. Та исчезла вместе с «сахарными заводами Высоцкого», «чайной фабрикой Бродского», имением «Аскания-Нова», дворцами Потоцких, Грохольских и Тарновских.

В годы Гражданской войны тотальная архаизация и «децивилизация» общества привели к слому его прежней социальной структуры и ее максимальному упрощению. Особенно пострадали городские круги, но не только они. Социальный конфликт достаточно быстро приобрел яркую национальную окраску, и в наиболее уязвимом положении оказались те национальные группы, которые до 1917 г. занимали на Украине преобладающие (в том или ином отношении) позиции. В данном случае речь идет в первую очередь о еврейских и польских кругах. Неудивительно, что для многих современников аллюзии с украинской «Руиной» XVII столетия и эпохой гайдамацких восстаний в XVIII в. напрашивались сами собой. Позднее, уже после революционных потрясений 1917–1920 гг., это дало повод известному польскому историку Ф. Равите-Гавронскому с горечью отмечать: «Исчезла прежняя, древняя Русь и возникла шумная и беспокойная, какая-то некозацкая Украина, словно лозунг с агитационного плаката» [Rawita-Gawroński, s. 11].

«Как и всюду в бывшей царской империи, старый мир ушел в прошлое». Этот вывод известного канадского историка украинского происхождения Ореста Субтельного как нельзя лучше описывает ситуацию, сложившуюся на Украине в послереволюционную эпоху.

Разумеется, столь серьезные перемены не могли произойти спонтанно. Они были обусловлены борьбой между рожденными революцией различными социально-политическими проектами и их сторонниками как в России, так и на Украине.

¹ Покушение на П.А. Столыпина 1 сентября 1911 г. для многих современников означало утрату надежды на успешное завершение реформ и послужило прологом революционных потрясений.

По мнению современного белорусского историка И.Ф. Зеленковского, «Слом государственности облегчило то обстоятельство, что к тому времени русская нация имела еще не до конца оформившуюся национальную элиту. То есть, русская интеллигенция и чиновничество были только в процессе отхода от безоговорочно европейской ориентации, а соответствующая вызовам времени русская идея была на начальном этапе создания. <...> Это обстоятельство и привело русский народ к катастрофе Февраля/Октября 1917 года, в результате которой изначально пострадала прежде всего русская национальная элита в Великороссии и, возрождавшаяся западнорусская на Украине и в Белоруссии. Русская национальная элита или вынуждена была эмигрировать (до 2 миллионов), но в основном была уничтожена несколькими волнами государственного террора» [Зеленковский, с. 17].

Очевидно, что в этих новых условиях элитам, выдвинутым революцией, пришедшим на смену аристократическим и бюрократическим кругам, понадобились совершенно новые политические приемы и методы борьбы. Для управления массами (заменившими народ) в ход пошли яркие и в то же время простые лозунги, призывавшие аполитичных в недавнем прошлом граждан к социальному раю и национальному освобождению. Издержки этой политики, провозглашавшей построение внеклассового общества и воспитание на его базе «нового человека», в первое время представлялись ее организаторам совершенно несущественными.

Самые разные политические силы, от национально ориентированных партий, до меньшевиков, украинских эсеров и анархистов, с энтузиазмом приступили к созданию на Украине собственных властных структур.

Российские и зарубежные историки Гражданской войны подсчитали, что в 1917–1920 гг. на территории Украины возникло не менее полутора десятков различных государственных образований. Многие из них имели ярко выраженную национальную украинскую ориентацию: Украинская Народная Республика (УНР), Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), Украинская Держава гетмана П. Скоропадского, Украинская Народная Республика периода Директории.

Но ни одно из этих государств не оказалось столь жизнеспособным и долговечным, как советский украинский проект. Заложенный в годы Гражданской войны, он набрал особую силу в середине — второй половине 1920-х годов, когда политика всеобщей «коренизации» достигла небывалых успехов в формировании новой украинской идентичности. Даже в современной украинской историографии этот период именуется не иначе как «украинское возрождение».

В чем были причины успеха? Для многих они в течение долгого времени оставались загадкой, тем более что наиболее яркие лидеры советской Украины еще совсем незадолго до этого, в 1917–1918 гг., принадлежали к лагерю противников большевиков.

Известный украинский поэт Павло Тычина, в 1918 г. клеймивший советскую власть за жестокость развязанной ею Гражданской войны, позднее не только стал апологетом

Сталина, но и главой украинского Института литературы и бессменным председателем Верховного Совета УССР. Профессор Львовского университета Михаил Грушевский, с трибуны Рады громогласно обвинявший большевиков в наступлении на «свободу» молодой Украинской республики, позже «признал» свои ошибки и в 1920-е годы трудился в роли председателя Украинской Академии наук. Даже революционер Владимир Винниченко, «украинский Герберт Уэллс», чьи утопичные идеи, казалось, не имели ничего общего с создаваемым большевиками «коммунистическим раем», в 1921 г. написал в ЦК партии покаянное письмо.

Удивительные метаморфозы происходили с украинскими революционерами, писателями и поэтами, политиками и публицистами. Вернувшиеся вслед за М.С. Грушевским в УССР выходцы из Галиции заняли руководящие посты в украинском Наркомате народного просвещения, редакциях газет и журналов, библиотеках, структурах Украинской Академии наук. В одном из частных писем М.С. Грушевский указывал на огромное число своих последователей, вернувшихся вместе с ним в Советский Союз, — до 50 тыс. человек. Это было неудивительно, учитывая, что советской власти элементарно не хватало квалифицированных кадров для проведения масштабной украинизации.

Благодаря привлечению творческих сил своих бывших оппонентов, большевикам в начале 1920-х годов фактически удалось создать фундамент новой советской Украины. Основные контуры этого государства, как и его наиболее характерные черты — обязательное изучение украинского языка госслужащими, украинизация школы, периодической печати, официального делопроизводства, выдвижение титульных кадров на руководящие посты, — оставались неизменными на протяжении последующих десятилетий.

К началу НЭПа необходимо было лишь закрепить достигнутые в годы Гражданской войны результаты, к чему и призвали решения XII съезда РКП (б), провозгласившего в апреле 1923 г. курс на проведение политики всеобщей «коренизации».

Политика большевиков в украинском вопросе в 1917–1923 гг. прошла через несколько самостоятельных этапов, значительно различавшихся между собой. В начале Гражданской войны Украина не имела даже собственной партийной организации, т.к. Киевский партийный комитет был всего лишь одной из территориальных структур РСДРП. Национальные вопросы ни в коей мере не считались приоритетными в работе киевских большевиков. Лидер Киевского комитета РСДРП Г.Л. Пятаков еще летом 1917 г. заявлял, что «и речи не может быть про какую-то там Украину, т.к. все это выдумка националистов» [Документи... с. 17]. Расхождения по национальному вопросу с В.И. Лениным, которые у Пятакова обнаружились задолго до революции, не раз становились предметом острой дискуссии между ними. На VII Всероссийской конференции РСДРП в апреле 1917 г. Пятаков вступил в полемику и с И.В. Сталиным, выдвигая радикальный лозунг «Прочь границы». Резолюция Пятакова не была принята участниками, победила точка зрения Сталина, который отстаивал ленинский принцип национального самоопределения [см.: Сталин, т. 3, с. 48].

После победы большевиков в Петрограде Киевский комитет вступил в непримиримый конфликт с Центральной Радой, что достаточно быстро привело к вооруженному противостоянию. В конце 1917 г. Рада была объявлена советским правительством «буржуазной» (хотя сплошь состояла из социалистов), а федерализм многих ее участников большевики полностью игнорировали. Трагедия Киева, после его занятия войсками красных под командованием М.А. Муравьева в январе 1918 г., нисколько не изменила мнение местных большевистских лидеров. Развязанный большевиками красный террор лишал новую власть поддержки населения, а «вместо Советов, — как выразился современник, — управляли революционные комитеты и разные комиссары» [Чериковер, с. 108].

Очевидец событий, историк и журналист Николай Полетика в своих воспоминаниях подробно описал знакомство киевлян с властью большевиков: «Первое впечатление от носителей советской власти — солдат Муравьева — было потрясающим. По Киеву ходила в списках поэма Александра Блока “Двенадцать”. Люди, читавшие ее, со страхом и любопытством сравнивали двенадцать героев поэмы Блока с солдатами Муравьева. Разница между ними заключалась лишь в том, что Блок идеализировал и опоэтизировал своих героев, приписав им свои мессианистические настроения, которых на самом деле ни у «Двенадцати», ни у солдат Муравьева не было» [Полетика]. Вместо «мессианских настроений» войска Муравьева принесли в Киев «классовый террор» [Там же].

Репрессии коснулись не только «классовых врагов» — офицеров, чиновников, буржуазии, но и представителей украинских социалистов. Однако опасность зарождения в социальном конфликте этнической составляющей не была вовремя замечена. Г.Л. Пятаков и Е.Б. Бош по-прежнему были убеждены, что социальное освобождение гораздо важнее «национальной борьбы», которую они считали пережитком буржуазной эпохи.

Лишь серия тяжелых поражений весны-лета 1918 г. побудила советское руководство пересмотреть свою политику на Украине. Первый учредительный съезд КП(б)У состоялся в июле 1918 г. в Москве и стал важным этапом в деле мобилизации украинских национальных кадров. Секретарем организационного бюро съезда был избран Николай Скрипник — сторонник самостоятельной украинской республики, политики украинизации и отдельной украинской компартии. Осенью 1918 г. руководство РСФСР приняло решение сформировать новое украинское советское правительство. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины было образовано в Курске 28 ноября 1918 г. Поначалу его возглавил Г.Л. Пятаков, однако вскоре он был заменен Христианом Раковским, обрусевшим болгаринном, родившимся в Османской империи. Этот опытный революционер, хорошо известный своей деятельностью в «Автономной коллегии по борьбе с румынской и украинской контрреволюцией» в Одессе, казался более подходящей фигурой, чем непредсказуемый Пятаков. В декабре 1918 г., после падения гетманского режима, большевики уже во второй раз были готовы к вооруженному походу на Украину.

Переломным для решения украинского вопроса стал 1919 г., когда советская власть на Украине столкнулась сразу с несколькими противниками — С.В. Петлюрой, А.И. Де-

никиным и многочисленными повстанческими атаманами. Как признавал в одном из своих выступлений Л. Троцкий, «намного труднее дело обстояло при втором походе на Украину, потому что мы готовились воевать с гетманом, а пришлось иметь дело с Петлюрой». Поначалу руководимые В.А. Антоновым-Овсеенко советские войска имели успех, особенно после того как к ним присоединились главные лидеры партизанского движения — Н.А. Григорьев и Н.И. Махно. К июню 1919 г. большевики сумели установить контроль почти над всей Украиной. Однако затем наступила долгая полоса разочарований и неудач.

Как и в 1918 г., большевистское правительство (Х. Раковского) не смогло привлечь на свою сторону левую украинскую интеллигенцию и те силы, которые позднее влились в партию боротьбистов. Местные социал-демократы, украинские эсеры и анархисты не скрывали своего разочарования: чрезвычайные комиссии и продотряды оказались не лучшей альтернативой гетману и германской оккупации. Украинские крестьяне оказывали сопротивление насильственной коллективизации и изъятию «излишков», и спустя всего несколько месяцев тыл Красной армии на Украине был охвачен огромным антибольшевистским восстанием. Наступление А.И. Деникина, совпавшее по времени с этим народным движением, вновь изменило соотношение сил. Советская власть на Украине пала в третий раз, сумев продержаться чуть более семи месяцев.

Поражение большевиков на Украине летом 1919 г., временный успех Деникина, укрепление Петлюры на Правобережье побудили советское руководство полностью пересмотреть свою политику в национальном вопросе. По распоряжению В.И. Ленина, в середине августа 1919 г. украинское советское правительство было расформировано, а его члены вернулись в Москву. Один из лидеров советской Украины, Д.З. Мануильский, с горечью отмечал: «Каждую весну мы снаряжаем на Украину очередную труппу, которая, совершив турне, возвращается в Москву осенью» [Субтельний].

Для большевистской элиты было очевидно, что необходимо прибегнуть к новым идеям и новым кадровым решениям. Крайне важным шагом в этих условиях стала поддержка большевиками местной «национальной культуры», провозглашенная несколькими программными документами в 1919 г. В проекте тезисов ЦК РКП (б) «О политике на Украине» 21 ноября 1919 г. провозглашалась «Величайшая осторожность в отношении к националистским традициям, строжайшее соблюдение равенства украинского языка и культуры, обязательство изучать украинский язык для всех должностных лиц» [цит. по: Амиантов, с. 199].

Уступки «украинству» должны были носить тактический и временный характер. «Пока, — отмечалось в документе, — самостоятельная Украинская Социалистическая Советская Республика, в тесной федерации с РСФСР». Предполагалось поставить под строгий контроль украинские культурные организации и способствовать расслоению украинского села с выделением дружественных советской власти элементов [Там же].

Соблазн перессорить своих противников был для большевиков слишком велик, чтобы им не воспользоваться. Необходимо было получить поддержку многомиллионного

украинского крестьянства, максимально смягчив тот «образ коммуны», который несли с собой большевистские комиссары. И если для подрыва доверия к Деникину было достаточно одного указания на реакционный и контрреволюционный характер его власти, то для дискредитации Петлюры советская власть пошла на полное признание «национальных, культурных и языковых прав украинского народа».

Новая политика, по мнению советских вождей, должна была окончательно дискредитировать прежние национальные проекты на Украине и лишить их возможной поддержки в будущем. «Украина, — утверждал Лев Троцкий, — должна быть нашей, и нашей она будет только тогда, когда будет советской, а Петлюра вышиблен из памяти народа навсегда». Тот факт, что «бывшие петлюровцы» оказались в рядах союзников большевиков, апологета мировой революции нисколько не смущал.

В подробной инструкции советским агитаторам, направляемым на Украину осенью 1919 г., Троцкий указывал на трудность и ответственность их работы: «То, о чем мы здесь — в России — говорим совершенно открыто, в Украине можно шептать лишь на ухо, а то лучше и совсем не говорить. Умение молчать есть тоже одна из фигур красноречия. Вы, товарищи, отправляетесь на Украину. Помните же, что нет труднее работы агитаторской, как на Украине. В третий раз мы посылаем сильные кадры туда и каждый раз все с новой тактикой и новыми приемами» [цит. по: Праці... с. 149].

Наиболее болезненный для украинского крестьянства вопрос о коллективизации предполагалось отложить на будущее — «пока наша власть не окрепнет». Троцкий призывал своих соратников активно использовать националистические настроения: «В противовес «самостийнику» Петлюре и другим говорить — что Россия тоже признает самостийность Украины, но с советской властью, а Петлюра продает Украину буржуазным государствам» [Там же].

«Труднее дело обстоит с Петлюрой, — предупреждал агитаторов глава Реввоенсовета, — так как украинское крестьянство на него и надеется. Нужно быть осторожными. Только дурак или провокатор без разбора везде и всюду будет твердить, что мы воюем с Петлюрой. Иногда, покуда не разбит Деникин, выгодно распускать слухи, что советская власть в союзе с Петлюрой» [Праці... с. 150]. «Для достижения намеченной цели, — напутствовал своих соратников Л. Троцкий, — все средства одинаково хороши» [Праці... с. 151].

Ключевым моментом в этой политике стала организация в августе 1919 г. партии «боротьбистов» на базе Украинской партии социалистов-революционеров (левых), как промежуточного звена между большевиками и национально ориентированными силами. Лидеры боротьбистов исповедовали собственную идеологию «украинского национал-коммунизма», а в марте 1920 г. их партия слилась с КП(б)У. Союз с боротьбистами давал возможность ускорить окончание Гражданской войны, разгромить армию Деникина и нанести поражение националистам во главе с С. Петлюрой. Пойдя на уступки в национальном вопросе, большевики могли теперь приступить к полноценному государственному строительству.

В письме «Рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным» 28 декабря 1919 г. В.И. Ленин указывал на преимущества такого союза: «Боротьбисты отличаются от большевиков, между прочим, тем, что отстаивают безусловную независимость Украины. Большевики из-за этого не делают предмета расхождения и разъединения, в этом не видят никакой помехи дружной пролетарской работе. Было бы единство в борьбе против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а из-за вопроса о национальных границах, о федеративной или иной связи между государствами коммунисты расходиться не должны. Среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией» [Известия ВЦИК].

Протягивая руку боротьбистам (нередко — бывшим петлюровцам), советская власть одновременно решала и кадровый вопрос. Яркой иллюстрацией произошедших в украинской элите изменений стали биографии видных партийных деятелей УССР, вышедших из националистической среды.

Так, один из друзей Павла Тычины, поэт Владимир Эллан (Блакитный), стал в 1920 г. членом КП(б) Украины, редактором украинских газет и журналов и признанным «экспертом» в украинском вопросе. А один из бывших лидеров левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров А.Я. Шумский в 1920 г. вошел в состав президиума ЦИК Украины и Политбюро ЦК КП(б)У. В 1921–1923 годах он занимал должность полпреда УССР в Польше, с 1924 г. — возглавил Наркомат просвещения Украины и активно проводил политику украинизации.

Знаменитый украинский кинорежиссер Александр Довженко (1894–1956) в годы Гражданской войны служил добровольцем в армии УНР — сохранились свидетельства о его участии в штурме киевского «Арсенала». В начале 1920 г. он вступил в партию боротьбистов, а позднее оказался в рядах КП(б)У, возглавив партийную школу в Житомире. По его собственному признанию, «украинское сепаратистское буржуазное движение казалось мне в ту пору самым крайним революционным движением, самым левым, следовательно, самым лучшим... О коммунизме я ничего не знал, и если бы меня спросили тогда, кто такой Маркс, я ответил бы, что это, пожалуй, издатель различных книг... Таким образом, я вошел в революцию не в ту дверь» [Довженко...]. Бурное революционное прошлое и мирная работа на административных должностях в 1920-е годы оказались для всех этих людей типичной страницей биографии.

Впрочем, руководителями процесса украинизации в разное время оставались деятели, культурно очень далекие от Украины: Христиан Раковский, Лев Троцкий, Лазарь Каганович и глава Наркомата по делам национальностей Иосиф Сталин.

Выступая на историческом X съезде РКП (б) в марте 1921 г., И. Сталин представил ситуацию в национальном вопросе на Украине так: «А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Укра-

ины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы» [Сталин, т. 5, с. 49].

Логическим завершением такой политики были решения XII съезда РКП (б) в апреле 1923 г., после которого коренизация стала официальной линией партии в национальном вопросе. Главным врагом советского государства был объявлен «национальный шовинизм», в первую очередь «великорусский».

Опасность роста сепаратизма и националистических настроений в республиках признавалась участниками съезда несущественной. По словам главного докладчика по национальному вопросу, И.В. Сталина, местный национализм «является реакцией на национализм великорусский, ответом на него, известной обороной». Для укрепления советского государства необходима борьба именно с ним, «ибо если мы его свалим, то на 9/10 свалим и тот национализм, который сохранился и который развивается в отдельных республиках» [Двенадцатый съезд РКП(б), с. 494-495].

Что же касается «природных» украинцев, то в их среде в начале 1920-х укреплялось представление, что украинизация периода Гражданской войны была (и должна была быть) тактическим ходом большевиков, призванным обеспечить их победу в конфликте с оппонентами — в первую очередь украинскими националистами. Разгром С. Петлюры, эвакуация остатков его войск в Польшу, казалось, снимали всякую необходимость продолжать такую политику в будущем.

Весьма показательным в этом отношении является письмо украинского большевика Д.З. Мануильского И.В. Сталину от 22 сентября 1922 г. В этом небольшом, но поразительном по откровенности документе секретарь ЦК КП(б) Украины выступил со смелым предложением — рассмотреть вопрос о «ликвидации самостоятельных республик и замене их широкой реальной автономией». «Образование на окраинах самостоятельных республик со своими ЦИК и Совнаркомом, — писал Мануильский, — отвечало определенному этапу нашей революции, который было бы неточно назвать «национальным» этапом, но в период которого пролетарской диктатуре пришлось развязывать национальный вопрос. Это была неизбежная уступка национальной стихии, приведенной революцией в движение и которая, опираясь на недовольство крестьянской массы, могла превратиться в серьезную Вандею. ...Несомненно, что введение сейчас автономии, там, где существовал режим «самостоятельности», отразится на темпе того перелома, который мы называем «сменовеховством». В наших окраинных республиках, в частности, в Украине, «сменовеховство» запоздало в силу национальных моментов. Введение автономии задержит еще на некоторое время украинскую смену вех, но никакого серьезного движения в смысле оппозиции к этому курсу не вызовет, ибо почвы у украинской интеллигенции нет. Украинский мужик «национальным» вопросом не интересуется и больше принимать участие в бандах политического характера не хочет» [Документы... с. 530].

Хотя руководство УССР не приняло предложение старого украинского революционера, в наличии такого подхода не было ничего удивительного. Подготовка к образо-

ванию СССР была воспринята многими партийными деятелями как шаг к восстановлению дореволюционной государственной модели. Более того, накануне XII съезда часть украинской партийной элиты выступала категорически против насильственной украинизации.

Видный советский деятель, член ЦК КП(б)У Эммануил Квириг в 1922 г. опубликовал статью «Национальные моменты», в которой предложил свою точку зрения на национальный вопрос. По его мнению, «некоторые товарищи выдвигают принцип усиленной украинизации», и в этих предложениях «сильно отдает украинским шовинизмом», поскольку «вопрос ставится о прямом покровительстве одной культуре и искусственном ее насаждении» [Борисенко]. Квириг был убежден, что «сама по себе украинская культура настолько сильна, что не нуждается в искусственной поддержке для своего естественного развития». По словам Квирига, «взаимодействие культур украинской и русской, что сейчас имеет место на Украине, приносит пользу, а не вред, давая Украине полную возможность пользоваться всеми достижениями более сильной России» [Там же].

Сходную позицию занимал и второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Лебедь, ставший автором концепции «борьбы двух культур» и выступавший против «украинизации во имя украинизации». Он призывал не превращать язык в «средство проведения национализма» и различать культурные потребности населения и амбиции «некоторых членов нашей партии». Однако этот подход на XII съезде был полностью отвергнут, хотя, несомненно, он нес в себе гораздо больше разумного, чем принятые съездом резолюции.

«Федерализм», всегда бывший частью идеологии украинских революционеров, не смог победить «национализм», и даже его консервация в 1930-е годы ничего не изменила в развитии украинской национальной модели. В конечном итоге именно советский проект оказался единственным успешным опытом государственного строительства для Украины в XX в. Это проект был элитарным порождением партийно-бюрократической машины, а его строителями, как уже было отмечено, часто выступали политики далекие от Украины и ее интересов. После падения СССР издержки советского нациестроительства уже не раз становились источниками кризисов. К сожалению, негативный потенциал этого наследия еще далеко не исчерпан.

Как справедливо заметил родоначальник украинских социалистов Михаил Драгоманов, всегда выступавший против раскалывавших общество национальных проектов, «сама по себе идея национальности еще не может привести людей к свободе и правде для всех. Нужно искать что-то другое» [Драгоманов, с. 13].

В поиске этого «другого» Украина находилась все годы существования советской власти. Обретение свободы и правды особенно актуально для украинского государства сегодня, когда страна в очередной раз очищает себя от «имперских наслоений», но не собирается отказываться от культурных достижений советской эпохи.

Литература

- Амиантов Ю.Н. и др. В. И. Ленин. Неизвестные документы (1891–1922). М. 2000.
- Борисенок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.). М. 2015. — URL: scicenter.online/sovetskaya-ukraina-scicenter/kurs-ukrainizatsiyu-xii-syezd-soveschanie-148174.html (дата обращения: 23.05.2019).
- Бош Е. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М. 1925.
- Винниченко В. Відродження нації. Ч. 1. Київ. 1920.
- Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М. 1999.
- Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. 1968.
- Довженко Александр Петрович. 29.08.1894 — 25.11.1956. — URL: odesafilmstudio.com.ua/ru/about/persons/dovzhenko (дата обращения: 23.05.2019).
- Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.) / ред. упоряд. Бачинський П.П. К. 1999.
- Драгоманов М.П. Чудацькі думки про українську національну справу. Львів. 1892.
- Зеленковский И.Ф. К вопросу формирования ментального портрета и цивилизационного выбора постсоветских элит. // Журнал социальных и гуманитарных наук «Аспект». 2017. № 4. Известия ВЦИК. №3, 4 января 1920 г.
- Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М. 1987.
- Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. Вып. 2 (108). С. 9–27.
- Неменский О. Эволюция русской и украинской идентичности на Украине после Евромайдана. // Вопросы национализма. 2015. № 4(24). С. 26–34.
- Омельяничук И.В. Национальный вопрос в идеологии черносотенных партий // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2005. Т. 18 (57). №3. С. 90–97. — URL: sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2016/12/012omelyanchuk.pdf (дата обращения: 23.05.2019).
- Полетика Н. Воспоминания. Киев. 1993. — URL: lib.ru/MEMUARY/POLETIKA/wospominaiya.txt (дата обращения: 23.05.2019).
- Порошенко: законы о декоммунизации освобождают от «имперских наслоений». — URL: bbc.com/ukrainian/rolling_news_russian/2015/05/150517_ru_n_communist_terror_poroshenko (дата обращения: 23.05.2019).
- Праці Українського Наукового Інституту. Т. XIII. Варшава. 1932.
- Сборник Киевского Клуба Русских Националистов. Вып. 3. Киев. 1911.
- Соколов Л. Русский язык для Украины — не иностранный. — URL: oko-planet.su/politik/politikday/print:page,1,9339-leonid-sokolov-russkij-yazyk-dlya-ukrainy-ne.html (дата обращения: 23.05.2019).
- Сталин И.В. Сочинения. Т. 3. М.1946.
- Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М.1947.
- Субтельний О. Україна: історія. К. 1991. — URL: resource.history.org.ua/item/0007560 (дата обращения: 23.05.2019).

Украина снимает Ленина. Россия славит Сталина. — URL: svoboda.org/a/26955779.html (дата обращения: 23.05.2019).

Чериковер И.М. История погромного движения на Украине 1917–1921 гг. Т. 1. Антисемитизм и погромы на Украине 1917–1918 гг. Берлин. 1923.

Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900-1941). Стан і статус. (3) — URL: zbruc.eu/node/68984 (дата обращения: 23.05.2019).

Шульга Н. Дрейф на обочину. Двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев. ООО «Друкарня “Бізнесполіграф”». 2011.

Rawita-Gawroński Fr. Kozaczyzna ukrainna w Rzeczypospolitej Polskiej do końca XVIII-go wieku. Zarys polityczno-historyczny. Warszawa, Gebethner i Wolff, 1922.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-130-147

УДК 338

Владимир Кондратьев

Проблемы деиндустриализации в США

Аннотация. Согласно принятым в конце XX в. экономическим воззрениям, США надлежало перейти к «постиндустриальной» экономике и сконцентрироваться на исследованиях, программном обеспечении и финансах, перенося производство в офшоры. Однако со временем стали очевидными реальные национальные издержки этой стратегии. Американская обрабатывающая промышленность не только потеряла за 20 лет 5 млн рабочих мест. Устойчивая тенденция ее ослабления выражается в слабом подъеме производительности, росте производства лишь в считанных отраслях, сокращении числа малых и средних предприятий, нехватке квалифицированных специалистов, увеличении торгового дефицита в сфере передовых технологий и рисков для оборонного сектора.

Ключевые слова: деиндустриализация, постиндустриальная экономика, офшоринг, обрабатывающая промышленность, конкурентоспособность, производительность труда.

Проблемы американской конкурентоспособности находятся в центре научных и общественных дискуссий с 1980-х годов. Вывод за рубеж широкого набора производств — не только трудоемких, таких как легкая промышленность, но и, например, производства компьютеров, телекоммуникаций, потребительской электроники, промышленного оборудования и многих других отраслей — за последние 20 лет привел в конечном итоге к потере 5 млн рабочих мест в обрабатывающей промышленности, а также к сокращению числа предприятий.

Стратегия офшоринга была настолько «успешной», по крайней мере в финансовом отношении, что обывательская премудрость посчитала, что все должно производиться в Китае. Это дешевле, быстрее, гибче и эффективнее. Вместо обрабатывающей промышленности, согласно этой точке зрения, США должны «оседлать» свою «постиндустриальную» экономику и сконцентрироваться на исследованиях, программном обеспечении и финансах, а производство переносить в офшоры.

Со временем реальные национальные издержки этой стратегии стали очевидными и в значительной степени оказались такими, как прогнозировал ряд экспертов в 1980-х годах. Во-первых, офшоринг производства деталей, узлов и конечной продукции был

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, v.b.kondr@imemo.ru.

хорош прежде всего для транснациональных корпораций, заботящихся о своих квартальных финансовых показателях, но разорял и уничтожал малые и средние компании обрабатывающей промышленности, которые составляют основу национальных стоимостных цепочек и географически дисперсных промышленных кластеров. Число таких компаний с 1990-х годов сократилось на 100 тыс. [Kota, Mahoney] Во-вторых, как и предвидели S. Cohen и J. Zysman, инновации в обрабатывающей промышленности притягиваются в те места, где существует производство [Cohen, Zysman]. Опыт показал, что прикладные исследования и инжиниринг, необходимые для выведения новых товаров на рынок, их разработка и совершенствование производственных процессов эффективней осуществляются рядом с фабриками и заводами. По мере того как все больше инженеров и дизайнеров перемещались за рубеж, многие американские компании теряли свои компетенции на территории США. Со временем лозунг «изобретай здесь, делай там» превратился в «изобретай там, делай там».

Более того, последние исследования оборонной промышленной базы показывают, что появились риски в производстве вооружений — слабые национальные поставщики, зависимость от импорта, поддельные и контрафактные детали, а также нехватка материалов [Assessing and Strengthening...]. В коммерческом секторе обрабатывающий импорт продолжает бить рекорды, несмотря на последнее повышение тарифов. Зависимость от импорта практически уничтожила способность американской промышленности производить большие плоские дисплеи и гибкие дисплеи следующего поколения, смартфоны, новые материалы и полупроводниковые блоки. Самое важное, что потеря производственной базы в передовых отраслях существенно снизила способность страны реализовывать в производстве результаты своих крупных инвестиций в НИОКР.

Технологические инновации коренным образом отличаются как от научных открытий, так и от инжиниринговых изобретений. Роль инноваций заключается в трансформации обещающих изобретений и открытий в новые товары или технологические процессы, чтобы удовлетворить определенные социальные потребности с помощью передовых ноу-хау. Для создания богатства и обеспечения национальной безопасности страна должна генерировать инновации. В противном случае крупные государственные инвестиции в НИОКР оказываются простым субсидированием НИОКР других стран, которые организуют производство и получают прибыль от полученных результатов.

Некоторые политические деятели в США утверждают, что страна остается крупным производителем и что озабоченность деиндустриализацией сильно преувеличена. Однако реальность говорит о другом. Например, доля обрабатывающей промышленности в ВВП США в 2018 г. была ниже, чем во время рецессии 2009 г., а восстановление после рецессии наблюдалось только в ограниченном числе отраслей: пищевой промышленности, производстве транспортного оборудования и металлоизделий. Темпы роста производительности, ключевого фактора конкурентоспособности, снижаются с 2005 г. и в настоящее время колеблются около нулевой отметки. Одновременно разрыв в ценах внутренних производителей готовых товаров и китайского импорта продолжает расти. Во многих аспектах, за исключением аэрокосмической отрасли, США уже не яв-

ляются страной передовой обрабатывающей промышленности и сфокусированы больше на отраслях среднего уровня, чем на высокотехнологичных, определяющих высокие жизненные стандарты и военное превосходство.

Когда-то основным конкурентом США была Япония со своими автомобилями, оборудованием, потребительской электроникой и технологиями бережливого производства. Теперь таким конкурентом выступает Китай. В течение 20 лет он был предпочтительным местом для размещения производства американскими промышленными компаниями с целью сокращения издержек. В 1990-х и начале 2000-х годов Китай еще рассматривался не в качестве конкурента, но как регион расширения американских производственных мощностей, как составная часть стратегии американских компаний. Эти компании пользовались преимуществами Китая (низкими заработной платой и налогообложением) для резкого сокращения издержек — сначала в низкостоимостных и низкотехнологичных отраслях, а со временем и в более наукоемких секторах производства товаров и компонентов, особенно в электронике.

Массовый перевод производственных мощностей американских компаний за рубеж, особенно в Китай, продолжается по всей стоимостной цепочке. В последние годы этот процесс сокращения издержек усилился и стал включать в себя исследования и инновации, поскольку американские компании увеличили инвестиции в НИОКР на территории Китая. За период 1997 — 2016 гг. инвестиции в НИОКР американских дочерних компаний и филиалов за рубежом выросли более чем в три раза и превысили 3 млрд долл. Хотя Европа с долей в 58% продолжает занимать ведущее место в этих объемах, расходы на НИОКР американских фирм на территории Китая (включая Гонконг) выросли за этот же период в 31 раз и оказались больше, чем в Японии [Kota, Mahoney].

Старые представления о том, что США станут специализироваться на отраслях с высокой добавленной стоимостью и будут продолжать подниматься вверх по стоимостным цепочкам, обнаружили свою ошибочность по мере того, как наукоемкие производства стали уходить за рубеж. По некоторым оценкам, доля добавленной стоимости высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности в США составляет 50%, в то время как в Германии и Южной Корее — 70% [Wubbeke]. Ситуация усугубляется тем, что в Китае и ряде других развивающихся стран быстро возникают свои национальные компании, в том числе и в наукоемких отраслях.

Даже министерство обороны США признало недавно тот факт, что ряд критических оборонных технологий сильно зависит от зарубежных производителей, а некоторые ключевые поставщики слишком слабы в технологическом отношении. Это касается прежде всего солнечных батарей и элементов, плоских дисплеев для авиации, печатных плат и полупроводников [Assessing and Strengthening... p. 41].

Статистика свидетельствует о слабом развитии американской обрабатывающей промышленности в последние десятилетия, которые компании McKinsey назвала «потерянными» [McKinsey...]. Вот некоторые данные, подтверждающие эту картину:

- доля обрабатывающей промышленности в ВВП США составила в 2018 г. 11,4%, что даже ниже, чем во время рецессии 2009 г. (11,7%);
- крупнейшими отраслями обрабатывающей промышленности являются транспортное оборудование (18% от стоимости обрабатывающей промышленности), химия (13%), пищевая промышленность (13%) и нефтепереработка (11%). А на отрасли, которые обычно относят к высокотехнологичным и передовым, приходится лишь незначительная доля выпуска: компьютерное и периферийное оборудование (1%), телекоммуникационное оборудование (1%), медицинское оборудование (2%), полупроводники (2%), энергетическое оборудование (1%), машиностроение (1%), электротехническое оборудование (1%). Из передовых секторов только на аэрокосмическую промышленность приходится больше (4%). Но она является одной из наиболее приоритетных отраслей и в Китае (в стратегии развития до 2025 г.), объектом повышенного интереса, что выражается в агрессивной покупке многих американских компаний [Senate Small...p. 25];
- в 2018 г. численность занятых в обрабатывающей промышленности США составила 12,8 млн чел., что на 34% меньше пиковых значений 2000 г. Исследования показывают, что это сокращение было обусловлено прежде всего выводом мощностей за рубеж и ростом импорта, а не процессом автоматизации производства [Autor, Dorn, Hanson; Andes, Muro]. Правда, с 2010 г. произошло некоторое увеличение занятости на 1,4 млн чел, но оно отмечалось преимущественно в транспортном машиностроении, пищевой промышленности и металлообработке [Abel, Deitz] (рис. 1).

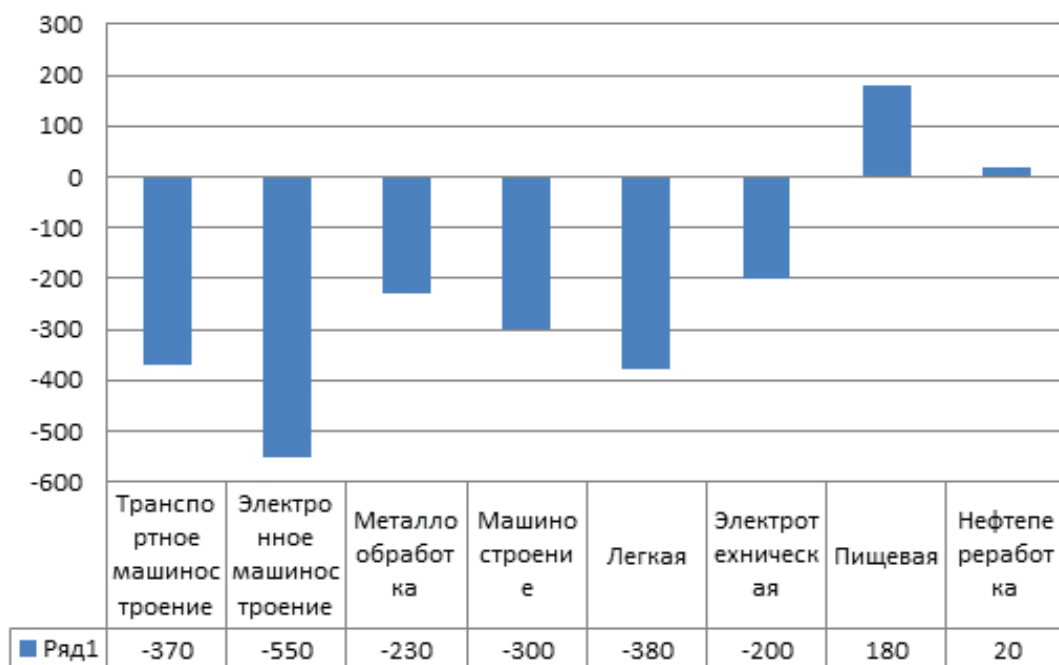

Рис. 1. Изменение численности занятых в отраслях обрабатывающей промышленности США за 2000 — 2018 гг. (тыс. чел.)

Источник: Jaison Abel and Richard Deitz, “The (Modest) Rebound in Manufacturing Jobs,” Feb. 4, 2019 at <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2019/02/the-modest-rebound-in-manufacturing-jobs.html>

- в 2006–2016 гг. наибольшее сокращение выпуска наблюдалось в наиболее передовых отраслях США: в фармацевтике — на 3,1%, общем машиностроении — на 2,9%, производстве телекоммуникационного оборудования — на 2,5%, производстве компьютеров и периферийных устройств — на 2,3%. Импорт возрос во всех этих отраслях [Abel, Deitz].
- Рост производительности в обрабатывающей промышленности, как свидетельствует рис. 2, практически исчез.

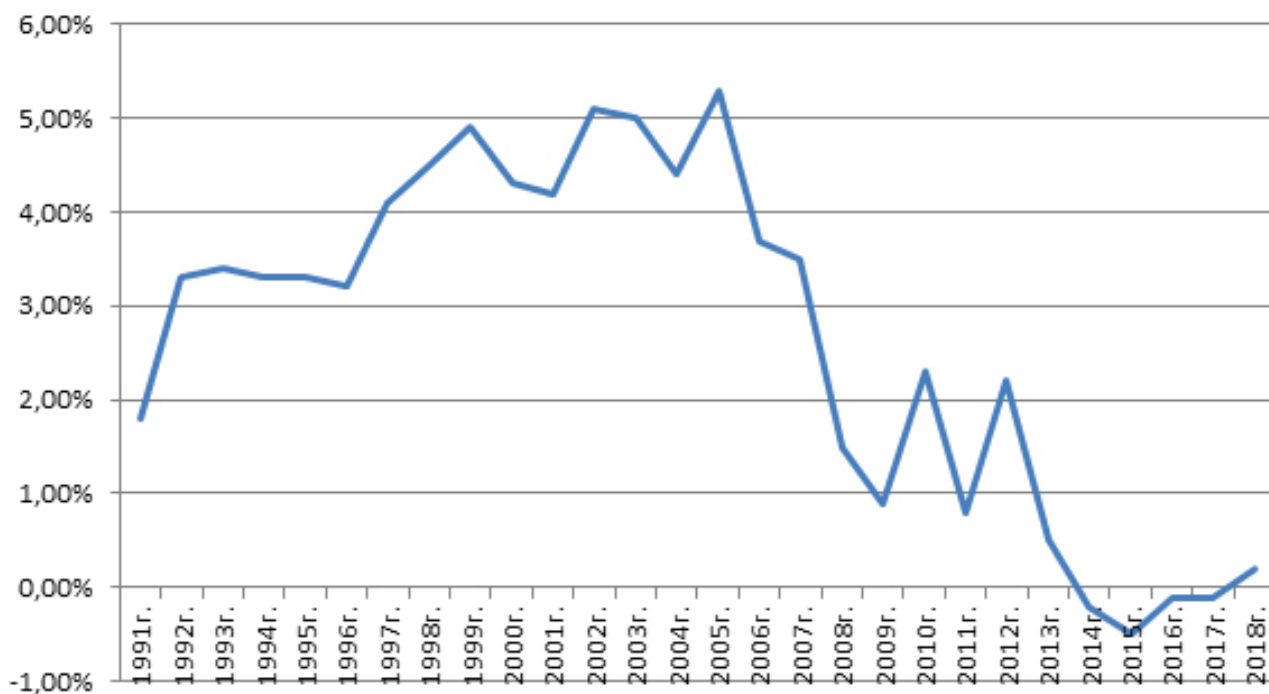

Рис. 2. Динамика роста производительности в обрабатывающей промышленности США, %

Источник: S. Kota and T. Mahoney. Reclaiming America's Leadership in Advanced Manufacturing. MForesight. Alliance for Manufacturing Foresight. June 2019.

С падением темпов роста производительности увеличивался разрыв в ценах конечной продукции американского производства и китайского импорта в страну (рис. 3). С учетом ценового фактора американская обрабатывающая промышленность теряет конкурентное преимущество перед китайскими производителями.

Этот ценовой разрыв служит главным фактором импорта товаров в США из-за рубежа. Так, импорт из 14 крупнейших азиатских стран — торговых партнеров США вырос в 2017 г. на 8% и достиг 55 млрд долл. С 2013 по 2017 г. импорт из этих стран в США вырос на 19%, в то время как объем обрабатывающей промышленности — всего на 1%¹.

¹ К этим 14 торговым партнерам США относятся Китай, Тайвань, Малайзия, Индия, Вьетнам, Таиланд, Индонезия, Сингапур, Филиппины, Бангладеш, Пакистан, Гонконг, Шри-Ланка и Камбоджа [Bossche, Gott].

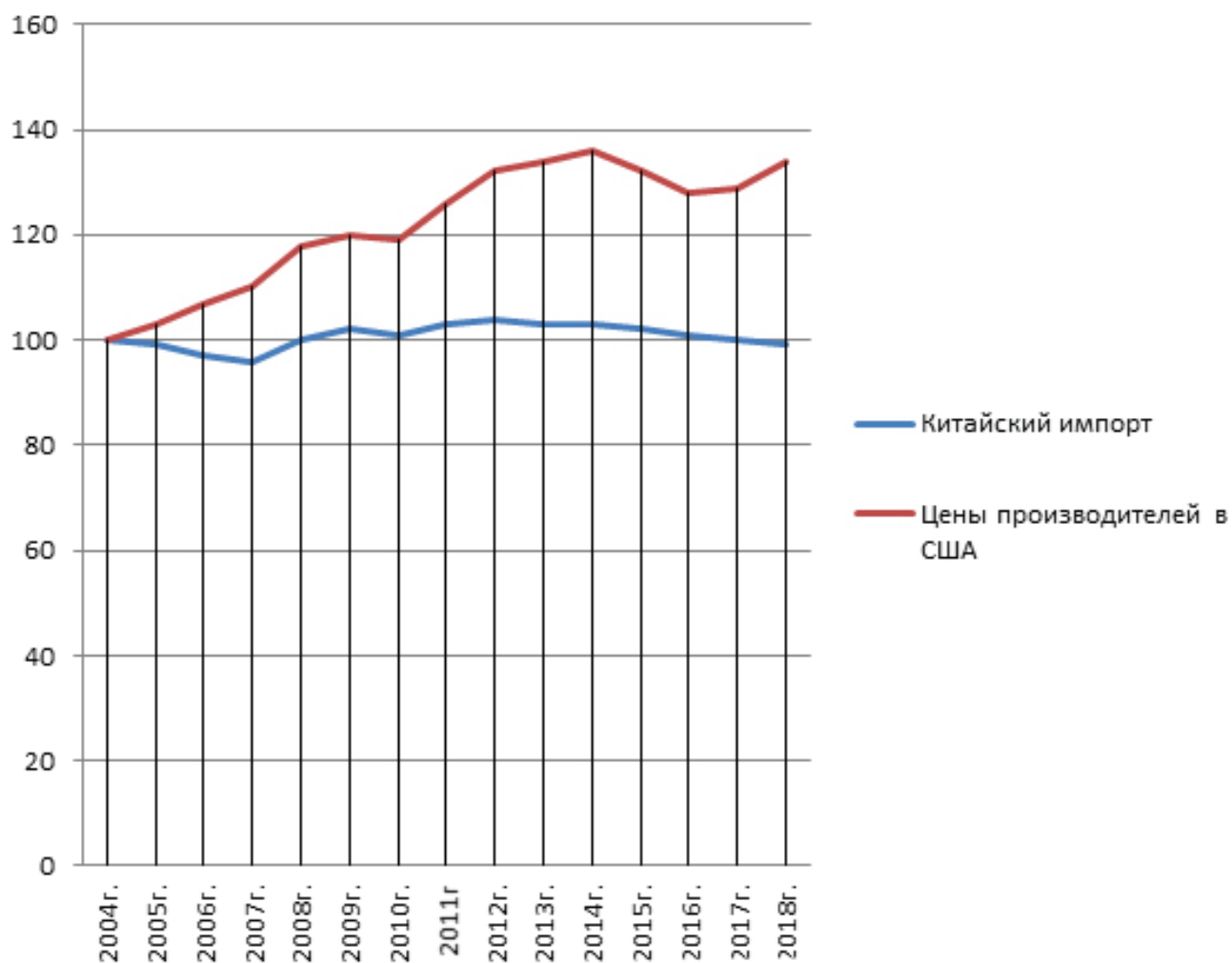

Рис. 3. Динамика цен производителей в США и китайского импорта (2004 г. — 100)

Источник: S. Kota and T. Mahoney. Reclaiming America's Leadership in Advanced Manufacturing. MFOresight. Alliance for Manufacturing Foresight. June 2019.

Надо иметь в виду, что около 40% китайского экспорта в США производится филиалами иностранных компаний или совместными предприятиями. Иностранные компании производят 87% китайской электроники и 60% продукции машиностроения. Это обстоятельство ускоряет процесс “learning by doing” Китая, способствует китайским инновациям и росту конкурентоспособности в области высоких технологий. Из товаров, на которые направлены американские меры по повышению тарифов, 85% составляет продукция иностранных компаний, действующих в Китае, многие из которых являются американскими [Lovely, Liang].

Рост китайского экспорта в США более всего распространяется на продукцию высокотехнологичных отраслей (рис. 4).

Общий объем импорта из Китая в США за этот же период вырос на 200 млрд долл., причем 70% пришлось на пять инновационных отраслей.

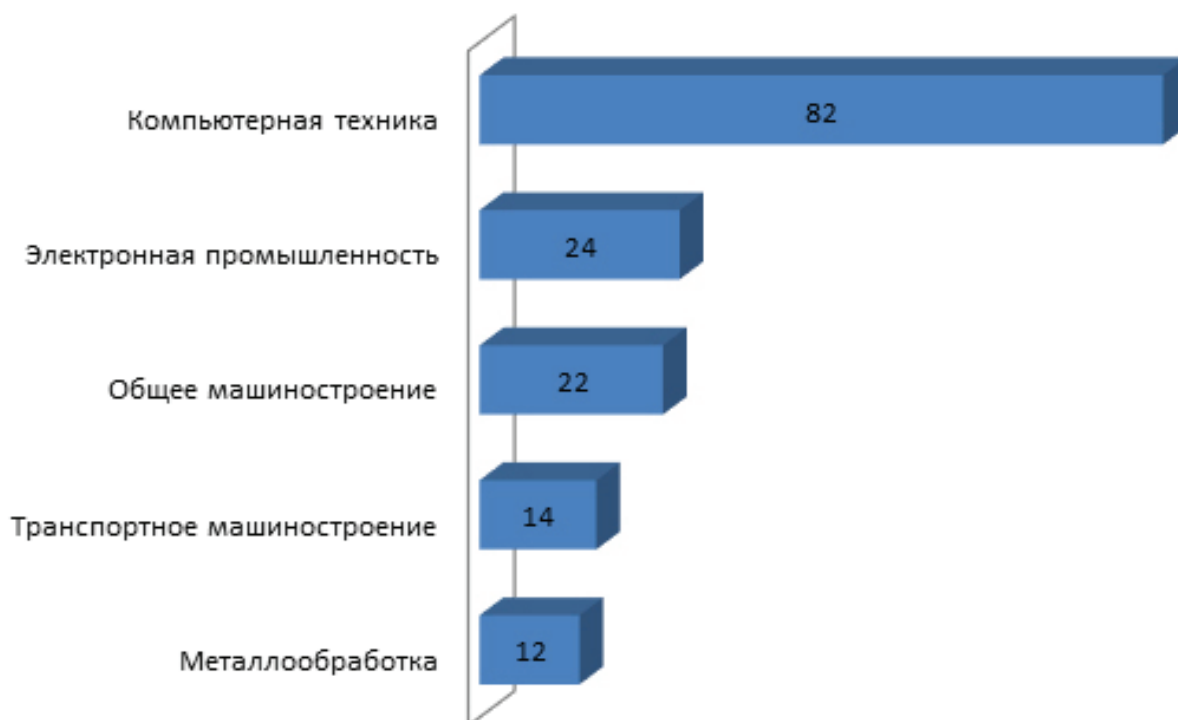

Рис. 4. Рост китайского экспорта в США по отраслям за 2009 — 2017 гг. (млрд долл.)

Источник: International Trade Administration.

Процесс решоринга еще не набрал необходимые обороты. В 2017 г. индекс решоринга компании A.T. Kearny даже снизился. Из-за необратимых инвестиционных издержек (уже понесенных компаниями) решоринг происходит только тогда, когда производитель понимает, что офшоринг оказался ошибкой, привел к потере контроля над производством, низкому качеству продукции, задержкам поставок и потере интеллектуальной собственности.

После кризиса 2007–2008 гг. обрабатывающая промышленность США вообще не показала никакого роста. Некоторый рост имел место в транспортном машиностроении, нефтепереработке и пищевой промышленности; в передовых же отраслях, таких как фармацевтика, телекоммуникационное оборудование и компьютеры, наблюдалась стагнация.

Эти неблагоприятные тенденции в обрабатывающей промышленности США оказали во время «потерянного десятилетия» негативное влияние на оборонную промышленную базу страны, которое признали и на официальном уровне. В сентябре 2018 г. министерство обороны опубликовало доклад с оценкой рисков, угрожающих американской оборонной промышленной базе (рис. 5).

Конкретные риски по каждой категории выглядят следующим образом:

- в стране имеется только один производитель стволов большого калибра;
- единственный национальный поставщик крупноразмерного тонкостенного литья

для винтокрылых коробок передач в 2016 г. был объявлен банкротом, что подвергло риску программы производства военных вертолетов (AH-64E Apache, V-22 Osprey и CH-53K);

- начиная с 2010 г. число разработчиков ключевых оборонных систем (боеприпасы, орудия, ракеты и космические системы) сократилось, несмотря на стабильность и даже некоторый рост военных расходов;
- контрафактные комплектующие, особенно в электронике; недостаточность контроля качества и отсутствие отслеживания поставок были наиболее уязвимыми местами в оборонной стоимостной цепочке. При этом большая часть контрафакта поступала из Китая. В 2012 г. исследование сенатского комитета по оборонным услугам установило, что около 84 тыс. контрафактных электронных комплектующих было поставлено в США только одной китайской компанией [Senate Armed...];
- несмотря на огромное значение для электронных устройств всех типов, американская промышленность по производству печатных плат сжимается и не может полностью использовать технологии жестких и гибко-жестких печатных плат.

Эти примеры иллюстрируют последствия широкого вывода за границу обрабатывающих мощностей и его непредсказуемого влияния на оборонное производство.

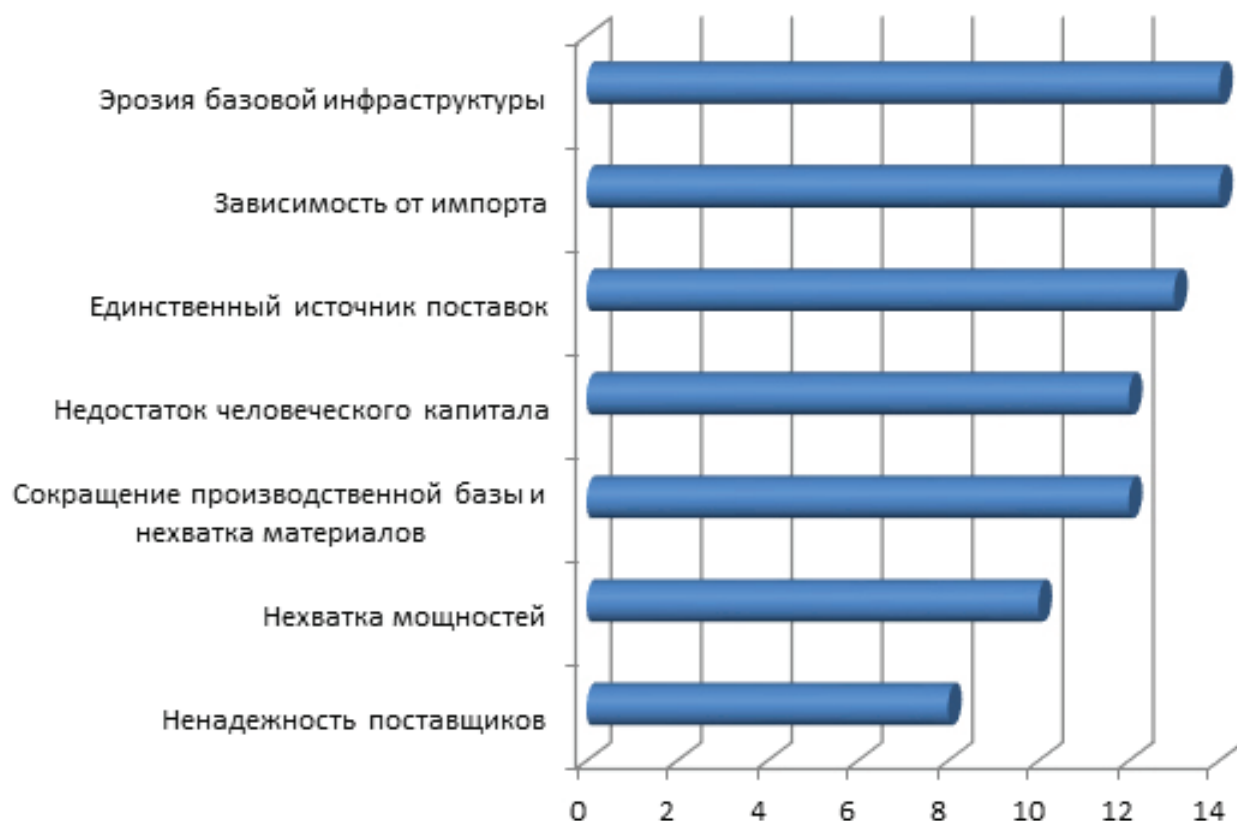

Рис. 5. Риски для американской оборонной промышленности (частота ответов экспертов)

Источник: U.S. Department of Defense, "Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States," Report to President Donald J. Trump by the Interagency Task Force in Fulfillment of Executive Order 13806, September 2018.

Серьезное воздействие этот процесс оказал на профессиональный уровень занятых в обрабатывающей промышленности. Отрасль теряет не только производственные мощности, но и профессиональные кадры.

Непредвиденным последствием процесса офшоринга в последнее десятилетие было резкое сокращение американской индустриальной базы. Это так называемое *industrial commons* (промышленное достояние) — термин, введенный G. Pisano и W. Shih десять лет назад для обозначения совокупных возможностей НИОКР, инжиниринга и обрабатывающей промышленности генерировать и поддерживать процесс инноваций [Pisano, Shih]. По мере того как крупные производители переносили свое производство за рубеж, туда следовала и их цепочка снабжения и поставок. В результате число предприятий обрабатывающей промышленности на территории США сократилось более чем на четверть с 1993 г. (рис. 6).

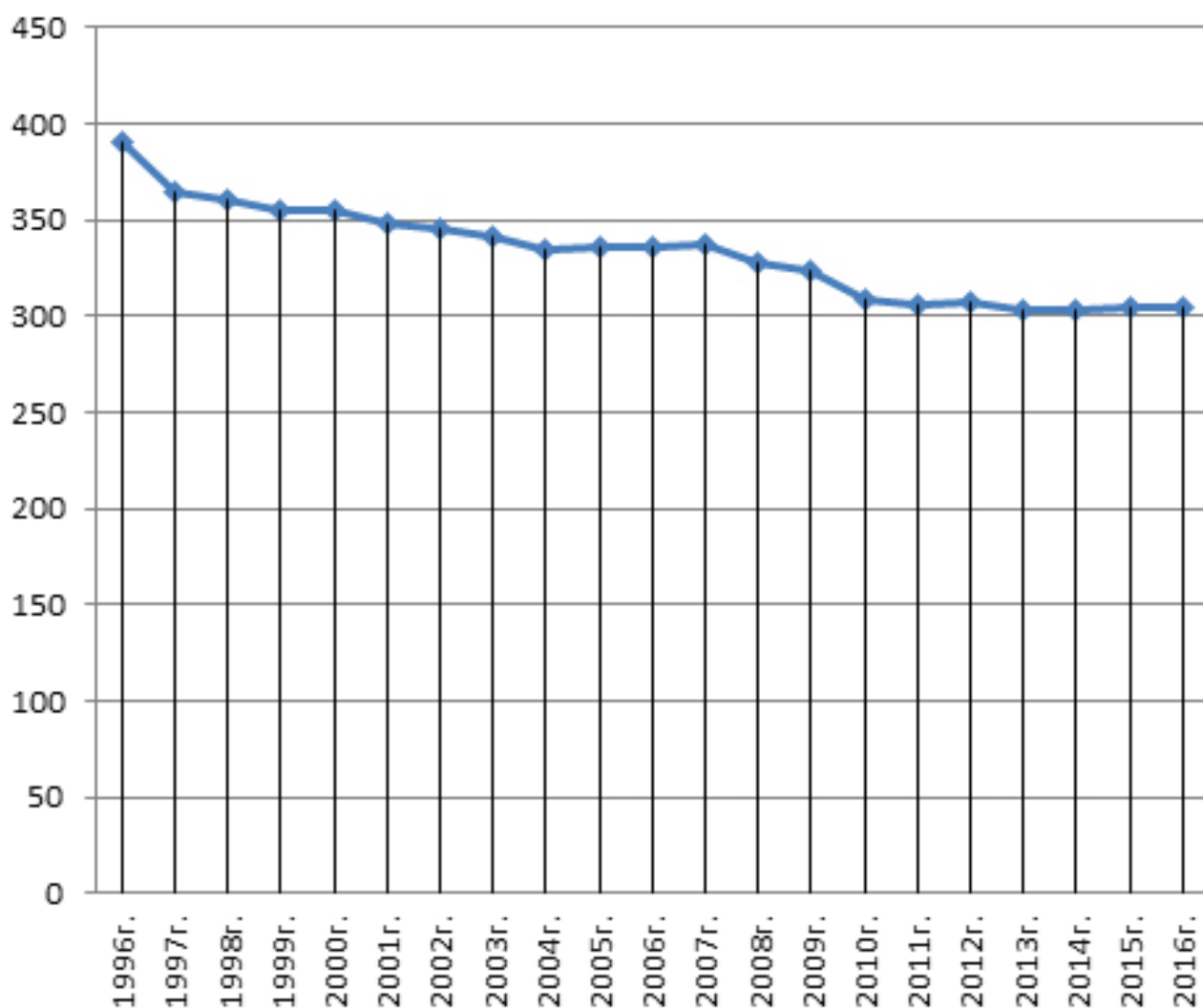

Рис. 6. Число предприятий обрабатывающей промышленности США (тыс. единиц)

Источник: S. Kota and T. Mahoney. Reclaiming America's Leadership in Advanced Manufacturing. MForesight. Alliance for Manufacturing Foresight. June 2019.

Те предприятия, что остались на рынке, борются с проблемами низких доходов и прибылей, старения рабочей силы и сужения долгосрочных перспектив развития. Многие производители, как крупные, так и мелкие, отмечают нехватку рабочей силы необходимой квалификации в качестве главной проблемы. Потеря промышленного достояния проявляется в конкретных отраслях и региональных кластерах. Например, штат Цинциннати когда-то был центром станкостроения, возглавляемого компанией Cincinnati Milacron, одно время крупнейшей в мире в этом сегменте. Сегодня, несмотря на наличие ряда американских станкостроительных компаний (таких как Huroco, Hardinge и Bourn&Koch), глобальная станкостроительная отрасль возглавляется германскими, японскими и южнокорейскими компаниями.

Другим примером являются электронные дисплеи. Переведя производство в страны Азии, американские компании уступили первенство и возможности инноваций в этом сегменте обрабатывающей промышленности. Несмотря на крупные государственные инвестиции в следующее поколение гибких дисплеев, лишь малое число национальных компаний сохранили компетенции и знания, необходимые для конкуренции на глобальных рынках. Аналогичная ситуация с полупроводниковыми блоками, PCB¹ с интерконнекторами высокой плотности и новыми материалами, включая биоматериалы, керамические и углеволоконные композиты [Assessing and Strengthening...].

Инновационная обрабатывающая промышленность требует рабочих с новыми мультидисциплинарными компетенциями, включающими знание механики, электроники и программного обеспечения. Для подготовки и переподготовки такой рабочей силы необходимы значительные инвестиции, а США тратит на эти цели всего 0,03% ВВП, что заметно ниже, чем в других странах ОЭСР [Public expenditure...].

Проблемы с промышленным достоянием высветили и другие вызовы, связанные с национальной инновационной экосистемой, особенно в сфере компьютерного «железа». После десятилетий офшоринга представители как государственного, так и частного сектора начали понимать, что США не может поддерживать свою экономическую и оборонную безопасность на базе только компьютерных программ и программного обеспечения.

Во-первых, проводимые в США исследования и разработки в значительной степени теперь зависят от иностранных выпускников, в основном из стран Азии, что создает возможности для зарубежных конкурентов использования результатов таких исследований.

Во-вторых, американские университеты стимулируются в направлении партнерства с иностранными институтами, и зарубежные компании часто выступают участниками американских исследовательских центров. Такие исследовательские центры не всегда располагают современным отечественным оборудованием и вынуждены приобретать его за рубежом, а иностранные участники пользуются результатами исследований для налаживания производства в своих странах.

1 Printed circuit board — печатные платы.

В-третьих, нехватка финансирования для налаживания производства прототипов технологий вне рамок лабораторий дает возможность иностранным компаниям лицензировать появляющиеся технологии или инвестировать непосредственно в стартапы, получая доступ к таким технологиям. Несколько ведущих американских исследовательских университетов, включая Стэндфордский, Северо-Западный университет и ряд других, заключили партнерские соглашения с Пекинским институтом совместных инноваций (VICI) о финансировании трансляционных прикладных исследований и отдали этому институту приоритет в лицензировании будущих технологий¹.

Наконец, перевод новых технологий в стадию коммерческого производства требует не только крупных инвестиций, но и наличия всесторонней производственной базы, которая в США часто отсутствует, что дает возможность иностранным компаниям, финансирующим такие работы, использовать подобные технологии для производства и получения доходов за рубежом.

Финансирование фундаментальных исследований американских университетов, особенно из федеральных фондов, остается существенным элементом национальной инновационной системы. Но прежние ожидания, что американские компании будут финансировать подобные необходимые исследования, а также создавать и развивать обрабатывающие мощности и компетенции с целью создания коммерческих продуктов, оказались далеки от реальности [Kota, Mahoney]. Это было связано в том числе с офшорингом производства и, вследствие этого, потерей индустриального ландшафта.

Таким образом, американские инвестиции в базовые НИОКР по существу субсидируют совершенствование товаров и технологий иностранных компаний.

Нынешняя американская администрация признала необходимость повысить отдачу от инвестиций в НИОКР, и в апреле 2019 г. National Institute of Standards and Technology (NIST) выпустил так называемую Зеленую книгу, Return on Investment Initiative for Unleashing American Innovation. Эта книга указывает на многочисленные препятствия на пути трансфера технологий и необходимость инвестиций в доработку и практическое применение технологий, а также преференциальной поддержки национальных производителей IP.

Федеральное финансирование НИОКР в обрабатывающей промышленности США с трудом поддается количественной оценке вследствие недостаточности информации и ненадежности статистики. Такие оценки варьируются от 773 млн долл. (оценка ОЭСР) до 3,7 млрд долл. (оценка Government Accounting Office). Недавно опубликованные данные компании MForesight говорят о 796 млн долл. федеральных инвестиций в обрабатывающие НИОКР по трем агентствам: Advanced Manufacturing Office министерства энергетики, NSF's Advanced Manufacturing Program и Manufacturing Technology programs министерства обороны США. Если учитывать финансирование других агентств, которые в той или иной степени относятся к обрабатывающей промышленности, то цифра возрастает до 2,9 млрд долл. [Kota, Mahoney]

¹ research.northwestern.edu/news/global-partnership-enhance-northwestern-innovations

796 млн долл. — это намного ниже, чем в других развитых странах. Даже если учитывать расходы прочих ведомств, оказывается, что Япония тратит на аналогичные исследования в 3 раза больше средств, Германия — в 6 раз больше, а Южная Корея — в 10 раз больше. По показателю доли обрабатывающей промышленности в общих НИОКР США далеко позади своих конкурентов (рис. 7).

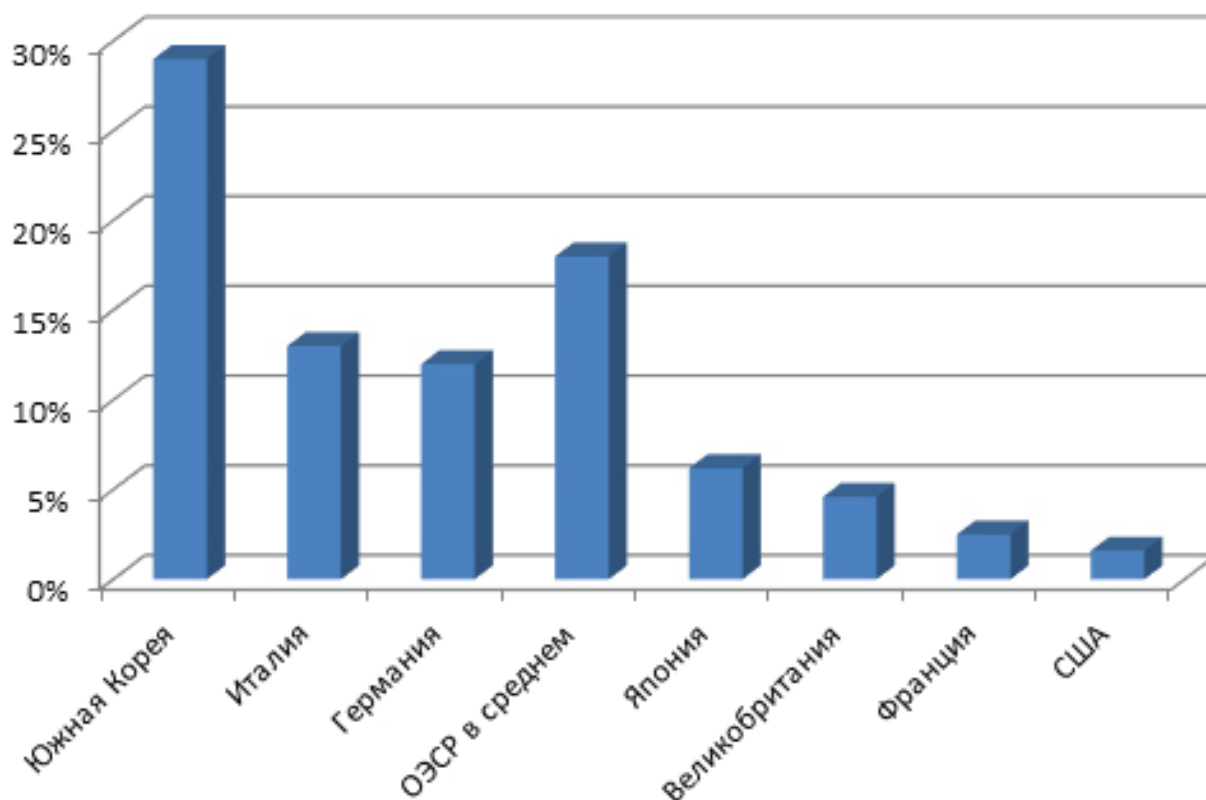

Рис. 7. Доля НИОКР обрабатывающей промышленности в общих расходах на НИОКР по странам (%).

Источник: S. Kota and T. Mahoney. Reclaiming America's Leadership in Advanced Manufacturing. MForesight. Alliance for Manufacturing Foresight. June 2019.

Необходимо отметить, что три страны — Япония, Германия и Южная Корея — поддерживают положительный торговый баланс в наукоемких передовых отраслях обрабатывающей промышленности и далеко впереди США в использовании промышленных роботов (рис. 8).

Малый и средний бизнес рассматривается американскими экспертами как фундаментальная основа индустриальной базы страны. В то время как транснациональные корпорации имеют глобальные интересы и часто извлекают большую часть своих доходов и прибылей из зарубежных рынков, малые и средние компании обычно привязаны к своим локальным территориям. Их наибольшие риски связаны с интенсивным импортом и зарубежными конкурентами, которые с большой вероятностью могут вымывать их с национального рынка, тем самым заставляя переводить производство в офшоры. Они в гораздо большей степени заинтересованы в своей стране как месте размеще-

ния производства и гораздо больше теряют от сокращения и сужения национального промышленного достояния, чем крупные корпорации с диверсифицированными глобальными мощностями и возможностями размещения своих заводов и поставщиков в наиболее выгодных для них странах и регионах.

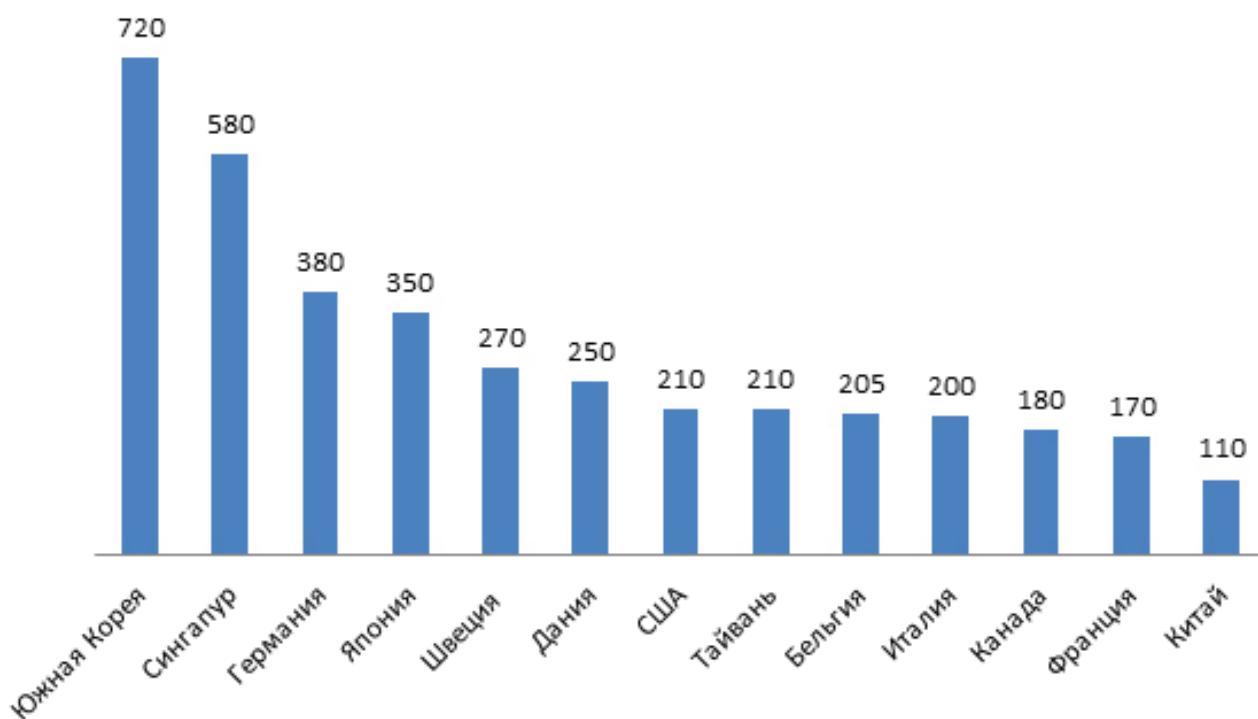

Рис. 8. Число роботов на 10 тыс. занятых в обрабатывающей промышленности, 2017 г.

Источник: International Federation of Robotics, 2018.

Высокий уровень банкротства и разрушения сетей снабжения затрудняет малым и средним компаниям адаптацию передовых технологий и формирование эффективных цепочек поставок. Несмотря на ряд программ (Hollings Manufacturing Extension Partnership (MEP) и the Manufacturing USA institutes), другие страны расходуют гораздо больше средств на поддержку внедренческих прикладных исследований малых и средних предприятий. На эти цели Германия, например, инвестирует в 20 раз больше, чем США, а Япония — еще больше [Mahoney, Helper].

Из проблем, с которыми сталкиваются малые и средние предприятия, особенно выделяется снижение издержек, хотя за последнее десятилетие острота этой проблемы, как и проблемы финансирования, несколько снизилась. Зато резко возросло значение профессиональных кадров, дефицит которых сдерживает дальнейшее развитие малого бизнеса в США, а также повышения технологического уровня для разработки новых продуктов (рис. 9).

Страны, которые активно поддерживают свой малый и средний бизнес, имеют позитивный баланс в торговле продукцией обрабатывающей промышленности с США.

В 2018 г. торговый дефицит США находился на уровне 891 млрд долл., в то время как Германия поддерживала положительный баланс в размере 280 млрд долл., а Южная Корея — в 95 млрд долл.¹.

В контексте общей слабости американской обрабатывающей промышленности интересно проследить процесс использования этой отраслью новых технологий. Особого внимания здесь заслуживает автомобильная промышленность, учитывая ее значение для национальной промышленной базы.

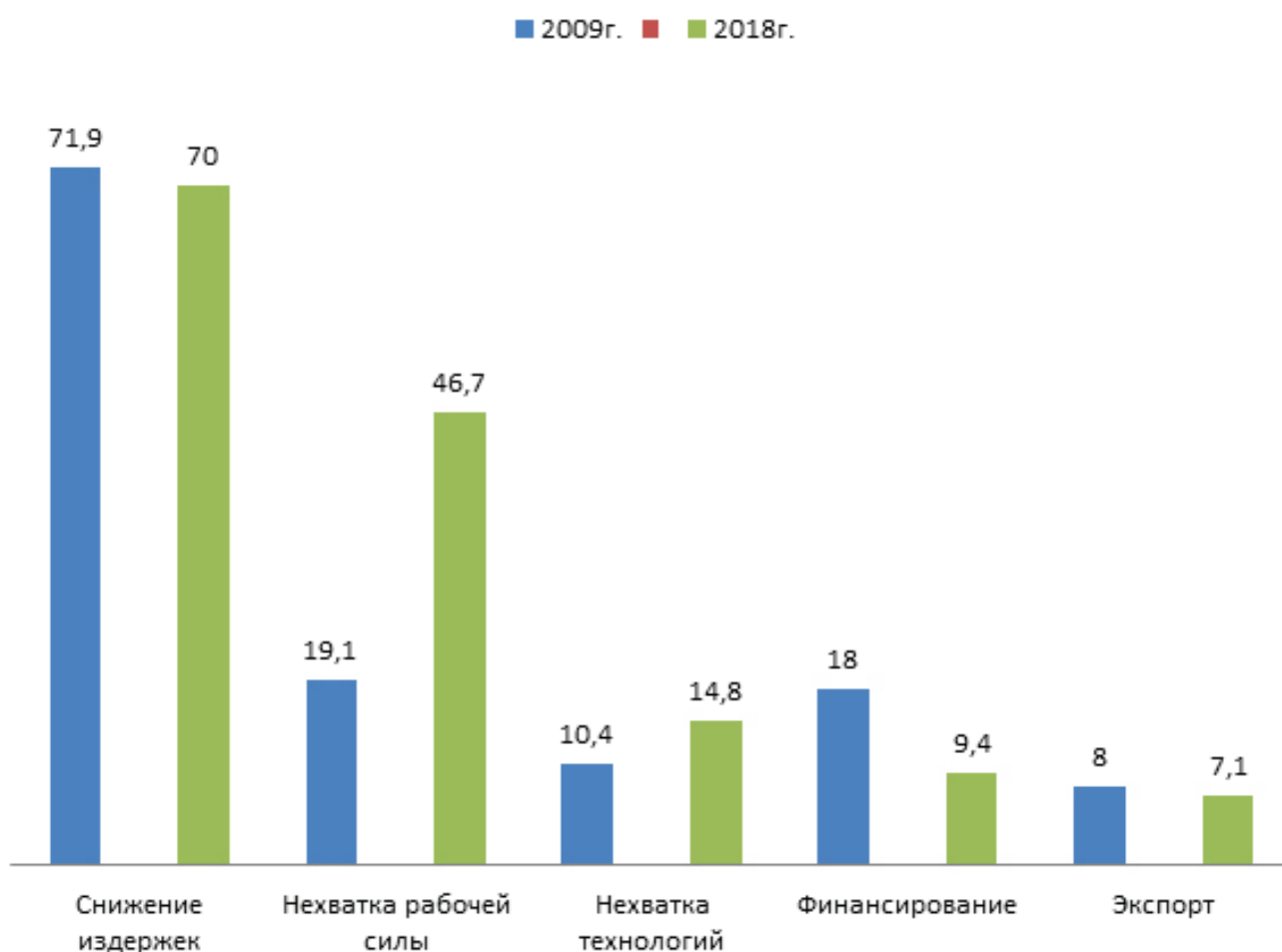

Рис. 9. Проблемы, с которыми сталкиваются малые и средние компании США

Источник: S. Kota and T. Mahoney. Reclaiming America's Leadership in Advanced Manufacturing. MForesight. Alliance for Manufacturing Foresight. June 2019.

По приблизительным расчетам, на отрасль по производству легковых, грузовых автомобилей и запасных частей к ним приходится до 15% выпуска американской обрабатывающей промышленности [2016 Census...]. В прошедшем десятилетии автомобильная промышленность отличалась наибольшими темпами роста среди всей обрабатывающей промышленности США. Глубокий и долговременный сдвиг в этой отрасли

¹ comtrade.un.org/data/

и во всей обрабатывающей промышленности связан с развитием электромобилей. По прогнозам компании McKinsey, на них к 2030 г. будет приходиться 17% продаж всех автомобилей в мире [Globalization in transition...]. Ведущие автопроизводители наращивают вложения в этот сегмент рынка. Например, компания Ford увеличила свои инвестиции в производство электромобилей до 11 млрд долл. и планирует вывести на рынок к 2022 г. до 40 новых моделей электромобилей и гибридных машин. General Motors планирует вложить 8 млрд. долл. в электромобили и автономные машины. Большая часть НИОКР компании GM осуществляется в ее Advanced Technical Center около Шанхая в Китае, который является крупнейшим в мире рынком электромобилей. Компания Volkswagen собирается инвестировать 90 млрд долл. в перевод своей автомобильной линейки на электричество в следующие десять лет [Taylor, Schwartz].

По некоторым оценкам, электромобили требуют до 40% меньше комплектующих и затрат труда на сборочные операции [Factbox...]. Основные издержки сдвигаются от механических компонентов (стоимость бензинового двигателя составляет около 5 тыс. долл.) к электромоторам и инверторам стоимостью 2 тыс. долл., а также к батарейным блокам, стоимость которых достигает в настоящее время 20 тыс. долл. На батареи приходится до 40% стоимости автомобиля. Рост производства электромобилей в предстоящие годы потребует резкого увеличения производства батарей. В США на протяжении продолжительного времени проводились исследования в области технологии литиевых батарей. Однако в стране до сих пор отсутствует достаточная производственная база. Например, компания Boston Power, один из ведущих стартапов в области батарейных технологий, переехала в Китай, где производство таких батарей получает сильную государственную финансовую поддержку [Bullis].

В настоящее время крупнейшим производителем батарей для электромобилей является компания Tesla, которая выступает в партнерстве с Panasonic. Ее завод в штате Невада производит продукции на 35 гигавайт-часов с перспективой увеличения в три раза к 2020 г. Другими компаниями в этой сфере являются LG Chem, Xalt Energy и SK Innovation. Существуют также несколько стартапов, которые планируют построить свои предприятия в ближайшем будущем. Однако они используют главным образом *иностранный корпоративный капитал*, а не венчурные инвестиции. Так, QuantumScape (Стэнфордский университет) уже имеет около 20 патентов в сфере литиевых батарей. Основным инвестором выступает Volkswagen. Начало производства планируется на 2025 г. Solis Power (Университет Колорадо), его основными инвесторами являются BMW, Samsung, Hyundai Motors. Ionic Materials из штата Массачусетс разрабатывает батареи с использованием пластикового электролита. Среди ведущих инвесторов — RenaultNissan, Mitsubishi, Hyundai и Hitachi. Только немногие из разрабатываемых в США технологий достигают стадии и практического производства литиевых батарей (внутри страны), в то время как крупнейшие китайские производители батарей, такие как CATI и ИНВ., быстро наращивают их производство.

Еще одним объектом интенсивных исследований и разработок является гибкая электроника. По крайней мере, с 1990-х годов эти исследования финансировались американскими военными. Однако, несмотря на ряд инициатив и программ, а также

технологических достижений университетов, широкого производства эта технология в США так и не получила. Производственная база в таких сегментах гибкой электроники, как смартфоны, портативные компьютеры и крупноформатные дисплеи, остается очень узкой. Лидируют в коммерциализации продуктов гибкой электроники такие корпорации, как Samsung, LG и Hanwha из Южной Кореи, японская Fuji Electronic и китайская BOE Technology. Только Kodak и Fuji Xerox обладают рядом патентов из общего числа 3200, выданных в области технологии гибкой электроники. Несмотря на лидерство США в первоначальных фундаментальных исследованиях, центр прикладных технологий и коммерциализации продуктов переместился в Азию. Это классический пример, когда американские исследования в области прикладных технологий следуют за обрабатываемыми производственными мощностями в страны Азии, оставляя в США только небольшое число нишевых игроков.

Одной из областей, где США может выстроить конкурентные преимущества, является производство процессингового оборудования и материалов, необходимых для производства гибкой электроники. Ряд компаний, в том числе 3M, производят гибкие подложки и другие материалы для электроники. Компания Kateeva, стартап из Силиконовой долины, производит оборудование и машины, использующие струйные технологии для печати экранов с органическими светодиодами. В 2016 г. эта компания заняла 88 млн долл. у группы китайских инвесторов, и ее потребители в основном также оказываются из Азии, включая Samsung, LG и BOE Display.

Другой перспективной сферой для американских производителей эксперты считают производство гибких субстратов (полимеры, гибкое стекло, металлическая фольга и гибкая керамика). В этом направлении исследования ведут ряд университетов и такие компании, как 3M, Molex и Brewer Science.

В то же время экспертами отмечается отставание США в области разработки и внедрения интеллектуальных технологий обрабатывающей промышленности, таких как роботы, аддитивные технологии и анализ больших данных. Так, в одном из последних отчетов Мирового экономического форума «Forth Industrial Revolution: Beacons of Technology and Innovations in Manufacturing» была опубликована информация об обследовании 1000 объектов обрабатывающей промышленности по всему миру, из которых 16 были признаны наиболее передовыми; среди них лишь один находился на территории США [Fourth Industrial...].

Возраст используемых в разных отраслях США обрабатывающей промышленности технологий варьируется от 2 лет в автомобилестроении до более чем 6 лет в химии, при среднем значении в 4,6 года. Малые и средние предприятия инвестируют в новые технологии еще менее интенсивно, часто предпочитая использование уже бывшего в употреблении или отремонтированного оборудования для расширения своего производства.

Американские эксперты полагают, что широкое внедрение интеллектуальных технологий является необходимым, но недостаточным условием восстановления роста

и эффективности обрабатывающей промышленности. Такие технологии могут помочь в предотвращении перевода производственных мощностей за рубеж, но необходимы и другие шаги для того, чтобы они обеспечили долгосрочную конкурентоспособность американской обрабатывающей промышленности.

Во-первых, государство и бизнес должны осознать, что интеллектуальные технологии и компьютеризированное оборудование, которое позволяет осуществлять итеративное проектирование, а также моделирование продукта и технологических процессов, также доступны и конкурентам. Такое оборудование ускоряет копирование технологических инноваций и цикл разработки продукта, снижает барьеры входа на рынок и ведет к быстрой коммерциализации широкой номенклатуры товаров.

Во-вторых, важнейшие исходные ресурсы для будущих отраслей (например, такие элементы электромобилей, как батареи, сенсоры, дисплеи и т.д.) должны производиться на территории США — не только для создания крупной индустриальной базы в стране, но и для гарантии того, что инновации также будут генерироваться здесь же.

В-третьих, национальные инвестиции в НИОКР, результатом которых становится генерирование и производство новых технологий, должны способствовать возникновению новых отраслей и новых конкурентных преимуществ США.

Литература

- 2016 Census of Manufactures. — URL: factfinder.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=ASM_2016_31VS101&prodType=table (date of access: 02.07.2019).
- Abel J., Deitz R. The (Modest) Rebound in Manufacturing Jobs. February 4, 2019. — URL: libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2019/02/the-modest-rebound-in-manufacturing-jobs.html (date of access: 02.07.2019).
- Andes S., Muro M. Don't Blame the Robots for Lost Manufacturing Jobs. Washington. April 29, 2015. — URL: brookings.edu/blog/the-avenue/2015/04/29/dont-blame-the-robots-for-lost-manufacturing-jobs/ (date of access: 02.07.2019).
- Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States," Report to President Donald J. Trump by the Interagency Task Force in Fulfillment of Executive Order 13806, September 2018. — URL: media.defense.gov/2018/Oct/05/2002048904/-1/-1/1/ASSESSING-AND-STRENGTHENING-THE-MANUFACTURING-AND%20DEFENSE-INDUSTRIAL-BASE-AND-SUPPLY-CHAIN-RESILIENCY.PDF (date of access: 02.07.2019).
- Autor D., Dorn D., Hanson G. The China Shock: Learning from Labor Market Adjustment to Large Changes in Trade. Cambridge, MA. January, 2016.
- Bossche P., Gott J. Reshoring in Reverse Again // ATKearney. — URL: atkearney.com/operations-performance-transformation/article?/a/reshoring-in-reverse-again (date of access: 02.07.2019).
- Bullis K. Why Boston Power Went to China // MIT Technology Review. 06.12.2011. — URL: technologyreview.com/s/426288/why-boston-power-went-tochina/#comments (date of access: 02.07.2019).

- Cohen S., Zysman J.* Manufacturing Matters: The Myth of the Post-Industrial Economy, N.Y.1987.
- Factbox: The challenges and consequences of moving to electric cars // Reuters. 26.07.2017. — URL: reuters.com/article/us-britain-autos-factbox/factbox-the-challenges-consequences-of-moving-to-electric-cars-idUSKBN1AB1RJ (date of access: 02.07.2019).
- Fourth Industrial Revolution Beacons of Technology and Innovation in Manufacturing. January 2019. World Economic Forum. — URL: weforum.org/docs/WEF_4IR_Beacons_of_Technology_and_Innovation_in_Manufacturing_report_2019.pdf (date of access: 02.07.2019).
- Glaser B.S.* Made in China 2025 and the Future of American Industry. Statement before the Globalization in transition: The future of trade and value. McKinsey Global Institute. January 2019. — URL: mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/globalization-in-transition-the-future-of-trade-and-value-chains?cid=otheremlnsl-mip-mck&hlkid=0c823927be10461681597b702d11f4a6&hctky=10424165&hdpid=061101a9-35af-42ab-9f48-92747f862bb6 (date of access: 02.07.2019).
- Kota S., Mahoney T.* Reclaiming America's Leadership in Advanced Manufacturing. MForesight. Alliance for Manufacturing Foresight. June 2019.
- Lovely M., Liang Y.* Trump Tariffs Primarily Hit Multinational Supply Chains, Harm U.S. Technology Competitiveness. Peterson Institute for International Economics. 2018.
- McKinsey Global Institute. Making it in America: Revitalizing U.S. Manufacturing. November 2017. — URL: mckinsey.com/~/_/media/mckinsey/featured%20insights/Americas/Making%20it%20in%20America%20Revitalizing%20US%20manufacturing/Making-it-in-America-Revitalizing-US-manufacturing-Full-report.ashx (date of access: 02.07.2019).
- Mahoney T., Helper S.* Ensuring American Manufacturing Leadership Through Next-Generation Supply Chains. MForesight. June 2017. — URL: <file:///C:/Users/%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%B0/Downloads/Supply-Chain-Digital-FINAL-June-2017.pdf> (date of access: 02.07.2019).
- Pisano G.P., Shih W.C.* Restoring American Competitiveness // Harvard Business Review. July-August 2009. — URL: hbr.org/2009/07/restoring-american-competitiveness (date of access: 02.07.2019).
- Public expenditure and participant stocks on LMP // OECD. — URL: hstats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=LMPEXP&lang=en (date of access: 02.07.2019).
- Senate Armed Services Committee Releases Report on Counterfeit Electronic Parts // Senate Armed Services Committee. 2012. — URL: armed-services.senate.gov/press-releases/senate-armed-services-committee-releases-report-on-counterfeit-electronic-parts (date of access: 02.07.2019).
- Senate Small Business and Entrepreneurship Committee. February 2019. — URL: csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/congressional_testimony/190226_Glaser_Testimony.pdf (date of access: 02.07.2019).
- Taylor E., Schwartz J.* Bet everything on electric: Inside Volkswagen's radical strategy shift // Reuters. 06.02.2019. — URL: reuters.com/article/us-volkswagen-electric-insight/bet-everything-on-electric-inside-volkswagens-radical-strategy-shift-idUSKCN1PV0K4 (date of access: 02.07.2019).
- Wubbeke J.* Made in China 2025: The Making of a High-Tech Superpower and Consequences for Industrial Countries, Mercator Institute for China Studies, December 2016. — URL: merics.org/sites/default/files/2018-07/MPOC_No.2_MadeinChina2025_web.pdf (date of access: 02.07.2019).

Authors

Eliseo BERTOLASI — Expert at the Institute of High Studies in Geopolitics and Auxiliary Sciences (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie, IsAG), Rome, Italy; Founder of Veneto-Russia Association, Honorary Member of Lombardy-Russia Association; Ph.D in Cultural Anthropology; ebertolasi@mail.ru.

Vladimir KONDRATEV — Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; Full Professor, Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

Anton KRUTIKOV — Historian, Research and Information Project “Western Russia” (Minsk, Belarus); bialyorz1000@gmail.com.

Ekaterina NAROCHNITSKAYA — Leading Researcher, Institute of Europe RAS; Director of the Research Centre, Foundation for Historical Outlook; Editor in chief of «Perspectives and prospects. E-journal»; Ph.D in History; ye_naroch@inbox.ru.

Ulrike REISNER — Lecturer at the Management Center, Vienna, Austria; Political Analyst; u.reisner@gmx.at.

Natalia TRAVKINA — Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.

Vladimir VASILIEV — Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.

Tatiana VOLOKITINA — Leading Researcher, Head of the Research Centre “Eastern Europe after the Second World War”, Institute of Slavic Studies, RAS; Doctor of History; tanyaslav@rambler.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Ella ZADOROZHNYUK — Head of the Department of Central and South-Eastern Europe, Institute for Slavic Studies, RAS; Doctor of History; tanyaslav@rambler.ru.

Abstracts and Keywords

Ekaterina NAROCHNITSKAYA

THE CRIMEAN ISSUE: OFFICIAL FRENCH POLICY UNDER CRITICISM FROM DOMESTIC ELITES

Abstract. *De jure* recognition of Crimea as a part of Russia's territory is not on the agenda of political discussions in France. Or, a noticeable part of French society, including its elite groups, does not share the vision of Ukrainian and Crimean events built on anti-Russian postulates. The Euro-Atlantic policy, greatly endorsed by the official leadership of the country and its dominant elites, invites skepticism and criticism not only within business environment, but also from French political, diplomatic, military and expert circles. Moreover, controversy on these issues highlights a new ideological division that is pushing back the classic left-right cleavage.

Keywords: *Crimea's reunification with Russia, Crimean referendum 2014, Crimean events, Ukrainian conflict, French position on the Crimean issue, foreign policy of France, "annexation of Crimea", "New Cold War".*

Eliseo BERTOLASI

ITALY — CRIMEA: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. *On 18 May 2016, in Venice, the Council of the Veneto Region was the first institution in the European Union that recognized the reunification of Crimea with Russia. This resolution paved the way for the same action by other Italian regional institutions: on 29 June 2016 in Genoa, the Council of the Liguria Region approved the recognition of the new Crimean status; on 5 July, was the turn of the Lombardia Region. It is no coincidence that Veneto and Liguria have taken this step, but there are very specific historical reasons. Crimea in the Middle Ages hosted Venetian and Genoese colonies.*

Keywords: *Crimea, Veneto, Liguria, Venetian colonies, Genoese colonies, Lega party (League party, Northern League).*

Ulrike REISNER

POLITICAL NARRATIVES ON CRIMEA IN GERMAN LANGUAGE MEDIA

Abstract. *Political narratives on Crimea in German Language Media have been subjected to discourse analysis using the method of fractal description developed by the author. The analysis of 720 headlines in five leading media of Germany, Switzerland and Austria (2014 and 2019) has revealed that Crimea-related reporting was inconsistent and showed remarkably little substance in the facts. A long list of important questions in connection with the 2014 events have not been even asked by German-language media. A classification of the events in Crimea into large subject areas of contemporary historical, political and geostrategic nature is still almost completely lacking.*

Keywords: *Crimea, 2014 events in Crimea, political narratives, German-language media, fractal decomposition, interpretation of Russian policy, sanctions against Russia.*

Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV

DEEPENING CRISIS OF THE US POLITICAL SYSTEM: CAUSES, SIGNS AND CONSEQUENCES

Abstract. *The most important background element of a profound crisis of the US political system has been the steady decline of the American public confidence in government. Fundamental changes have occurred in the mechanism used in Washington to adopt major reforms and other initiatives, which are now carried out exclusively on a one-party basis. In turn, this further reinforces political polarization, leading to a triumph of destructive “zero-sum games” when the ruling party’s objective boils down to dismantling the legacy left by the opposing party. All that has become particularly vivid under the Trump administration in 2017–2019.*

Keywords: *US political system, public trust in government, duopoly, polarization, authoritarianism, impeachment, electoral college, decision-making.*

Petr YAKOVLEV

THE TIME OF EUROPEAN DISCONTENT: THE EU’S CHANGING FRAMEWORK

Abstract. *While 2019 marked the beginning of a new phase in the history of the European Union, its specific political and economic markers are still not quite clear. International relations of EU member states are also undergoing radical change, and regional and global alliances are being reset. In fact, the whole domestic and foreign policy framework, which has existed in Europe for several decades, is essentially changing. That was clearly demonstrated by the elections to the European Parliament. The new EU leadership will have to find adequate responses to numerous economic, social, diplomatic and military challenges.*

Keywords: *European Union, consequences of global crisis, elections to European Parliament, political fragmentation, economic problems, geopolitics, European army.*

Anton KRUTIKOV**“UNTIL OUR GOVERNMENT IS STRONGER...”. BOLSHEVIKS AND THE UKRAINIAN NATIONAL QUESTION IN 1917-1923**

Abstract. *The upheavals of the Russian revolution and Civil War had a decisive influence on the development of the Ukrainian nation. Given modern efforts to free Ukraine “from imperial layers”, it is particularly useful to address real historical experience, namely that of the Bolsheviks, who implemented their own Ukrainian nation building project in 1917-1923. Generated by the party-state machine of the RSFSR, it was a cultural dimension of the “battle for Ukraine” and determined the character of Ukrainian statehood for many decades.*

Keywords: *Ukraine, Ukrainian question, Russian revolution, civil war, Ukrainization, national policy, national identity.*

Tatiana VOLOKITINA**A DATE THAT CHANGED NATIONAL HISTORY. FOR THE 75TH ANNIVERSARY OF THE EVENTS OF 9 SEPTEMBER 1944 IN BULGARIA**

Abstract. *The article dwells on the landmark event history which opened up the transitional period of popular democracy and Soviet-style political regime in Bulgaria. Estimates of what happened on the 9th of September 1944 have varied depending on situation. Up until the collapse of the communist regime in November 1989, they remained within the official ideological framework. Our time, while opening up the possibility of an unbiased historical research, generates a temptation of new myth-making.*

Keywords: *September 9, 1944; People's Uprising of 9 September, 9 September Coup d'état; revolution, political and scientific discussions, current historiographical situation.*

Ella ZADOROZHNYUK**THE BRITISH GEOPOLITICIAN'S VIEWS ON THE SLAVIC QUESTION. FOR THE 100TH ANNIVERSARY OF HALFORD JOHN MACKINDER'S “DEMOCRATIC IDEALS AND REALITY”**

Abstract. *In H.J. Mackinder's book “Democratic Ideals and Reality,” published 100 years ago, the term “Slavic question” is absent. However, the British geopolitician noted Eastern Europe and the Slavic peoples inhabiting it in his famous spell about the key to domination over the world. The belt of states on the map between the defeated Germany and the revolutionary Russia was identified as “strategic Heartland.” Mackinder proposed to link the solution of the Slavic question with promotion of “democratic ideals” in these countries, allowing also measures of coercion.*

Keywords: *H.J. Mackinder, democratic ideals, Slavic question, Eastern Europe, Heartland, Treaty of Versailles, subregions.*

Vladimir KONDRATEV**DEINDUSTRIALIZATION ISSUES IN THE UNITED STATES**

Abstract. *According to conventional wisdom accepted at the end of the 20th century, the United States had to move to a “post-industrial” economy, transfer production offshore and concentrate on research, software and finance. However, over time, real national costs of that strategy have become obvious. Not only has the U.S. manufacturing sector lost 5 million jobs in 20 years. Its persistent pattern of weakness is indicated by weak productivity growth, production increases in just a few industries, decreasing numbers of small and medium-sized enterprises, shortages of skilled personnel, expanding trade deficits in advanced technologies and increased risks for defense sector.*

Keywords: *deindustrialization, post-industrial economy, offshoring, manufacturing industries, competitiveness, productivity.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2019

№ 3 (19)

(июль — сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2019

№ 3 (19)

(July — September)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87